

Бельгия, Том 2 (из 2)

Сэр Джеймс Эмерсон Теннент

BELGIUM.

BY

J. EMERSON TENNENT, ESQ., M. P.

AUTHOR OF "LETTERS FROM THE ÆGEAN," AND "HISTORY
OF MODERN GREECE."

"L'UNION FAIT LA FORCE."—MOTTO OF BELGIUM.

IN TWO VOLUMES.

VOL. II.

LONDON:

RICHARD BENTLEY, NEW BURLINGTON STREET,

Printer in Ordinary to Her Majesty.

1841.

Электронная книга проекта "Гутенберг" о Бельгии, том 2 (из 2)

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Бельгия, Том 2 (из 2)

Автор: Сэр Джеймс Эмерсон Теннент

Дата выхода: 29 июня 2024 [Электронная книга №73945]

Язык: Английский

Оригинальная публикация: Лондон: Р. бентли, 1841

Авторы: Питер Беккер, Элени Кристофаки и команда онлайн-корректоров по адресу <https://www.pgdp.net> (Эта книга подготовлена на основе изображений, предоставленных цифровой библиотекой Hathitrust.)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА "ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ГУТЕНБЕРГА", БЕЛЬГИЯ, ТОМ 2 (ИЗ 2) ***

Примечание переписчика

Изменчивая орфография и расстановка переносов сохранены. Незначительные несоответствия в пунктуации были исправлены в автоматическом режиме. “[Указатель предметов, связанных с торговлей и промышленными предприятиями Бельгии](#)” приводится в [первом томе](#). Список внесенных изменений можно найти [в конце книги](#).

БЕЛЬГИЯ. ТОМ II.

РАТУША ГЕНТА.

Бельгия.

Дж. ЭМЕРСОН ТЕННЕНТ, ЭСКВАЙР, член парламента

АВТОР “ЭГЕЙСКИХ ПИСЕМ” И “ИСТОРИИ СОВРЕМЕННОЙ ГРЕЦИИ”.

“СОЮЗ ЗА СИЛУ”. — ДЕВИЗ БЕЛЬГИИ.

В ДВУХ ТОМАХ.

ТОМ II.

ЛОНДОН:

РИЧАРД БЕНТЛИ, НЬЮ-БЕРЛИНГТОН-СТРИТ,

ординарный издатель Ее Величества.

1841.

ЛОНДОН:

ИЗДАТЕЛЬСТВО “ШУЛЬЦЕ И КОМПАНИЯ”, ПОЛЬСКАЯ УЛИЦА, 13.

СОДЕРЖАНИЕ ВТОРОГО ТОМА

Глава I.

дворцы Брюссель—дворец принца Оранского—позор правительства уважая его—
описание интерьера—палат бельгийского законодательный орган—Национальный
дворец—Конституция Бельгии—переменная франшизы—удаления снимка из Ватерлоо—в
парке—единственной сцены революции—курьезный случай, о приключениях английского

вечеринку в Отель-де-Бельвю во время беспорядков в Брюсселе—*строительство Сосьете дю Ренар в Брюсселе*—По дороге в Антверпен—виллы—старый Шато—Дом Рубенса, Тенирса—деревне Вье-Дье—появление в стране—*башня собора*—фортификационных сооружений—узкие улочки—Дворец Наполеона—домики—*истории Антверпен*—фестиваль леди Ева—огромный торговли в XVI веке—заккрытие Шельды в 1648—проекты Наполеона на Антверпен—Арсенал и замки—*производство, от 1815 до 1830*, пострадавших в результате революции—Транзитная торговля Бельгия—абсурдная система конкуренции с Голландией—Рубенс—праздники в его честь—современные художники—*Verboeckhoven*—*музей*—Рубенса гений—распятие—"Поклонение волхвов"—Вандик—*собор*—Вид с башни—распятие изготовлено из статуи Алва—памятник в Quentin Metsys—интерьер церкви—*Рубенса "Снятие с креста"*—гробница Рубенса в церкви Сен-Жак—*Церковь Святого Павла*—на Голгофе и Чистилище—аспект Римско-Католической место поклонения—леди из Антверпен в вечерне—*Сент-Эндрюс Церкви*—великолепный амвон—памятник Мария, королева Шотландии—ужин с М. Дэвид—хотите ковров в Континентальной дома—Цитадели—чрезвычайные происшествия—общие ШАС—Патриот армия—особая история из трех командиров—бомбардировка—места в театре, чтобы увидеть осаду.

ГЛАВА II.

Набережные Антверпена—Своеобразный способ воспитания молодых деревьев—Шельда—Летающий мост Наполеона—История Ван Спейка—Польдер на Фландрском Тет—де—Фландр—Его катастрофа в 1837 году—Цвиндрехт—*Различные профессии бельгийских святых*—История викария святого Иоахима—Бевверена—*Святой Николай*—Плотное население—Рынок—Исполнители фламандских баллад—Древняя драма Фландрии—Тамиз—Плачевное состояние торговли хлопком в Бельгии со времен революции—Ее причины—Неспособность правительство предоставит льготы—Сокращение экспорта с 1833 года—Замечательная петиция профсоюзов в законодательный орган—Предлагаемые ими меры—Невозможность любого торгового союза с Францией—Или Золь—Верейн—*Дендермонде*—Осада герцогом Мальборо—Описание его нынешнего состояния—Его мануфактуры—Мехлин—Любопытный старый город—Архиепископ Стеркс—Политический прелат—Мехлинские кружева—Лен—Собор Святого Ромоальда—Башня—Карильон—Огромные колокола—Корпорация Мехлина—*Могила Бертольди*—Картины Ван Эйка—*"Распятие Вандайка"*—Превосходство Рубенса в композиции—*Церковь Нотр-Дам*—"Чудесная добыча рыб"—Любимые картины Рубенса в церкви Святого Иоанна—Отель Сен-Жак.

ГЛАВА III.

Пейзажи вокруг Лувен—*бельгийская железнодорожная сеть*—своеобразную адаптацию страны—политика государственного вмешательства в их конструкции—средняя стоимость за милю—причины различий в затратах между Бельгией и Англией—низкой цене от путешествия в Бельгию—*происшествия*—успех еще не решил,—Лувен—ее степени—университет Лувен—былую славу—ее нынешнем состоянии—"биэрре" де Лувен—*великий пивоварни*—процессов—удивительный потребление пива в Бельгии—Его различные символы—в *Отель-де-Виль*—картинки—Галерея М. Vanderschreick—соборная церковь Сен-Пьер—*Легенда о Святой Маргариты Лувен*—могила Юстус Lipsius—полет "храбрецы включают" в Лувене в 1832—единственное изменение в характере людей, для храбрости—настоящему солдатня—*Terveuren*—парк и дворец принца Оранского—лес ухоженная—

Ватерлоо—бельгийского Льва—его травмы на поле—Ирландский анекдот—храбрость ирландские войска в битве при Ватерлоо—*Hougemont*—Орчард—мощи бой—герцог Веллингтон имущества—нет ему памятник на поле—герцог Мальборо—Ла-Бель-Альянс—*Катр-Бра*—лес вырубает—красивые пейзажи рек Маас и Самбр—Намюр—мой дядя Тоби—цитадель—не Джон Австрии—собор—*в церкви Сен-Лу*—торговля ножевыми изделиями—Сошествие Мез—ее красоту и ее богатства—Арденнской—*историю Мистера Кокру*—его влияние на производителей Бельгии—его распечатать-работает в Арденнской—разрушенный революцией—в производство бумаги Бельгия—Юи.

ГЛАВА IV.

Хаю—крепости—храмы—*минеральные и угольных районов Бельгия*—процветания угольных шахт—количество произведенных в Бельгии, по сравнению с другими странами—цена в Гент, Брюссель, а Антверпен—паника в 1836 году для исчерпания угля в Бельгии—декорации Мез—замечательных людей, рожденных в его окрестностях—замков *Aigrement* и *Chokier*—*Серен*—огромные масштабы работы—ее производят в ее собственных стенах—история создания—Дворец князей-епископов Льежа,—обнадежил короля Голландии—дома—огромный паровой двигатель—удивительно объем операций на уютг строительство—залы для строительных машин—огромное количество рабочих, занятых—Ее экспорт—*мистер Джон Кокру*—степень его рассуждения—развитие Серен объясняется их—ее перспективы на будущее—политики Англии в отношении экспорта машиностроения—*импорта машин и оборудования в Бельгия*—дороге в Льеж—Льеж—никакого сочувствия с ее истории—бурные и *unamiable* персонажа своего древнего народа—князь епископ объявляет войну Франции—доля *Liegeois* в революции 1830—ей угрожает нападение на Киев—город—*производство пожарно - -оружие и пушки*—это льнозавод—Его Церкви плохой—Дворец Правосудия—университет—*декорации Vesdre*—железная дорога—*горячим-Фонтен*—спа—пустынно—Вервье—город—поведение во время революции—*шерстяного производства Бельгии*—хочешь родной шерсти—объем и спад в торгово—причины ее возникновения—постановка *M. Briavionne*—*акционерные общества*, в Бельгии—два в Вервье—мания за спекуляцию—его отказов—Прусской границе—Лимбург—перспективы Бельгии—ее плохом состоянии—политики короля Голландии,—что нынешнее правительство—настоящему аспект торговли—невозможность конкурировать с Англией—символ бельгийской механика—*пагубные последствия* “отменить Союза”.

ГЛАВА V.

Изменение внешнего вида страны при пересечении границы Бельгии с Пруссией — Паспорта, никаких особых неудобств—Анекдот о плантаторе с Ямайки—Первый вид Экс-ла-Шапель — Его население и занятия—*Восстание патриотов в 1830 году*—Его абсурдное завершение—Кафедральный собор Карл Великий—Его архитектура—Пожертвование Марии, королевы Шотландии—Гробница Карла Великого—Его необычный способ погребения—Реликвии в Сокровищнице—Редут—Игорная площадка, доступная в Пруссии—*Отель де Вилль*—Статуя и фонтан Карла Великого—Окрестности Экса приемлемы—Политическое состояние Зарейнской провинции Пруссии—*Отличные условия размещения*—Улучшение, предложенное в Англии—Вид страны на Джульерса—Джульерс—*Нойс*—Торговля нефтью может быть полезна выгодно представлен в Ирландии — церковь Святого Квирина на Рейне.

166

219

Бельгия.

ГЛАВА I.

BRUSSELS—ANTWERP.

Дворцы Брюссель—дворец принца Оранского—позор правительства уважая его—описание интерьера—*палат бельгийского законодательный орган*—Национальный дворец—Конституция Бельгии—переменная франшизы—удаления снимка из Ватерлоо—в парке—единственном сцены революции—курьезный случай, о приключениях английского вечеринку в Отель-де-Бельвю во время беспорядков в Брюсселе—*строительство Сосьете дю Ренар в Брюсселе*—по дороге в Антверпен—Виллаш—Старый Шато—Дом Рубенса, Тенирса—деревне Вье-Дье—появление в стране—*башня собора*—фортификационных сооружений—узкие улочки—Дворец Наполеона—домики—*истории Антверпен*—фестиваль леди Ева—огромный торговли в XVI веке—закрытие Шельды в 1648—проекты Наполеона на Антверпен—Арсенал и замки—*производство, от 1815 до 1830*, пострадавших в результате революции—транзитной торговли Бельгии—Абсурдная система конкуренции с Голландией—Рубенс—праздники в его честь—современные художники—*Verboeckhoven*—музей—Рубенса гений—распятие—"Поклонение волхвов"—Вандик—*собор*—Вид с башни—распятие изготовлено из статуи Алва—памятник в Quentin Metsys—интерьер церкви—*Рубенса "Снятие с креста"*—гробница Рубенса в церкви Сен-Жак—*церковь Св. Павла*—Голгофа и Чистилище—аспект Римско-Католической место поклонения—леди из Антверпен в вечерне—*Сент-Эндрюс Церкви*—великолепный амвон—памятник Мария, королева Шотландии—ужин с М. Дэвид—хотите ковров в Континентальной дома—Цитадели—чрезвычайные происшествия—общие ШАС—Патриот армия—особая история из трех командиров—бомбардировка—места в театре, чтобы увидеть осаду.

Брюссельских дворцов, которые мы посетили сегодня, два; дворец короля представляет собой тяжеловесное на вид здание, которое раньше представляло собой два дома, разделенных улицей, которые теперь были объединены и перестроены в одну резиденцию, более примечательную прочностью, чем красотой. Однако в нем есть несколько великолепных комнат, особенно большой бальный зал для государственных мероприятий, и несколько превосходных картин. Рядом с ним находится дом принца Оранского, который был источником большого смущения для бельгийского правительства. Он был возведен для принца на средства, выделенные для этой цели нацией в знак признания его военных заслуг при Ватерлоо; и обставлен, я думаю, по крайней мере частично, на его собственные средства. Но едва все это было завершено, как революция 1830 года изгнала принца, которого народ так недавно с радостью чтит, из его владений и недавно приобретенного дома.

Что же теперь делать с дворцом! Смогут ли люди, которые так недавно даровали ему власть, вернуть ее обратно? Если бы принц Оранский был королем, дело обстояло бы иначе, но при жизни своего отца он все еще был не более чем частным джентльменом. Он не несличной ответственности за какие-либо политические преступления, инкриминируемые короне, и конфискация его имущества, следовательно, была бы актом частного правонарушения. И все

же среди *форт*ов Революции не было недостатка в партии, которая настаивала бы на ее приспособлении к целям государства. С другой стороны, принц, естественно, возмущенный изгнанием своей семьи, не решался предпринять какие-либо шаги для изъятия своей собственности, и вся великолепная мебель, как из этого дворца, так и из другого в Треворене на границе леса Суаньи, подаренная ему при тех же обстоятельствах и в то же время нацией, была оставлена нетронутой, но ни в коем случае не брошенной, поскольку они все еще находились под опекой его слуг и агентов.

Возможно, также, в дополнение к нежеланию принца признавать свое сознание полной безнадежности того, что семья когда-либо восстановит свое утраченное положение; возможно, он чувствовал, что его опустевший дворец со всеми его портретами, статуями, бюстами и картинами, роскошными украшениями и элегантной и изысканной бижутерией, оставленной в том виде, в каком он пользовался ими в последний раз, очевидно, в спешке и тревоге бегства, был бы желанным воспоминанием, которое он оставил после себя тем, кто все еще вздыхал о восстановлении его дома. И что, исходя из этого соображения, он не спешил принимать какие-либо новые решения по этому поводу.

Однако, как бы то ни было, дворец и все его содержимое оставались под защитой бельгийского правительства, хотя фактически находились под опекой слуг принца, вплоть до окончательной ратификации договора о независимости Бельгии в 1839 году, и посетители допускались в его роскошные апартаменты по распоряжению министра финансов. Однако этот формальный отказ Голландии от всех признанных притязаний на ее секвестрированные владения не оставил принцу Оранскому никакого дальнейшего предложения для очевидного оставления своей собственности, и в течение последних нескольких недель содержимое дворца находилось в процессе вывоза в Гаагу. Книги, картины и бижутерия уже исчезли, за ними вскоре последует остальная мебель, так что в настоящее время единственными предметами, которые можно увидеть, являются портьеры из вышитого шелка и бархата, великолепные канделябры *ormolu* в бальном зале, позолоченные стулья и почти бесценные столики из лазурита и малахита, один из которых был оценен, не знаю, насколько точно, в 500 000 франков, а другой - в три раза больше. Это были подарки российского императора своей сестре принцессе Оранской вместе с плитами сибирского гранита, которыми облицованы стены некоторых великолепных салонов и которые отличаются необычайной белизной и красотой.

Внешний вид этой действительно великолепной резиденции, поскольку она слишком мала, чтобы соответствовать нашим представлениям о величине дворца, совершенно недостойн своего непревзойденного содержания и внутреннего убранства, но и то, и другое вместе взятое, как говорят, стоило свыше двадцати миллионов франков, и до демонтажа это был вне всякого сравнения и сомнений самый изысканный особняк в Европе. Пожалуй, самые интересные апартаменты - это апартаменты принцессы, состоящие из обычных спален, ванных, будуара, библиотеки и приемных, все они остались нетронутыми в том виде, в каком их оставила их знаменитая хозяйка, отправляясь в путешествие в Гаагу, откуда она и представить себе не могла, что больше никогда не вернется в Брюссель. Ее книги и рисунки все еще лежали на столе, письменные принадлежности и какие-то бумаги лежали в папке рядом с ними, и все очаровательные безделушки будуара все еще оставались нетронутыми с того места, в котором ее собственная рука расставила их в последний раз. Не может быть, чтобы симпатия, которую испытывает даже иностранец при посещении такого места, не была тепло разделена значительной частью самих бельгийцев, у которых эти интересные сувениры постоянно перед

глазами. Я предполагаю, что дворец по-прежнему будет открыт для публики; и даже если его лишат более роскошных украшений, мраморные стены, богатые потолки и полы из дорогого маркетери все равно сделают его украшением Брюсселя.

Здание, в котором проводит свои заседания бельгийский парламент, расположено на той же площади, на стороне, противоположной той, которую занимает королевский дворец. Это большое здание в греческом стиле, со значительным количеством скульптур и архитектурных украшений снаружи, но внутри его переходы и покои отличаются почти республиканской простотой и отсутствием украшений. Само по себе главное здание не новое, оно было возведено Марией Терезией для древнего Совета Брабанта — сейчас оно носит пышное название *Дворец нации*. Рядом с ним, на Рю де ла Лой, Даунинг-стрит в Брюсселе, находятся официальные резиденции и офисы министров финансов и общественных работ, а также государственных секретарей внутренних дел и иностранных дел.

Вестибюль представляет собой очень большой и низкий вестибюль, вымощенный мрамором голубоватого цвета, соединяющийся с двумя лестницами, которые ведут в палаты общин и сенат. В соответствии с антиаристократическим духом конституции, провозглашающей равенство всех сословий, в убранстве верхней палаты нет ничего, что отличало бы ее от нижней, за исключением того, что последнее помещение намного больше и красивее из двух. Сенат представляет собой квадратное помещение средних размеров с зеленым столом, окруженным стульями. Палата общин представляет собой полукруг, освещенный сверху, окруженный колоннами, поддерживающими крышу, и оборудованный скамьями, покрытыми зеленым сафьяном, с удобствами для бумаги и письменных принадлежностей перед каждым членом, а перед ними находится кресло Президента и трибуна, к которой каждый оратор поочередно подходит, чтобы обратиться к палате представителей. Именно в последней палате король лично открывает и закрывает заседания Ассамблеи в начале и конце каждой сессии.

Вместо ненормальных часов и сезонов работы британского парламента, бельгийские ассамблеи работают зимой и в полдень, а их обсуждения открыты для публики, с правом, предоставленным любым десяти членам, требовать голосования Палаты за исключение посторонних лиц во время любых конкретных дебатов. Секретари, сидящие за столом, являются членами Палаты представителей и принимают участие в ее работе. Количество представителей регулируется численностью населения в пропорции один член на каждые 40 000 жителей; а численность сената составляет *половину* численности другой Палаты. Последние избираются на восемь лет, а первые - на четыре, и выборы в сенат проводятся каждые четвертый год, когда половина уходит на пенсию, а в палату общин - каждые вторые. Квалификация сенатора заключается в уплате прямых налогов в размере 1000 флоринов в год, в то время как у представителя - всего двести, или около 10 фунтов стерлингов. Члены нижней палаты получают по 200 флоринов в месяц во время заседаний палаты; члены верхней палаты отличаются тем, что не имеют ни жалованья, ни привилегий. Министры имеют места в обеих ассамблеях и право быть заслушанными в ходе их обсуждений, если им потребуется выступить, но не имеют права голоса при разделении; любая палата может также потребовать их присутствия и объяснений, если это необходимо для ее обсуждения.

The *Избирательное* право, я забыл указать, варьируется по количеству в разных провинциях, но во всех оно требует, чтобы избирателю было двадцать пять лет, и по рождению или

натурализации он был бельгийцем. Проводится также различие между городскими выборщиками и крестьянами одной и той же провинции, которые голосуют за одного и того же депутата. Таким образом, для провинции Антверпен курфюрст города должен платить, в качестве своего ценза, восемьдесят флоринов прямых налогов ежегодно, в то время как от крестьянина требуется платить только тридцать. В Брюсселе и Генте сумма такая же, как в Антверпене; в Льеже она составляет семьдесят флоринов; в Брюгге - шестьдесят; в Куртре - пятьдесят; и в Остенде - сорок, вплоть до тридцати пяти для некоторых небольших городских округов. Шкала, по-видимому, повсюду регулируется пропорционально сельскохозяйственной или коммерческой репутации избирательного округа; Люксембург и Намюр, например, являются самыми низкими в списке, и их крестьяне платят всего двадцать флоринов, или что-то меньше двадцати шиллингов в год; в то время как в Лимбурге ценз составляет двадцать пять и тридцать в каждой из шести других провинций королевства.

До недавнего времени нижняя палата была украшена двумя картинами, изображающими битвы при Ньюпоре и Ватерлоо. В последнем случае главной фигурой был принц Оранский в момент получения им ранения в бою. Эта несчастливая картина, по-видимому, была источником некоторого замешательства — хранить такой заметный сувенир об изгнанной династии, к тому же свидетельствующий о ее сильнейших претензиях на благодарность нации; и, прежде всего, оставлять ее подвешенной в самой гуще революционных лидеров, должно быть, было особенно неловко. Но тогда это возражение не распространялось на битву при Ньюпоре — одну из самых решающих побед патриотов над испанцами в освободительной войне, и уничтожение одного без другого выглядело бы вызывающе. Однако трудность, по-видимому, была преодолена, поскольку мы обнаружили, что они оба исчезли; а картину Ватерлоо мы видели в задней комнате, возможно, ожидающей ее переноса в какое-нибудь еще более укромное хранилище.

Парк, образующий центр площади, по бокам которой расположены эти общественные здания, является излюбленной прогулкой брюссельцев — садом Тюильри в их маленьком Париже, и, по сути, этосад, размеры которого слишком малы, чтобы заслужить более достойное название. Не будучи ни голландским, ни кокнийским, он содержит столько разнообразных украшений, сколько вполне можно разместить на таком маленьком пространстве — широкие зеленые склоны, высокие деревья и тенистые дорожки, с фонтанами, бюстами и статуями в изобилии. В садах есть театр миниатюр, кафе и бальный зал под названием La Salle du Vauxhall, а летом на вечерних прогулках играет военный оркестр. Это маленькое “развлечение” было в 1830 году центром революционного бунта, когда голландские войска под командованием принца Фредерика неудачно вошли в город и после некоторого периода резни и поджогов отступили, не продемонстрировав своей силы и не предприняв энергичных усилий подавить восстание. Дома и деревья все еще носят следы этих кровавых “трех дней”, раны последних все еще перевязаны свинцовыми и железными пластинами, прибитыми поверх мест, разорванных ядрами.

Сцена, которую это теперь мирное место представляло на следующее утро после ухода голландских войск, так описана очевидцем. “В парке статуи, деревья, ворота и украшения были разбиты или испорчены; дорожки, аллеи и впадины были усеяны фрагментами огнестрельного оружия, лафетов, орудий и военного снаряжения. Здесь путь преграждали изуродованные тела мертвых лошадей; там лежал все еще трепещущий, наполовину раздетый труп, а рядом с ними дюжина других, едва прикрытых несколькими пригоршнями земли или листьев. Окровавленные и обесцвеченные полосы отмечали следы, по которым какая-то раненая жертва утащила себя с

места боя; а глубокие вмятины в песке с темными свернувшимися лужами, покрытыми мириадами насекомых, указывали на места, где другие доблестные мужчины вели свою последнюю смертельную схватку”.[1]

В самый разгар этой сцены смятения и резни отель де Бельвю, любимое место отдыха англичан, в тот момент был занят группой наших соотечественников и несколькими знатными женщинами. В брошюре, которую я подобрал в Брюсселе и опубликованной в тот период, я нашел следующую наглядную деталь осады, которую они выдержали, — главу о настоящей романтике, какая встречается в жизни лишь немногих поколений туристов, ежегодно наводняющих Брюссель. Утверждается, что оно написано английским офицером, который был одним из участников вечеринки.

“Когда королевские войска начали наступление на Брюссель утром 23-го, англичане в отеле Бельвю состояли из леди Чарльз Бентинк, племянницы герцога Веллингтона, и двух дочерей, старшей около тринадцати, мистера и миссис Джордж Харли Драммонд, миссис и мисс Уолсли (интересная девушка), капитанов Дента и Сибборна и их соответствующих слуг. Едва началась канонада у Шербекских ворот, как капитаны Дент и Сибборн поспешили на бульвары за дворцом принца Оранского, чтобы по возможности понаблюдать за продвижением войск и посмотреть, как наводится и подается девятифунтовое ружье, принадлежавшее буржуа. Однако через несколько минут они услышали, как картечь застучала по деревьям у них над головами, что побудило их вернуться в отель, когда, как раз в тот момент, когда они поворачивали за угол дома, в нескольких ярдах от них разорвался снаряд. Этого было достаточно, чтобы показать, что со стороны войск была определена самая враждебная диспозиция. Снаряды и картечь в изобилии сбрасывались с возвышенности за воротами Шербека, вдоль улицы Руаяль, по направлению к Королевской площади. Из отеля нам было хорошо видно продвижение войск, которые были встречены яростным огнем со стороны буржуа, занявших дома по обе стороны улицы, и которые произвели большое опустошение среди военных; но последние, благодаря численному превосходству, вскоре достигли парка, который буржуа, к большому сожалению для них самих и по самой необъяснимой причине, забыли занять. Они промчались через парк и овладели королевским дворцом, который тоже был пуст. Однако, каким бы быстрым ни был этот успех, они так и не смогли в течение четырехдневных боев продвинуться в этом направлении, и все их попытки овладеть Королевской площадью оказались бесплодными, несмотря на очень оживленный огонь, который они непрерывно вели по горожанам. Любопытно, что не более двухсот таких орудий находилось на Королевской площади, когда военные неоднократно предпринимали на нее нападения, но у них было три или четыре девятифунтовых орудия, которые замечательно послужили.

С целью завладеть этими пушками отряд, численностью не более сорока улан, продвинулся вдоль той части отеля Бельвю, которая обращена к парку; но едва они добрались до угла и попали в огонь, как развернулись и поспешно отступили до королевского дворца. Начался резкий огонь как из пушек, так и из стрелкового оружия, который продолжался без перерыва до окончательного отступления войск. Положение английских леди в отеле Бельвю в этот момент стало очень критическим. Мы все перебрались в комнату на втором этаже, выходящую окнами на Королевскую площадь, но несколько бюргеров, войдя в дом, начали стрелять с крыши, что, естественно, навлекло на здание огонь войск.

Быстрой череды выстрелов из отеля и против него, а также постоянного артиллерийского огня у его ворот и криков людей было достаточно, чтобы устроить самое стойкое женское сердце. Мы сочли абсолютно необходимым отвести дам в более укромную нижнюю часть дома, хотя, спускаясь по главной лестнице, они подверглись резкому ружейному обстрелу. Однако нам удалось спустить их в целости и сохранности. Убежищем служили поварские ясли, что-то вроде погреба, находившегося на одной линии с кухней, но несколькими ступенями ниже. Находясь под сводами и под землей, мы оставались там в относительной безопасности до полудня субботы 25-го. Дамы постепенно привыкли к шуму огня над их головами, и поскольку две из них от природы отличались очень живым складом ума, подвал время от времени представлял собой сцену веселья и добродушия, которые резко контрастировали с более частыми сценами тревоги, страха и уныния. Не следует предполагать, что дамы все время находились в подвале взаперти; любопытство взяло верх, даже с риском для жизни, и многие поднимались по лестнице, чтобы взглянуть на происходящее снаружи. В то же время было бы несправедливо приписывать этот мотив одной леди, миссис Драммонд, чье доброе сердце и искреннее человеколюбие побудили ее навестить раненых, которых они постоянно приносили в зал, и оказать посильную помощь тем храбрым парням, которые хотя и находились в агонии, молча, но многозначительно выражали свою благодарность.

“О, женщина в часы нашей непринужденности,
Неуверенный, застенчивый, и ему трудно угодить,
И изменчивый, как оттенок
Легкой дрожащей осиной, сделанной,
Когда боль и тоска сводят брови
Ты - ангел-хранитель”.

Миссис Драммонд чудесно сбежала. Прежде чем она покинула свои апартаменты в начале атаки на город, в них прогремели выстрелы, и через несколько минут они были наполнены всевозможными снарядами: в частности, один снаряд попал в подушку прекрасной дамы. Во второй половине второго дня сражения бельгийский джентльмен и его семья вошли в подвал, где они обустроили себе жилье, поскольку ранее останавливались в другой части отеля, ближе к королевскому дворцу. Во внешности этого человека было что-то настолько неприятное, что никто из нас не был расположен оказать ему очень сердечный прием, и результат доказал, что мы ни в коем случае не были недостойными учениками Лафатера. Примерно в середине субботы (третьего дня) вождь племени льеуга зашел в подвал, очевидно, с целью разведать обстановку, когда миссис Драммонд, повинаясь одному из тех внезапных порывов, которые, по-видимому, скорее принадлежат тайным действиям всеведущего провидения, чем проистекают исключительно из человеческой предусмотрительности, протянула ему руку и попросила обнять ее, намекая в то же время, что она надеется на его защиту. Вождь благородно ответил, что ценой своей жизни защитит ее, и вскоре после этого покинул подвал. Поцелуй, подаренный таким образом в щеку этому человеку, грязному и черному, каким он был в гуще боя, действительно был для нас самой большой удачей, поскольку это, несомненно, спасло жизни всему нашему отряду, как леди, так и джентльменам. Через три или четыре часа после этого в доме было больше, чем обычно, суеты и шума, вследствие того, что бюргеры заняли его еще большими силами и вынесли одно из своих орудий во двор, готовые, как только откроются

ворота, поливать виноградной дробью войска, находившиеся непосредственно напротив, в парке. Именно в этот момент бельгийский джентльмен поспешно вошел в подвал и пожелал, чтобы его семья последовала за ним как можно скорее. Едва он добрался до главных ворот, как тот же самый упомянутый выше вождь льежцев схватил его в качестве пленника. На самом деле он был предателем, и бюргеры сильно подозревали его в том, что он ночью раздавал провизию некоторым офицерам королевских войск через одни из ворот, выходящих в парк. Конечно, многие обстоятельства, которые нет необходимости подробно описывать, убеждали нас в том, что эти подозрения были слишком хорошо обоснованы. Если бы бюргеры ворвались в подвал, не может быть никаких сомнений, учитывая крайне раздраженное состояние, в котором они находились, что мы все стали бы жертвами их ярости. Другой льежский вождь впоследствии рассказал мне, что, сжалившись над этой бельгийской семьей, он приложил все усилия, чтобы сдержать ярость бюргеров, и ему удалось провести их в Отель-де-Виль; тем не менее с ними обошлись очень грубо, а мать и дочь (красивая семнадцатилетняя девушка) были полностью покрыты грязью, которой их облили. Теперь было много признаков самого отчаянного конфликта в отеле и вокруг него, и поскольку наше дальнейшее пребывание там, казалось, подвергало нас неминуемому риску быть убитыми разъяренными голландцами, если они завладеют зданием, или быть погребенными в его руинах, если оно будет разрушено или подожжено, стало необходимым предпринять какие-то решительные шаги. Хозяин отеля, казалось, был сильно взволнован. Он стал заметным человеком из-за того, что случайно приютил предателя, и из-за других обстоятельств. Я никогда не забуду стиль, в котором леди К. Бентинк обратилась к нему в этот момент. Казалось, она была воодушевлена духом и решимостью своего прославленного дяди и настояла на том, чтобы хозяин высказал свое истинное мнение о том, что безопаснее - уйти или остаться в доме. Какое-то время он отказывался высказывать свое мнение в любом случае, но в конце концов сказал ей, что ей лучше уйти. Леди Бентинк немедленно решила уехать, и вся компания согласилась последовать ее примеру. Когда мы готовились к отъезду, в подвал вошли пять или шесть вооруженных бюргеров и предложили проводить нас в более безопасное место. Очевидно, их послал вождь льежцев. Компания покинула подвал; подойдя к воротам, вождь льежцев, немного колебавшись, прошептал миссис Драммонд: *“Здравствуйте, мадам.”* Мы вышли, леди Бентинк со своими дочерьми впереди. Следующими были капитан Сибборн с миссис Уолсли по одну сторону и мисс Уолсли по другую; за ними шли капитан Дент и миссис Драммонд, за ними мистер Драммонд и его маленький мальчик, всю компанию сопровождали шестеро бюргеров. Последние, проведя нас по Королевской площади до церкви, пожелали, чтобы мы пересекли Площадь вместе с ними как можно быстрее, так как теперь нам предстояло пройти под очень сильным огнем картечи и ружейной пальбы. Это был самый тяжелый момент для бедных женщин, которые отчетливо слышали, как мимо них просвистели выстрелы. Когда мы оказались в самой незащищенной части Помещения, миссис Уоллсли упала, и капитану Сибборну было совершенно невозможно подхватить ее, так как ее дочь, державшаяся за другую его руку, была на грани обморока при виде своей матери на земле. Но двое или трое храбрых бюргеров, думая, что бедная леди ранена, выбежали вперед из укрытия, из-за которого вели огонь, и понесли ее на плечах. Это было настоящее чудо, что ни один из участников вечеринки не пострадал от выстрела. Бюргеры, таким образом, миновав главную опасность, провели нас окольными путями и закоулками в очень безопасный дом, где мы оставались до следующего утра, когда нам пришлось уйти еще дальше и разогнать вечеринку, обеспечив себе такие квартиры, какие мы смогли получить в разных гостиницах ниже по городу”.

Сегодня мы посетили еще одно из крупнейших машиностроительных предприятий Бельгии, работы *La Société du Renard*, которые являются собственностью акционерного общества, выкупившего их у первоначального владельца. Несмотря на огромные масштабы, они ни в коем случае не столь обширны, как Феникс в Генте; они рассчитаны на производство всех видов механизмов, но главным образом локомотивных двигателей и более тяжелых изделий. Заведение рассчитано на пятьсот рабочих, но на момент нашего визита здесь было занято не более пятидесяти человек. Главное помещение представляет собой просторную мастерскую, почти квадратную, крытую и настолько обширную, что через нее проходит железная дорога для удобства перемещения более тяжелых деталей. На данный момент у директоров не было заказов, но они готовили несколько локомотивов на спекулятивных началах. Стоимость одного из них мощностью в тридцать лошадиных сил составляет около 40 000 франков.[2] Я не могу не опасаться, что эти крупные предприятия были необдуманно построены в Бельгии, и что недавний спрос на оборудование, как для железных дорог, так и для фабрик, придал бельгийским производителям атмосферу беспокойного процветания, что привело к инвестициям такого рода, далеко выходящим за рамки ее реальных потребностей. Даже в настоящее время мы встречаем всеобщий протест против того, что количество машин, уже приведенных в действие, более чем достаточно для удовлетворения всех потребностей ее отрасли. В Генте мы обнаружили, что Phœnix works полностью занята, что, очевидно, объясняется одновременным строительством трех совместных прядильных фабрик, но на месте нам сказали, что, когда заказы на них были выполнены, было неясно, откуда поступят другие, не менее важные фабрики. В других частях Бельгии серьезно ощущается такое же сокращение занятости, и "Ренар", как я уже говорил, практически остановился. Вряд ли можно ожидать, что бельгийские железные дороги, когда-либо снабженные паровозами, смогут поддерживать в рабочем состоянии такое количество и такой объем работ, и даже сейчас я заметил под навесом на станции Гент два английских локомотива из Ньюкасла, ни один из которых еще не использовался, но которые были отложены в качестве резерва. Говорят, что капитал, вложенный в Ренар, составляет 700 000 франков, и, кроме него, в Брюсселе есть три небольших дома такого же типа.

Нельзя сказать, что в Брюсселе есть какие-либо важные производства, за исключением некоторых печатных изданий, отбеливающей зелени и других, связанных с торговлей хлопком. Ковры, носящие это название, все ткут в Турне, но конкуренция Англии серьезно помешала им в производстве обычных изделий, ввоз которых в Бельгию увеличился с 1830 года со стоимости в двадцать тысяч франков до ста тридцати тысяч ежегодно. Но в тех предметах, которые более характерны для столицы, - экипажах, музыкальных инструментах, драгоценностях и мебели, - репутация Брюсселя заслуженно высока. Экипажи, особенно те, которые можно увидеть в Брюсселе, отличаются элегантностью и солидной отделкой. Общественный транспорт также, фиакры и виджиланты, превосходят любой известный мне город на континенте. Примечательно, однако, что, как и в случае с любым другим ремеслом, каретники Бельгии жалуются на депрессию: в 1838 году в Брюсселе было восемнадцать заведений такого рода, из которых в 1839 году была открыта только половина.[3]

Одной из наиболее процветающих отраслей торговли в Брюсселе является торговля книгами, и особенно переизданиями французской и иностранной литературы, которой он в изобилии снабжает почти каждую страну Европы. Стоимость ежегодно выпускаемых таким образом томов

оценивается более чем *в шесть миллионов* франков, из которых по меньшей мере *два миллиона* приходится на зарубежную литературу. С точки зрения цены они намного ниже французских, несмотря на то, что их бумага более дорогая, и дешевизна не является их единственной рекомендацией, их типографская красота высочайшего уровня, а некоторые из *их изданий класса люкс*, иллюстрированных резьбой по дереву и арабесками, во всех отношениях не уступают парижским и намного превосходят любые попытки, предпринятые до сих пор в Англии, где жесткость бумаги нашего формата не позволяет гравюрам производить яркое впечатление, а нашим типографам, привыкшим работать только с ней, не хватает той деликатности руки, которая необходима использовать мягкую и эластичную бумагу французов и бельгийцев.

Железная дорога доставила нас в Антверпен, расстояние в тридцать четыре мили, примерно за полтора часа. Как обычно, местность была ровной, как лужайка для боулинга, и время от времени линия железной дороги, пересекающая старое мощеное шоссе, открывала с обеих сторон вид на вязы и тополя, прямые, как полет стрелы, и такие длинные, что в отдаленной перспективе не было видно ни единого просвета; иногда мы пролетали мимо какой-нибудь деревенской будки, похожей на голландскую, с красной крышей и побеленными стенами, подстриженными живыми изгородями и мрачного вида садом с цветниками подсолнухов и георгинов; и тут и там мрачные маленькие замки, окруженные со всех сторон возле башенки, похожей на переносную, покрытой черепичной крышей, высокой и острой, как остроконечная шляпа бургомистра, стоящей в роще ольх и елей и выглядящей такой примитивной и уединенной, как будто железная дорога была первым посетителем, вторгшимся сюда после своего ухода с незапамятных времен. Один из этих помпезных маленьких особняков, расположенный на некотором расстоянии от дороги между Малином и Брюсселем, был резиденцией Рубенса; а другой, называвшийся Драй Торен, или Три Башни, недалеко от него, в Перке, принадлежал Тенирсу. Цель большой перпендикулярности крыш в Нидерландах состояла в том, чтобы предотвратить отложение снега в суровые зимы, а в городах, где земля под застройку была чрезвычайно ценной, получить помещения для хранения топлива и других громоздких предметов, не выкапывая траншей на пространстве внизу.

Дорога между Малином и Антверпеном, проходит через деревушку Розендаль (Долина Роз), где раньше находилось богатое аббатство цистерцианских монахов. Даффилл, небольшой промышленный городок и деревня, носящие примечательное название *Старый Дьепо* языческому храму, который, как говорят, был возведен там в какой-то отдаленный период и место которого указано в роще вязов, “священной роще”, в которой до сих пор воздвигается алтарь по случаю любой религиозной процессии в приходе. Приближаясь к Антверпену, поверхность земли становится более неровной, большая ее часть была извлечена из рек, которые пересекают ее, и утоплена в *глубоких польдерах*, которые дороги пересекают по приподнятым дамбам. Казалось, что сельскохозяйственный труд здесь в значительной степени разделяли женщины, которые были заняты в самых трудоемких процессах.

Первой достопримечательностью Антверпена является высокая и величественная башня его собора, возвышающаяся на триста-четыреста футов над ровной равниной. Вне всякого сравнения, это самый целомудренный и красивый шпиль, который я когда-либо видел, его необычайная высота от трехсот до четырехсот футов менее удивительна, чем его воздушность и

грациозная легкость. Он сужается кверху, арка за аркой, не из цельной каменной кладки, а пронизан бесчисленными отверстиями, через которые сквозь готическую сетку его минаретов и шпандрилов видно чистое голубое небо. Именно об этом красивом шпиле Карл V сказал, что его следует сохранить под стеклом, а Наполеон с большей откровенностью заметил, что он напоминает ему о *мехлинских кружевах*. Въезд в город через Порт-де-Боргерхаут производит поразительное впечатление его огромной мощи, его укрепления вздымаются огромными грудками кирпичной кладки над широкими, похожими на реку рвами, а дорога, проходя разводной мост за разводным мостом, входит в массивную арку, по-видимому, выдолбленную в крепостных валах, при выходе из которой колеса грохочут и отдаются эхом по грубому тротуару узких мрачных улочек, ведущих в сердце города.

Его внешний вид похож на облик всех других древних укрепленных городов Нидерландов, где контур города, опоясанный и определяемый линией стен, необходимость экономии пространства привела к строительству мрачных переходов и высоких домов, которые затеняют улицу и не дают солнцу постоянно освещать тротуар. Однако ближе к центру города есть несколько широких улиц и оживленная площадь, *Площадь Верт*, засаженная деревьями и окруженная со всех сторон отелями, кафе и современными элегантными домами. На *площади Мерна* находится просторный особняк, увенчанный королевским гербом, который носит название дворца, но был всего лишь особняком антверпенского купца и был приобретен Наполеоном в качестве резиденции для себя и своих маршалов во время их временных визитов в город. Он до сих пор хранится для той же цели королем Леопольдом. На соседней улице, носящей его имя, находятся дом и сад Рубенса, участок под которыми он приобрел у корпорации аркебузирова, чей зал находился по соседству, в обмен на свою большую картину “Сошествие с креста”, висящую в соборе. В основном дома построены из темного песчаника, без каких-либо архитектурных украшений, за исключением зубчатых фронтонов, которые, как обычно, обращены на улицу; окна обычно украшены шпионами, а по многим углам - нишами, в которых сидят безвкусные мадонны, обильно затянутые парчой и медными кружевами. Перед нашим отъездом погода стала дождливой, и это вместе с отсутствием пешеходных дорожек на улицах, грязью в центре и запахами, которые необычный поток воды поднимал из каждой канализации, сделало наше впечатление о домашнем комфорте Антверпена менее приятным, чем оно могло бы быть, если бы мы увидели его при свете дня.

Антверпен, как и все его соседние города в Бельгии, может похвастаться своим происхождением в неясной древности, как говорят, столь отдаленной, как пятый или шестой век, — но, во всяком случае, в десятом веке он имел достаточное значение, чтобы учредить маркизат для Готфрида Бульонского, героя Тассо и короля Иерусалимского, неожиданное прибытие последователей которого из Святой Земли в январе 1100 года было отмечено праздником, который до сих пор отмечается женщинами Антверпена, как Врукенс-Эйвонд, или *Канун Богоматери* в Иерусалиме. воспоминание о домашних празднествах, которые приветствовали их возвращение.

Двести лет спустя он был присоединен вместе с провинцией Нижняя Лотарингия к герцогству Фландрия и вместе с ней последовательно перешел под власть Бургундии, Германии и Испании, разделяя все превратности и бедствия, постигшие остальные Нидерланды при их различных династиях.

Антверпен соперничает с Голландией и Германией в славе открытия книгопечатания. Маленькие набожные книжечки, напечатанные там цельными блоками в начале четырнадцатого века, существуют до сих пор; ряд томов, напечатанных подвижным шрифтом, носят его название и датируются 1476 годом; а в шестнадцатом веке, во времена Плантена, это было одно из самых обширных мест книгопечатания в Европе, все произведения которого, и особенно классика, пользовались высочайшей репутацией.

Первоначальная цитадель и укрепления были возведены Филиппом II, которые были укреплены и расширены в правление Карла V, в то время, когда Антверпен был одним из первых торговых городов Европы. Его изделия из льна и шелка затем экспортировались во все части света; его шерстяная торговля была прародительницей такого же производства в Великобритании, и местные историки, возможно, с некоторым преувеличением, описывают его торговлю как настолько процветающую, что население, поддерживаемое им, превышало сто тысяч душ (хотя остается недоумевать, где они находили приют в его стенах) и пятьдесят тысяч моряков и путешественников на реке и в предместьях; и Скрибаниус заявляет, что он видел 2500 судов в Шельде одновременно, из которых пятьсот ежедневно заходили в гавань. река, в то время как две тысячи человек стояли на якоре перед городом; но: *“для того, чтобы быть верным, недостаточно того, что нужно для того, чтобы быть верным глазам”*. Именно в эту эпоху его великолепия один из его купцов, угощавший Карла V на банкете, разжег костер из корицы, который в то время был дорогостоящей редкостью, с помощью облигации императора на два миллиона флоринов, заметив, “что честь видеть такого гостя за своим столом бесконечно дороже золота”. Его процветание, однако, было сведено на нет столетием позже, когда по Мюнстерскому мирному договору, завершившему Тридцатилетнюю войну в 1648 году, Голландия обладала достаточным влиянием, чтобы добиться закрытия Шельды. В течение почти ста пятидесяти лет по этой благородной реке, протекающей посреди одной из самых активных и трудолюбивых стран Европы, было запрещено плавать ни одному туземному паруснику, каждое судно, везущее продукты для Антверпена, было вынуждено передавать свой груз голландцу, только под флагом которого оно могло добраться до места назначения. Это противоестественное эмбарго было отменено французами в 1794 году, и Антверпен, находящийся под властью Франции, снова приобрел новое и возросшее значение.

Наполеон, очарованный своей теорией о том, что Франция - ничто, если не считать Рейна в качестве ее восточной границы и Шельды в качестве северной базы ее военно-морского флота, задумал множество проектов для ее реализации. В одно время планировал построить город в Тернезе, в другое - остановился на обширной аллювиальной равнине, окружающей Фландрский Тет, но в конце концов решил сделать Антверпен объектом своей амбициозной заботы и превратить его, по его собственным словам, “в пистолет, постоянно приставленный к горлу Англии”. С этой целью были восстановлены все его военные укрепления — построены огромные бассейны к востоку от города, способные принимать на плаву двенадцать, а остальные сорок линейных судов, а также склады, канатные дороги и парусные мануфактуры; короче говоря, все для оснащения арсенала было подготовлено в гигантских масштабах.

В знак признания этих великолепных милостей, оказанных их городу, купцы Антверпена подарили Наполеону фрегат, полностью оснащенный и находящийся на хранении. В 1807 году в Антверпене было построено десять линейных кораблей; в 1813 году было спущено на воду *тридцать* военных кораблей, и четырнадцать других все еще стояли на стапелях. Падение императора, однако, предшествовало падению его намеченной жертвы, и по Парижскому

мирному договору 1814 года было приказано снести его обширные постройки в Антверпене — все его здания и склады были уничтожены — военные суда, обнаруженные в бассейнах, были распределены между Людовиком XVIII и принцем Оранским, и только доки были спасены от разрушения, частично из-за трудности их строительства, а частично по просьбе купцов Антверпена, как гавань-убежище для их кораблей, которые могли серьезно пострадать ото льда, который зимой является ледяным. уносится вниз по вздувшемуся течению Шельды.

Однако период его союза с Голландией, с 1815 по 1830 год, можно назвать золотым веком Антверпена. Его положение для торговли намного более благоприятно, чем у Роттердама или Амстердама, и, будучи допущенным вместе с ними к равному участию во всех ресурсах королевства, он быстро опередил их во всех сферах торговли, настолько, что в период революции *“Антверпен торговал всеми видами колониальной продукции, за исключением табака, больше, чем Амстердам и Роттердам вместе взятые.”*^[4] События революции мгновенно положили конец этому стремлению к изобилию; Антверпен, вынужденный образовать часть независимого королевства без колоний, или торговля, или международные отношения, обнаружили, что ее корабли простаивают в ее доках, и ее купцы, сознавая разорение, которое подорвало их перспективы дома, перевели свой капитал и свои усилия в Голландию и соединили свою судьбу с судьбой своих ныне торжествующих соперников. В 1838 году во всех портах Бельгии было всего сто восемьдесят четыре торговых судна, из которых сто пятьдесят два использовались только для каботажной торговли и торговли через ла-манш, а тридцать два - для зарубежных рейсов, в то время как в том же году в Голландии было не менее 1400 судов.

После событий 1830 года и их результатов Антверпен так и не смог полностью оправиться. В течение нескольких лет после отмены Унии ее причалы и гавань были буквально неподвижны и пусты; и в настоящее время, даже с учетом случайных оживлений, ее торговлю, похоже, ожидает только судьба Венеции или Генуи. Ее основное занятие заключается в перевозке сырья, которое должно снабжать ее собственные мануфактуры, и которое она вынуждена делать в невыгодных условиях с точки зрения грузоперевозок, поскольку ее ответные поставки намного отстают от импорта. Из 2662 бельгийских судов, вышедших из ее различных портов в период с 1831 по 1836 год, не менее 739 *вышли в море с балластом!*

В годы, последовавшие непосредственно за революцией, судоходство Антверпена, казалось, было полностью парализовано. В 1829 году, за год до отмены Союза, в порт зашло 1028 судов общим тоннажем 160 658 тонн. В 1831 году, через год после Отмены, в Шельду вошло всего 398 судов водоизмещением 53 303 тонны! С тех пор поверхностный взгляд на доходность привел бы к убеждению, что торговля более чем восстановилась.

В	1832	году прибыло 1254 судна водоизмещением	150 294
	1833	1 104	129 607
	1834	1,064	141,465
1835	1 089	153 243	
1836	1 245	176 079	176,079
1 426	225 030	1,426	225,030
	1838	1,538	257 048

1829	955	136 456
1830	1,028	.

Но если внимательно изучить эту таблицу с помощью анализа относительных количеств груза и балласта, атмосфера процветания становится слабее, а реальная природа торговли более отчетливой. Из следующей таблицы следует, что из 5694, которые *прибыли* во все порты Бельгии в 1835, 1836 и 1837 годах, все были перегружены грузами, за исключением 141. В то время как из 5707, которые за то же время были вывезены *за пределы* Бельгии, не менее 1833 года покинули Бельгию в виде балласта, другими словами, прибыли с продукцией других стран, но отбыли, не увозя взамен никакой бельгийской продукции.

Отчет о количестве и тоннаже судов, отличающих бельгийские от иностранных, а также судов с грузами и балластом, которые прибывали и отбывали в порты Бельгии в течение каждого года с 1835 по 1837 год.

Лет.	БЕЛЬГИЕЦ.					
	С грузами.		В балласте.		Всего.	
Внутри.	Количество	тонн.	Количество	тонн.	Количество	тонн.
1835	472	47,409	6	408	478	47,817
1836	493	67,808	5	295	498	68,102
1837	540	71 282	24	2,004	564	73,346
Наружу.						
1835	402	41,522	72	6,529	474	48,051
1836	422	56,665	99	13,436	521	70,101
1837	438	57,355	116	16,303	554	73,658

Лет.	ИНОСТРАННЫЙ.					
	С грузами.		В балласте.		Всего.	
Внутри.	Количество	тонн.	Количество	тонн.	Количество	тонн.
1835	1,316	160,104	48	4,877	1,364	164,981
1836	1,289	160,378	40	4,073	1,329	164,451
1837	1,443	214,739	18	886	1,461	215,625
Наружу.						
1835	916	105,545	457	61,711	1,373	167,256
1836	869	105,224	476	59,863	1,345	165,087
1837	827	131,088	613	84,497	1,440	215,585

Антверпен и Остенде страдают также от того, что их лишают изрядной доли законной торговли из-за разветвленной системы контрабанды, которая преобладает на всех бельгийских границах и осуществляется иностранными судами; потери, которым они не подверглись бы, если бы

правительство было в состоянии защитить ту часть торговли, которой страна все еще должна заниматься, с помощью эффективной системы *дуана* на границах и побережье.

Когда-то в Антверпене было самое обширное производство шелка; в 1794 году только в этой отрасли было занято двенадцать тысяч рабочих. Сейчас их число сократилось до двухсот, и они заняты только изготовлением прекрасного описания богатой черной тафты, которая используется для испанских головных уборов, которые до сих пор носят женщины.

Другая важнейшая отрасль морской торговли, связанная с транзитом товаров для потребления во внутренние районы Европы, была почти полностью выведена голландцами из Антверпена, но правительство надеется восстановить ее с помощью железной дороги от моря до Рейна. Здесь, опять же, можно ожидать самого грозного противодействия со стороны Голландии, чьи суда на Рейне готовы оспорить у нее владение этим важным департаментом. Независимо от того факта, что перевозка товаров по железной дороге в Англии, где она была наиболее широко опробована, пока еще не оправдала ожиданий ее проектировщиков; голландцы, добившиеся своим недавним договором с Пруссией свободного плавания по Рейну на тех же условиях, что и суда, ходящие под прусским флагом, будут склонны пойти на жертвы в своих грузах, чтобы перебить своих конкурентов на суше; потери, которые будут очень незначительными по сравнению с теми, которые должны последовать, если бельгийцы решатся на такую же “отчаянную попытку”. игра с холодным железом.” В настоящий момент, как мне сказали, рейнведеры, обремененные грузом от двухсот до трехсот тонн, перевозят товары на сумму от восьми до девяти флоринов, *последние*, из Роттердама в Кельн. Естественно предположить, что эту плату они смогут снизить, как только железная дорога объявит конкурс. Преимущество на стороне последнего будет очевидным в том, что касается времени, поскольку поездка в Кельн по железной дороге занимает всего двадцать четыре часа, для чего Рейнверд может потребовать несколько дней. Но вопрос в том, могут ли директора, или, скорее, правительство, чьей собственностью они являются, снизить стоимость перевозки настолько, чтобы при всевозможных сборах снизить цену голландцев до такой степени, чтобы добиться предпочтения? Бельгийский джентльмен, который говорил со мной с большими надеждами относительно окончательного успеха железной дороги в этой борьбе, сразу признал, что этого можно было достичь только в случае полного проигрыша в этой аванюре — *который, однако, по его словам, правительство, как обычно, покроеет за счет налогов!* Пусть антверпенские купцы обратятся к зачинщикам революции с жалобой на тех, кто, “намереваясь построить башню, не высчитал сначала ее стоимость”.

Путешествие в Антверпен - это паломничество к святыне Рубенса. Рубенс — кумир-покровитель Антверпена — это был его дом, хотя и не место его рождения, его любимая резиденция и сцена его триумфов; и он оставил ему бессмертное наследие своей славы, своих шедевров, своего памятника и своей могилы. Его музей и церкви пополнились его главными картинами, и жители города с благодарностью отдадут дань уважения его памяти за известность, которую принес им его гений. Всего за несколько недель до нашего визита были проведены грандиозные праздники в его честь, посвященные открытию его статуи, которая была увенчана городом, среди общественных ликований, процессий, музыки, знамен и всей помпезности гражданского триумфа. Возбуждение еще не улеглось, и мы обнаружили, что все столы уставлены портретами великого художника, стихами, восхваляющими его, и программками недавних фестивалей; и для каждого человека захватывающей темой было что-то, связанное с его именем и его памятниками.

Антверпен уже давно заслужил признание как рассадник искусств. Список художников, которых она создала, весьма удивителен; и в дополнение к тем, с кем мы знакомы, таким как Тенирс, Вандайк и Снайдерс, ее церкви изобилуют картинами местных жителей — Метсиса, Флора, Янсенса, Квеллина, Сегерса, Крейера, Франка, Йорданса и множества других, которые сами по себе образуют многочисленную галерею. Ее энтузиазм в развитии гениальности, кажется, никогда не ослабевал, и о его неизменной оценке в наши дни свидетельствует не только гордость населения за свои общественные сокровища, музеи и церкви, но и огромное количество частных коллекций в домах знати и купцов, которые изобилуют отборнейшими картинами голландской и фламандской школ, в то время как картины других стран пользуются меньшим спросом. В Антверпене существует от пятнадцати до двадцати таких частных галерей, и повсюду преобладает такое же стремление сохранить древний характер города за счет покровительства его ныне живущих художников. Мы посмотрели выставку современных картин в зале, пристроенном к музею, на которой были представлены некоторые необычные произведения искусства, особенно пейзажи и крупный рогатый скот, среди которых несколько овец и коров работы Вербокховена из Брюсселя, что в высшей степени дает ему право на эпитет, которым его любят наделять соотечественники, - Провидец Бельгии.

Музей, в котором хранится большая коллекция картин Рубенса и Вандайка, представляет собой уродливую анфиладу комнат в темном углу, поскольку здание когда-то было заброшенным женским монастырем. Он расположен в маленьком садике, украшенном или, скорее, обезображенным какими-то жалкими статуями, как будто их никчемность должна была служить фоном для драгоценных камней внутри дверей. Любопытно, что то, что должно было бы быть местной коллекцией, не содержит ни единого произведения Тенирса, за исключением одной жалкой вещи, которую клеветнически приписывать его перу, и только двух работ Снайдерса. В Англии, где сравнительно неизвестны лучшие картины, созданные карандашом Рубенса, и где наши соотечественники привыкли только к его аллегорическим сюжетам и некрасивым женщинам, уважение, оказываемое его способностям, является, я думаю, скорее отголоском его континентальной славы, чем подлинным признанием его достоинств; но любой, кто желает полностью оценить его возвышенные притязания и горячо признать его претензии на восхищение, должен посетить музей и кафедральный собор Антверпена. Здесь его картины демонстрируют не только силу, не только то чудесно-творческое воображение, которое наполняет полотно самыми виртуозными композициями, но и нежную привязанность к природе, богатое восприятие красоты и волшебное владение выражением и действием, что заставляет полотно запечатлевать событие, которое оно увековечивает, как страницу истории или голос поэта. Невозможно, например, смотреть на “Сошествие с креста”, почти не ожидая, что поза изменится по мере продолжения действия, настолько нетерпеливы и сосредоточены выражения лиц его фигур и настолько серьезны и реальны их занятия; и точно так же на картине “Распятие”, где Центурион уже сломал одну ногу злоумышленнику слева, который оторвал ее от креста в агонии от удара, а солдат занес железо, чтобы раздавить другую; сама плоть человека уже сломана. трепещет в предвкушении крика, который, кажется, вот-вот сорвется с искалеченных губ страдальца. Это изумительная картина во всех отношениях и, безусловно, гордость Музея; каждая отдельная фигура представляет собой совершенный эпизод — сам Христос во всем величественном спокойствии недавней смерти; солдат с поднятой рукой, чтобы пронзить себе бок, в то время как Мария Магдалина, которая, кажется, в пароксизме страдания цеплялась за подножие креста, внезапно в агонии ужаса бросается вперед, вытянув руки, чтобы перехватить копье. Эту голову Магдалины сэр Джошуа Рейнольдс называет “самым

красивым профилем, который он когда-либо видел у Рубенса или любого другого художника". С волнующим действием этих фигур прекрасно контрастирует выражение лица матери Иисуса, которая кажется ошеломленной изнурением самих своих страданий, и выражение лица доброго центуриона, который склоняется вперед, перегнувшись через шею своей лошади, с явным сочувствием и ужасом при виде представшей перед ним сцены.

"Поклонение волхвов" - еще одна картина Рубенса, хорошо известная в Англии по своим бесчисленным гравюрам. Это, однако, во всех отношениях уступает Распятию, хотя и является превосходной картиной. Но есть две очаровательные картины, неуловимая привлекательность которых, возможно, заключается в сладостном покое сюжета: на одной изображен Христос, обнажающий свои раны, чтобы удовлетворить недоверие Томаса, а на другой - Дева, наставляющая святую Анну. Ни одно создание не может сесть перед этими и еще одной изящной маленькой копией "Сошествия с креста" и удалиться от них, не проникнувшись благоговением перед гением, который смог замыслить и воплотить такие фантазии. Всего в этой коллекции пятнадцать картин Рубенса, и они, безусловно, являются триумфами его станковой живописи; в галерее Мюнхена хранится не менее *девяти* его работ, но после просмотра обеих я предпочел бы иметь пять из них в Антверпене, чем *девяти* пять, которыми гордится Бавария.

Есть пять или шесть картин Вандайка, но они выдержаны в том же стиле, что и Рубенс, - группы на сакральные темы; и они не выдерживают такого непосредственного соприкосновения шедеврами его мастера. Непревзойденные портреты Вандайка и его отдельные фигуры настолько же превосходят работы Рубенса, насколько последний превосходит его по сочетаниям и композициям. Их произведения подобны эпической поэме к лирическому стихотворению или сонету; и в то время как Рубенс - Гомер в своем искусстве, Вандайк может быть вполне доволен ролью его Пиндара или Плутарха. Остальная часть стен занята полотнами других второсортных имен, соперничавших за славу с этими великими оригиналами, - Ван Тулдена, Сегерса, Йорданса, де Воса, а также картиной Квеллина, которая, я полагаю, является самым большим в мире полотном, поскольку занимает весь конец галереи, от пола до крыши, и должна быть, по крайней мере, сорока футов в ширину и шестидесяти или семидесяти в высоту. За исключением Рубенса и Вандайка, на самом деле, коллекция является обычной. В одном из залов уместно помещено, как реликвия Рубенса, золоченое кожаное кресло, которое он занимал в бытность президентом академии. К сожалению, это не доказало трипод Пифии его преемникам.

Я думаю, что именно доктор Кларк советует каждому путешественнику, желающему быстро нанести на карту место, в котором он находится, в своей памяти, воспользоваться первой возможностью подняться на ближайшую башню или гору, и я полностью готов подтвердить ее преимущества. Полчаса на башне кафедрального собора Антверпена дадут незнакомцу лучшее представление о его местности и масштабах, чем неделя езды по его улицам и окрестностям. Сам собор расположен недалеко от симпатичной маленькой площади, называемой *Place Vert* (которая, я думаю, когда-то была местом захоронения при церкви). Само здание, как обычно, испорчено рядом обычных домов, возведенных у его стен и которые, конечно же, скрывают всю внешнюю красоту архитектуры. Предание гласит, что он стоит на участке земли, принадлежавшем монастырю, основанному Годфри Бульонским. Изысканный шпиль, однако,

был построен незадолго до правления Карла V. (который был крестным отцом большого Колокола) по проекту, который первоначально предполагал две башни одинакового величия и элегантности, но была достроена только одна. Подъем крайне утомителен, а поскольку день был ненастный, чувствовалась вибрация башни, когда ветер проносился по ее прекрасным галереям. Рабочие в течение нескольких лет восстанавливали все обветшавшие части каменной кладки, и на колокольне до сих пор стоят их строительные леса и механизмы. Но вид, открывающийся задолго до достижения крайней вершины, безусловно, самый прекрасный в Бельгии, простирающийся над широким течением Шельды, изгибы которой можно проследить от Гента до Флашинга, в то время как на севере глаз может достичь Бреды и границ Голландии; на юге и востоке - далеких городов Брюссель, Мехлин, Тюрнхаут и Лувен. Обширная местность, простирающаяся перед одним из этих фламандских пейзажей, действительно совершенно непостижима, в то время как отсутствие ни одного холма, закрывающего горизонт с обеих сторон, делает их столь же необычными, сколь и удивительными.

Над парадным дверным проемом, когда мы входим под башню, находится бронзовое распятие, отлитое из фрагментов статуи, которую герцог Альва воздвиг себе в Цитадели, с оскорбительным девизом на пьедестале *“в плену”*, намекающим на то, что оно было сделано из пушки, взятой в его первом успешном сражении с принцем Оранским при Джемингеме, недалеко от Эмдена, в 1568 году. Эта памятная статуя дала начало дистиху,

Cur statuam vivo tibi Dux Albane dedisti?

An quia defuncto nemo daturus erat?

Рекесенс, преемник Алвы, в своем стремлении умиротворить народ, записал этот отчет об их страданиях и спрятал его, но, будучи обнаруженным гражданами после *“Умиротворения Гента”*, они переплавили его и применили по его нынешнему назначению.

Напротив собора, на площади, находится готическая железная ширма, закрывающая фонтан; предание гласит, что ее изготовил Квентин Метсис, *“антверпенский кузнец”*, оперативник Симон, которого чары фламандской Ифигении превратили в художника, чей отец дал согласие на ее брак только после того, как ее возлюбленный стал художником. Надпись на камне возле главных дверей собора, в которой Метсис назван *“несравненным художником”*, признает заслугу искусства перед привлекательностью его возлюбленной.

“Connubialis amor de Mulcibre fecit Apellem.”

Внутреннее пространство церкви огромно, действительно, настолько велико, что наш чичероне осмелился сказать, что оно было пятьсот футов в длину и вдвое меньше в ширину у трансептов. Готические аркады, отделяющие неф от боковых нефов, огромной высоты, а благодаря бесчисленным колоннам, поддерживающим орган и окружающим хоры, парадный ход при входе представляет собой целый лес колонн; *“они и тусклый религиозный свет”*, падающий на окружающие памятники из высоких окон, украшенных доспехами и изображениями древних священнослужителей; и струящийся вниз с богато раскрашенного купола, придают всему вид торжественности, столь же поразительный, хотя и ни в коем случае не такой великолепный, как в других местах. Вестминстерское аббатство. До периода Французской революции, и пока Антверпен все еще был резиденцией епископства (сейчас он присоединен к епархии Малин),

собор был одним из богатейших в Европе, изобилуя мраморными алтарями, серебряными канделябрами, картинами, статуями и драгоценностями, которые были разграблены или уничтожены последователями разума. Среди них был *остенсуар* для хранения священных элементов воинства, выполненный из массивного золота и подаренный Франциском I. Сокровищница по-прежнему в изобилии пополняется пожертвованиями подобного рода, хотя, возможно, и меньших внутренних затрат, и ее бесчисленные часовни с их алтарями и орнаментами, роскошные хоры и изумительная резная кафедра работы Вербруггена, покрытая аллегориями и причудливыми узорами, образуют удивительно впечатляющее зрелище.

Бесчисленные картины, развешанные в каждом помещении, могли бы в другом месте вызвать подобающее восхищение, но здесь нетерпеливое ожидание приводит только к триумфу Рубенса. У Рубенса здесь есть четыре великолепных произведения: “Воздвижение Креста”, “Сошествие с креста”, “Воскресение”, которые украшают гробницу Моретуса, печатника, и “Успение Пресвятой Богородицы” над центром главного алтаря. Я никогда не видел более поразительной иллюстрации силы картины, чем эффект, произведенный Сошествием с Креста. Когда мы вошли, она была закрыта двумя складывающимися петлями, на тыльной стороне которых также изображены два рисунка Рубенса: один изображает святого Кристофера, покровителя гильдии аркебузиреров, для которого он написал эту картину, а другой - отшельника, ни один из которых не имеет больших достоинств. По—видимому, они не привлекли никакого внимания, но когда ризничий передвинул их в обе стороны и показал удивительную картину внутри, эффект был весьма примечательным - бездельники и прохожие теперь останавливались один за другим, входя в круг притяжения, пока перед ним не собралась небольшая толпа крестьян и солдат, затаивших дыхание, и, словно пораженные новым ощущением, я увидел, как они молча вглядываются в лица друг друга, очевидно, чтобы выяснить, чувствуют ли другие то же, что и они сами. Одна девушка с корзинкой в руке была сразу поймана, когда проходила мимо, и осталась с остальными, совершенно погруженная в созерцание; это напомнило изысканное описание уличного музыканта Вордсвортом в Пантеоне:

Какое нетерпеливое собрание! что это за империя,

Усталые обретают жизнь, а голодные - блаженство,

Скорбящий ободрен, а встревоженный отдыхает,

И душа, обремененная чувством вины, больше не угнетена.

Этот ученик, направлявшийся с поручением, проходил мимо в спешке...

Какая разница — он пойман, и его время уходит впустую;

Репортера останавливают, хотя он и останавливается на взводе,

И почти бездыханный зажигатель, он в сетке.

Носильщик садится на груз, который он нес,

И девушка со своей тележкой везет сюда свой магазин;

Если бы здесь мог быть вор, он мог бы с легкостью воровать,

Она видит музыканта, это все, что она видит!

Неподдельное восхищение этим бесхитростным собранием было таким же триумфом для гения Рубенса, как клевание птицами его корзины с фруктами для казни Апеллеса. Я никогда не видел такого упрека в адрес “косноязычия критики”, и я не мог не считать это компенсацией за суждение сэра Джошуа Рейнольдса, который, не знаю почему, утверждает, что был *разочарован* его совершенством. Картина была написана для корпорации оружейников, чтобы поссориться из-за права собственности на полосу земли, на которую, как они утверждали, Рубенс посягнул при возведении своего дома и садов. Другая история, касающаяся этого, гласит, что ученики Рубенса, развлекаясь во время его отсутствия, сбросили с ног одного из них, который при падении поранил руку прекрасной Магдалины, и что, чтобы восстановить ее до возвращения своего учителя, они выбрали Вандайка, который починил ее с таким мастерством, что Рубенс признал ее превосходство над оригиналом. Эта картина, как и все другие сокровища Бельгии, была одним из украшений Лувра во времена правления Наполеона.

Могила Рубенса находится в маленькой часовне, специально посвященной его семье, в церкви Сен-Жак; она расположена сразу за главным алтарем и хорами. Его единственным украшением является изысканная картина “Святое семейство” кисти “Прославленных мертвецов”, в которой он представил себя в роли святого Георгия, двух своих жен, Изабель Брандт и Хелен Форман, в роли Марфы и Марии, своего отца в роли святого Иосифа, своего деда в роли Тайма и своего ребенка в роли херувима. В подземелье внизу покоится

пыль, которая

Даже само по себе бессмертие.

Он покрыт цельной мраморной плитой с надписью, повествующей о талантах и учености сеньора Стина (Stein i toparcha), о котором говорится: “*non sui tantum seculi, sed et omnis, когда Апеллес умирает*”. Его гений, - говорится далее, - снискал дружбу и доверие королей и принцев; так что, когда Филипп IV, король Испании и Индии, назначил его государственным советником и отправил своим послом ко двору Англии, он заложил основу мира между своим Сувереном и королем Карлом II. Его семья ныне вымерла, и этот памятник его памяти, которым долгое время, как гласит надпись, пренебрегали его последние потомки, был восстановлен в 1775 году человеком, который в то время был каноником собора и который прослеживал родство с великим художником по материнской линии, “*ex matre et avia nepos*”.”

Церковь, в которой находится эта интересная гробница, по своим размерам является самой великолепной в Антверпене. В его часовнях есть несколько мраморных скульптур в альто-релево удивительно сложного исполнения и достоинств, достаточных для того, чтобы дать им право на посещение Парижа, которое они, конечно же, сделали при отеческом правлении императора. Его стены также увешаны множеством ценных фламандских картин, украшенных статуями Вербруггена, Виллемсенса и Квеллина.

У входа в церковь Святого Павла находится “Голгофа”, одно из тех изображений страданий Христа, которые грубостью своего представления и варварским исполнением вызывают чувство отвращения у любого разумного человека или человека со вкусом, а у невежд, которых они призваны привлечь, торжественная идея Спасителя должна ассоциироваться с самыми грубыми и отвратительными ассоциациями. Он состоит из огромной толпы устрашающего вида статуй, представляющих верующих священников, святых людей и пророков, окружающих скалу, из которой вылетает и ходит множество ангелов и святых; а ниже - гробница с телом

Спасителя на носилках — все это окружено маленькими отверстиями и нишами, в которых изображены нечестивые, претерпевающие все муки чистилища, в формах и позах столь же разнообразных, по крайней мере, если не столь поэтичных, как у Данте. Интерьер церкви, как обычно, изобилует статуями и картинами, среди которых работы Тенирса и Вандайка, а главный алтарь украшает виртуозная статуя святого Павла работы Ванбрюггена.

Прихожане собирались к вечерне, когда мы вошли в церковь Августинцев, чтобы посмотреть картину Рубенса “Бракосочетание святой Екатерины”. Это совершенно противоречит всем нашим протестантским представлениям о приличиях и почтении, обусловленных торжественностью публичного богослужения, видеть безразличие и почти грубость, с которой дежурные камердинеры проводят свои группы экскурсантов по церкви, невзирая на самые впечатляющие церемонии, проносясь мимо алтаря в полном блеске его доспехов и мешая богослужению всех, кто может перехватить их взгляд на картину. Было почти больно слушать “кант критики” среди пения гимнов, облаков ладана и торжественных звуков органа, но, казалось, он не вызывал подобных чувств у окружающих нас людей. Однако у нас, в Англии, внешняя торжественность публичного богослужения усиливается из-за впечатления, что это горячее и одновременное излияние сердец всей объединенной толпы; в то время как в католических церквях, за исключением нескольких минут, занятых повторением мессы, акт богослужения индивидуален и обособлен и совершается почти механически, в любое время дня, от восхода солнца до вечера. Собеседники, которых я побоялся прервать, когда мы проскальзывали мимо их маленьких *стульев prie dieu*, казалось, вообще ничего не почувствовали при вторжении, но на мгновение оторвали глаза от своих молитвенников, чтобы взглянуть на незнакомцев, а затем вернулись к тому месту, на котором они остановились. Это кажущееся безразличие создает плохое впечатление о реальности их поклонения; но все же оно не было всеобщим, и я видел в римско-католических церквях множество людей, вся душа которых, казалось, была отвлечена от всего, что происходило вокруг них, в глубокой искренности их поклонения.

В Антверпене, как, впрочем, и в других местах, но здесь мы обратили на это особое внимание, подавляющее большинство прихожан составляли женщины, которые неизменно кажутся самыми набожными. Особенно меня поразила молодая мать, по-видимому, знатная дама весьма интересной внешности, которая прошла по проходу Августинцев, держа за руки двух прекрасных детей, и, преклонив колени между ними перед высоким алтарем, повторила вечернюю молитву вместе с ними. Невинный пыл детей, когда, сложив ручки, они робкими глазками смотрели вверх на великолепие алтаря, теперь освещенного для вечерней церемонии, и скромная преданность их нежной матери, когда она учила их молиться, были более изысканной картиной, чем все великолепные картины Рубенса, которыми мы были очарованы утром.

Стемнело, прежде чем мы смогли завершить наше посещение других церквей Антверпена, которые здесь, как и везде, являются великими хранилищами общественных сокровищ. Однако у нас был свет, чтобы увидеть изящную кафедру в церкви Святого Андрея. Это, безусловно, самая благородная работа такого рода, которую я видел: она представляет лодку, вытасченную на берег моря, под скалой, на которой стоит Христос и призывает рыбаков Симона, Петра и Андрея: “Следуйте за Мной, и Я сделаю вас ловцами человеков; и они тотчас же оставили свои сети и последовали за Ним”. Ничто не могло быть более подходящим, чем выбор этого предмета для такой цели, и в церкви Святого Андрея тоже, и ничто подобного не может сравниться с

исключительной красотой его исполнения. Фигуры, полные изящества и экспрессии, принадлежат Ван Гилу, а остальные детали - Ван Хулу, некоторые из которых, такие как рыба и сети в лодке, выполнены так же изящно, как у Гринлин Гиббонс. Против одной из готических колонн этой церкви, у южного трансепта, есть небольшой портрет и малоизвестный памятник из черного и белого мрамора в память о королеве Марии Шотландской, воздвигнутый двумя ее фрейлинами, “прейскурантами семьи *Каррелл*”, которые сопровождали ее на эшафот, а затем вернулись в Нидерланды. Надпись на нем отражает их возмущение ее судьбой: “ища убежища в Англии, где королевой была ее родственница Елизавета, она была вероломством парламента и еретиков продержана в плену девятнадцать лет, а затем ей отрубили голову во благо религии. *Perfidia senat: et heret: post 19 captivit annos, relig: ergo caput obtruncata.*”

Мы обедали с месье Давидом, богатым торговцем, для которого привезли рекомендательное письмо; и если считать его дом образцом среди остальных, то антверпенские купцы действительно должны быть “принцами”. Он занимал три стороны большого внутреннего двора, с высокими лестницами по обе стороны от порт-кошер, комнаты были устланы английскими коврами, а стены, как обычно, увешаны превосходными картинами местных художников. Удивительно, что использование ковров так медленно распространяется по континенту; климат здесь ни при чем, потому что в странах, гораздо более холодных, чем Англия, они одинаково отвергают их, как и страны юга. Независимо от того, насколько они удобны, они являются такой же *картиной* на полу, как лепнина или фрески - картиной для потолка. Мы, кажется, разделяем эти два аспекта с нашими континентальными соседями; у нас полы богато украшены, а о потолках сравнительно забыли, в то время как у них потолок является прекрасным полем для проявления вкуса, а полы в обычных домах редко стоят дороже глиняной плитки или отшлифованной ели. В их дворцах, действительно, принята идея английского пола, но она представлена не бархатистыми коврами, а более дорогим материалом - инкрустированным *паркетом*.

Цитадель Антверпена сейчас представляет собой немногим больше участка земли, окруженного кольцом ее укрепленных стен; часовня и внутренние постройки, которые когда-то занимали ее центр, были разнесены в пыль бомбардировкой 1830 года. Рассказ очевидца о некоторых сценах этой осады был замечательной иллюстрацией того небольшого промежутка, который отделяет смешное от возвышенного. Здравомыслящие жители города были, как я уже упоминал, яростными противниками революции, и месье Роже и другие лидеры “*брабансонской патриотерии*”, тщетно пытаясь убедить их, что они являются самым страдающим населением в Европе, были готовы выдать их за

Несчастные, которых никакое чувство обиды не могло пробудить к мести,

Грязный, бесчувственный, подлый, деградировавший,

Бездуховные изгои,

когда победившие республиканцы решили поднести свое оружие к воротам Антверпена и добиться его возрождения штурмом. Соответственно, они вторглись в город семитысячной численностью и послали генералу Шассе требование сдаться. Генерал, который много лет прожил в городе, был хорошо осведомлен о его лояльности, и точно так же принц Оранский внушал ему уверенную надежду на то, что восстание все же удастся остановить без кровопролития. Он рассматривал воинственную демонстрацию “освободителей” только как

бунт, который может быть подавлен гражданской властью, если он не прекратится сам собой, и он посоветовал магистратам, как лучшее средство спасти город от разрушения артиллерией, если он будет вынужден дать им отпор силой, разрешить им войти в ворота, при четком понимании, что они не должны приближаться к цитадели или беспокоить канонерские лодки на реке, и что они должны просто спокойно удерживать город до тех пор, пока комендант не свяжется с Гаагой. Чтобы спасти имущество внутри стен от разрушения, магистраты подчинились и начали переговоры с командирами повстанческих сил. Унизительный характер этого шага и насилие, которым он, должно быть, был для чувств верноподданных и респектабельных людей, можно легко представить, если знать, кем были эти командиры. Одним из них был месье Меллине, французский офицер, который был вынужден скрыться из-за "подозрения в долгах" и обвинения в двоеженстве. Другим был месье Нейлонон, тоже француз и рядовой, но с тех пор, как он стал *генерал-майором* на бельгийской службе. Незадолго до этого его выгнали со сцены в Антверпене, когда он был актером тамошнего театра. Подобно генералу Вандаму, который, будучи подручным цирюльника в Генте, был высечен плетьюми и сослан за воровство и поклялся вернуться только во главе армии, *ради чего он и жил*; говорят, что г-н Нейлонон выступил с аналогичной угрозой в адрес антверпенской публики, которую он тоже, возможно, раньше, чем ожидал, смог привести в исполнение. Третьим был мсье Кепеллс, некогда артиллерист на голландской службе, но главным занятием которого было возить по стране скелет кита, тот самый, который впоследствии был выставлен на Чаринг-Кросс в Лондоне и из-за своих огромных размеров получил титул "принца Уэльского". Именно этим трем выдающимся военачальникам богатые купцы Антверпена были теперь вынуждены уступить спокойное владение своим городом. Переговоры были завершены ими в полном неведении, однако, о реальной силе повстанческой армии, но когда ворота распахнулись и толпа ворвалась в город, джентльмен, который был моим информатором и очевидцем их въезда, заявил, что их внешний вид не поддается никакому описанию. Они хлынули, как поток грязи, через ворота, некоторые без обуви, некоторые только в одной, некоторые без шляп или каких-либо головных уборов, некоторые верхом, другие тащили за собой два полевых орудия на веревках, некоторые с ружьями и шпагами, другие с дубинками, но подавляющее большинство вообще без оружия,

"Viribus confisus admirandisque lacertis!"

Они немедленно нарушили доверие горожан, лишили магистратов права заключать какие-либо соглашения с голландским комендантом, иностранцем; и немедленно приступили к нападению как на цитадель, так и на канонерские лодки, в которых, как они предполагали, хранились деньги, что было прямым нарушением их конкретных условий. Они напали на госпиталь, пристроенный к цитадели, убили двадцать четыре несчастных инвалида, а остальных обратили в бегство, перебравшись через заднюю стену цитадели, когда старый Шассе, не желая верить в вероятность их вероломства, решил, что это какая-то ошибка, и дал им двадцать минут на то, чтобы удалиться. Но вместо того, чтобы последовать его совету, они атаковали арсенал в поисках оружия, по которому Шассе выстрелил из нескольких орудий с равелина в надежде рассеять их, и, наконец, спустив белый флаг, он открыл огонь по цитадели, фортам и флоту в гавани; он за несколько минут сравнял арсенал с землей и поджег большие склады, известные под названием *entrepôt*, которые были полны товаров — все это за несколько часов превратилось в пепел и руины. Тем временем выстрелы и снаряды, падавшие в городе, производили опустошение во всех направлениях; жители в ужасе бежали или прятались в подвалах; тюрьма загорелась и извергла своих обитателей, и всему городу, казалось, угрожало

немедленное разрушение; пока магистратам не удалось добраться до цитадели, им не удалось усмирить ярость возмущенного коменданта и добиться возобновления перемирия. Какая картина лидеров, агентов и актов революции!

Последующая осада французами в 1832 году, когда герцоги Орлеанский и Немур “обнажили свои мечи” против голландцев, была чем-то столь же характерным. Это не причинило городу никакого вреда или опасности, поскольку ограничивалось только цитаделью и окопами вокруг нее, и скорее рассматривалось жителями как своего рода грандиозная военная драма, которая была разыграна за счет Голландии и Франции для их развлечения. Французы, по сути, сделали все, что было в их силах, чтобы внести свой вклад в его театральный эффект. Они не нюхали пороха со времен Ватерлоо, разве что за своими собственными баррикадами, и им не терпелось устроить грандиозную демонстрацию во имя восстановления своей репутации. Операции проводились со всей помпой и атрибутами парада, и солдаты маршировали на работу в окопы с развевающимися знаменами и звучащими трубами. На самом деле, все это было настолько мелодраматично, что для просмотра были наняты места на всех возвышенностях города, а крыша самого театра, как подходящее место, объявлялась в афишах к спектаклю: *“публика уведомлена, что в театре Варьете можно найти места для просмотра ”осады“!”*

За исключением церквей, в Антверпене нет сколько-нибудь значимых общественных зданий. Когда-то отель де Виль соперничал с любым другим в Нидерландах, но в шестнадцатом веке он был сожжен мятежными испанцами из армии Рекезенса, и нынешнее здание не имеет ничего примечательного в своем внешнем виде. Он расположен на любопытной маленькой старинной площади, окруженной старинными испанскими домами, и среди прочих - тот, в котором Карл V имел обыкновение останавливаться по случаю своего визита в город. *Биржа* - это образец, по которому была построена лондонская биржа, квадратный внутренний двор, окруженный аркадами с резными арками и поддерживаемый усеченными колоннами в венецианском стиле с грубо вырезанными капителями. *Ганзейский дом* - еще один огромный торговый склад, расположенный между двумя бассейнами Наполеона. Он имеет огромные размеры и виден со значительного расстояния со всех сторон Антверпена. Нам сказали, что в старой башне недалеко от Маркиза де Пуассон все еще можно увидеть подземелья, которые занимала инквизиция во времена правления герцога Альвы и “Совета крови”.

ГЛАВА II.

СВЯТОЙ НИКОЛАЙ—МЕХЛИН.

Набережные Антверпена—Своеобразный способ воспитания молодых деревьев— Шельда— Летающий мост Наполеона—История Ван Спейка—Польдер в Тет—де—Фландрия —Его катастрофа в 1837 году—Цвиндрехт—*Различные профессии бельгийских святых*—История викария святого Иоахима—Беверена—*Святой Николай*—Плотное население-Рынок—Исполнители фламандских баллад—Древняя драма Фландрии—Тамизе—Плачевное состояние торговли хлопком в *Бельгии со времен революции*—Его причины—Неспособность правительства предоставить льготы—Сокращение экспорта с 1833 года—Замечательная

петиция профсоюзов в законодательный орган—Предлагаемые ими средства правовой защиты—Невозможность любого торгового союза с Францией —Или с Цольферайном—*Дендермонде*—Осада герцогом Мальборо—Описание его нынешнего состояния—Его мануфактуры—Мехлин—Любопытный старый город—Архиепископ Стерк—Политический прелат—Мехлинское кружево—Лен—Собор Святого Ромоальда—Башня—Карильон—Огромные колокола—Корпорация Мехлин—*Гробница Бертольди*—Картины Ван Эйка —“*Распятие Вандайка*—Превосходство Рубенса в композиции—*Церковь Нотр—Дам*—“Чудесная добыча рыб” —Любимые картины Рубенса в церкви Святого Иоанна-Отель де Сен-Жак.

Сегодня рано утром мы отправились в Сент-Николас, центральный город одного из самых важных льняных районов Бельгии, являющегося крупнейшим рынком сбыта продукции Pays de Waes. Перед отъездом из Антверпена мы еще раз прогулялись по его главным площадям и набережной. Последний, имеющий большую протяженность, тянувшийся вверх по берегам Шельды, засажен высокими деревьями и хорошо отделан во всех отношениях. Эти деревья выращиваются в питомниках Нидерландов специально для посадки на улицах и площадях. Их регулярно обрезают, как обычные фруктовые деревья, в течение восьми или десяти лет, пока стебли не достигнут десяти или пятнадцати футов в высоту, прежде чем их удаляют, и, поскольку за это время их часто пересаживают, чтобы сделать корни волокнистыми и выносливыми, они размещаются на своем предназначенном месте, при этом практически отсутствует риск срыва или задержки возобновления их роста.

Шельда здесь примерно такая же по ширине, как Мерси у Ливерпуля, и мы пересекли ее на пароме до Тет-де-Фландрии. Во времена правления Наполеона этот переход был устроен с помощью летающего моста, одного из тех хитроумных приспособлений, которые до сих пор можно увидеть на Рейне, в котором вереница лодок, прикрепленных к большому поплавку и поддерживающих длину троса, которым они пришвартованы в середине реки, перемещается из стороны в сторону через поток, соответственно регулируя их нос и рули, чтобы позволить силе течения воздействовать на них. Река напротив Антверпена настолько глубока, что позволяет самым большим судам стоять вплотную к причалам, но ее воды, судя по характеру почвы, по которой они проходят, всегда желтые от песка и ила, и проносятся между городом и Тет-де-Фландрия со скоростью, которая никак не оправдывает прозвище Голдсмита “*ленивой*” Шельд.

В реке, почти напротив торговых бассейнов, в 1831 году произошел случай героической преданности молодого офицера голландского военно-морского флота, параллель которому редко можно найти. Это был лейтенант по имени Ван Спейк, командовавший одной из канонерских лодок, несших охрану цитадели, пока она еще находилась в руках голландцев. Это было в феврале месяце, и маленький барк был вынужден искать укрытия от дрейфующих льдов, зайдя в гавань Флашинга. Однако шторм сорвал судно с якоря и вынудил его пристать к берегу почти напротив города Антверпен. Усилия команды справиться с ней были тщетны, и толпа революционеров-канарейкистов уже ждала на причале, чтобы захватить добычу и своих пленников, когда молодой командир спустился вниз и с помощью одного из товарищей открыл пороховой погреб, дал своему помощнику время нырнуть в море, а затем, применив спичку, подорвал себя и тридцать своих матросов, чтобы не попасть в руки своих врагов.

Приземлившись в Тет-де-Фландр, маленькой крепости, которая господствует над ровным польдером перед Антверпеном, мы поехали по дамбе, приподнятой на несколько футов над

уровнем равнины. Этот обширный аллювиальный район был затоплен в 1832 году, во время осады Антверпена, и оставался затопленным до 1835 года, когда вода снова была вытеснена; но три года назад брешь в дамбе, которая была плохо заделана, прорвалась во время необычайного прилива, затопила всю равнину и унесла около тридцати или сорока крестьян, которые шли по дороге на рынок Антверпена. Вид на город с этой точки - один из лучших, какие только можно вообразить, все его смелые и характерные черты сливаются в единое целое: река, благородная линия набережных, цитадель, гигантский ганзейский склад и вздымающаяся далеко в небо, над всем этим, величественная и красивая башня собора Нотр-Дам.

Дорога проходила через маленькую деревушку Цвиндрехт, уединенное местечко, поросшее деревьями, на краю большого польдера. Доход викария, приятного и непринужденного священника, который приветствовал нас на обочине дороги, составляет тридцать фунтов в год, но святой, которому посвящена церковь, святой Макуит, пользующийся высокой репутацией благодаря исцелению слабых конечностей у детей, вдобавок приносит солидный доход. Слава святого, по сути, является основным источником дохода для тех, кто влачит жалкое существование, многие сотни из которых не превышают такового в Цвиндрехте. Фактически, первый вопрос священника, когда ему предлагают пособие, заключается в том, какова стипендия? второй, кто такой святой? Причина в том, что все содержимое ящика Пандоры, все болезни человечества были распределены между различными святыми календаря, каждый из которых занимал свой особый отдел фармакопеи: так, к святому Блезу обращаются за помощью при ангине, к святому Николаю — при бесплодии, к святой Аполлонии - при зубной боли, к святой Доротее Алоизийской - при хандре у детей, к Святой Эдилии - при слабых глазах, к святому Корнелию - при коклюше, к святому Иосифу о Безуэну - к дамам, которые беспокоятся о здоровье. наследники, святой Венделин для умерщвления крупного рогатого скота и святая Гертруда для отпугивания крыс. Из всех наиболее ценных и приносящих доход женщин - это женщины, которые наблюдают за болезнями младенцев; не только частота заболеваний, но и тревога матери, способствующей славе и прибылям святого. Не только дамы-католички, которые смеются над силами, приписываемыми святому, но даже протестантки, которые в более спокойные моменты презируют обман, редко упускают возможность в крайнем случае обратиться за помощью к священнику; они не доверяют профессии, но боятся пренебречь последним средством, хотя и малоперспективным. Если пациент поддается процессу, это происходит из-за того, что родитель слишком долго обращался за помощью, и, если он возрождается, вера матери получает мощный толчок к вере в церковь.

Монс. Д., который ехал с нами в вагоне, рассказал довольно забавный анекдот, связанный с системой. Его дядя - священник и настоятель прихода, покровитель которого святой Иоаким заведует отделением *глухоты*. Доход от его жизни невелик, но он с лихвой превышает доходы святого, репутация которого постепенно росла в течение последних пятидесяти лет, что старый джентльмен держал его под своей опекой. Однако вскоре после этого он приехал навестить своего племянника в Антверпене и с чувством пожаловался на несчастье, которое, вероятно, погубит и святого, и его практику; ему исполнилось восемьдесят лет, *и он сам стал настолько глухим*, что больше не мог разбирать жалобы своих пациентов!

Беверен, красивая деревня, расположенная на полпути между Сент-Николасом и Антверпеном, является резиденцией почти исключительно богатых семей и пенсионеров, большинство из которых являются владельцами земель округа. Среди них был отмечен один дом М. Борлута,

прямого потомка одного из лидеров Гента, который отличился в битве при Золотых Шпорах в 1302 году.

Сент-Николас, куда мы приехали позавтракать, - вытянутый город с огромной рыночной площадью, на которой Наполеон однажды проводил смотр дивизии своей армии. Процветание этого маленького городка весьма примечательно и в целом обусловлено процветанием торговли льном. В 1788 году население составляло всего восемь тысяч человек, а сейчас его число превысило восемнадцать. Окружающая местность является одной из самых густонаселенных в мире, население составляет, согласно статистическому отчету М. Ван ден Богерде, не менее 5210 человек на квадратную лигу, из которых шестьдесят на каждые сто - земледельцы, двадцать пять торговцев и четырнадцать живут другими средствами.

Был базарный день, и город был переполнен крестьянами, которые везли лен для "поставок" нескольких купцов, приехавших из Гента и Антверпена. М. Коулз, член Палаты представителей округа, оказал нам услугу, сопровождая нас по городу. Рыночная площадь была заполнена прилавками и лавками с одеждой, скобяными изделиями и мебелью, огромные груды деревянных башмаков были разбросаны по тротуару, а среди сельскохозяйственной продукции в изобилии имелась гречневая крупа (сарассин), из которой делают что-то вроде мягкой, размокшей лепешки, отнюдь не невкусной.

Меня позабавил хор исполнителей баллад, которые занимали передвижную сцену на рынке, обставленную большой раскрашенной сценой, разделенной на отсеки, каждый из которых изображал какой-нибудь эпизод из песен, которыми они порадовали очень многочисленную аудиторию, которая в большом восторге сгруппировалась вокруг них. Я купил балладу, которая была на фламандском и содержала три пьесы, две из которых были застольными песнями, которые были проиллюстрированы в сцене выше, где группа сидела в кафе. Песня представляла собой эклогу, в которой два фермера, Тайтирус и Мелибус, жаловались на давление времени, Тайтирус утверждал, что он настолько беден, что больше не может позволить себе платить своему цирюльнику, Мелибус уверяет его, что каким бы плохим ни было их положение, оно не хуже, чем было при Наполеоне, и оба присоединяются к припеву, что Женева - единственное средство от всех зол, как политических, так и личных. Третья была метрическим рассказом о девушке по имени Джоанна Шольц, которая недавно была казнена за убийство, и различные фрагменты сцены демонстрировали каждый этап истории, начиная с невиновности героини и заканчивая ее выходом на гильотину. Впечатление, которое эта последняя песенка произвела на нервы публики, было потрясающим, поскольку певица, сыгравшая в ней главную роль, по крайней мере, с энергией, если не с элегантностью Малибран, переходила от куплета к куплету, указывая волшебной палочкой, которую она держала в руке, на иллюстрацию истории, стоявшей у нее за спиной. Этот странствующий оркестр с его фургоном и декорациями, несомненно, очень похож на рассказ Горация о хоре, откуда возникла драма в Древней Греции? Кстати, граф д'Анеаль Гент сказал мне, что существует копия оригинальной комедии на фламандском языке, написанная намного раньше любой письменной драмы, на любом из современных языков Европы.

После завтрака мы продолжили нашу поездку в Тамизе, или Темзу, промышленную деревню на Шельде, которая, как говорят, вместе с другой деревней рядом с ней, называемой Уэсминстер, была названа так в честь короля Эдуарда III. У Темзы мы проехали мимо хлопчатобумажной

фабрики М. Талбума. Он среднего масштаба, имеет от 6 до 7000 шпинделей, оборудование частично французское, но в основном с завода Phœnix в Генте. Нанятые мужчины и девушки работают по четырнадцать часов в день, не считая двухчасовых перерывов. Мы выразили свое впечатление о серьезности этого, но нам сказали, что это необходимо для того, чтобы сохранить свои позиции на рынке. Владелец, выразивший крайнюю тревогу и недовольство состоянием торговли, заметил, что если обстоятельства позволят английским производителям хлопчатобумажной пряжи снизить свои цены хотя бы на одну цифру, то бельгийским производителям пряжи придется отказаться от мануфактуры, которая даже в настоящее время не окупает себя. Как почти любая другая отрасль национальной промышленности, хлопчатобумажное производство, достигшее высокой степени процветания во время союза с Голландией, претерпело мгновенный перелом по сравнению с событиями революции. Фабрика за фабрикой закрывали свои двери, одни разорялись, другие переводили свои капиталы и промышленность в Голландию, чьи обширные колонии давали такой выход их продукции, который они больше не могли найти дома. Министерство, чтобы остановить нисходящий тренд, прибегло к абсурдному и детскому приему - скупке излишков продукции фабрикантов, чтобы экспортировать ее в убыток и, таким образом, вывезти ее из страны и убрать с дороги, только для того, чтобы освободить место для нового накопления запасов и новых авантур правительства. Таким образом, торговля влачила фиктивное существование, подвергаясь опасности при каждом колебании рынков Англии и время от времени перенасыщаясь импортом, произведенным в тот момент, когда было необходимо избавиться от перенасыщения рынка этой страны или Франции. Однако в течение последних двух лет его положение было крайне шатким и угрожающим, его потребители еще больше сократились из-за раздела провинций Люксембург и Лимбург с Голландией, изменения стоимости хлопка-сырца и необычного предпочтения, которое почти во всех странах Европы отдается шерстяным тканям по сравнению с хлопчатобумажными. В 1835 году те, кто заинтересован в торговле, обратились к правительству с настойчивым и тревожным заявлением, разоблачая опасность, в которой они оказались, и умоляя о помощи; министры были вынуждены признать срочность дела, признать, что их защита была совершенно недостаточной, и предложить скорейшие меры для их облегчения, — но представители торговли горько жалуются, что до настоящего времени в их пользу ничего не было предпринято. *Но на самом деле, что находится в распоряжении правительства?* Оно не может дать им то, что является их единственным средством защиты, оно не может завоевать или навязать им рынок и потребление, пропорциональные их средствам производства. Год за годом их экспорт растет все меньше и меньше с 1830 года. В 1833 году, согласно отчету в том М. Бриавионна, [5] они экспортировали миллион килограммов хлопчатобумажных изделий; в 1834 году - *девять* сотен тысяч; в 1835 году - *семь*; в 1836 году - *шесть*; в 1837 году - *свыше пяти*; в 1838 и 1839 годах - *свыше четырех*; сокращение на шестьдесят процентов. после сделки за короткий шестилетний период! Между тем, поскольку бельгийские прядильщики уступают английским и французским в производстве более тонких товаров, ввоз этих прядильных изделий за тот же период существенно не уменьшился, в то время как их ввоз контрабандным путем все еще продолжается в размерах, которые, по словам г-на Бриавионна, не поддаются исчислению.

Для меня совершенно необъяснимо, что при таком положении дел количество ткацких станков власти, тем не менее, увеличивается из года в год, и в Генте на данный момент на 2000 *больше*, чем в 1830 году. Этот факт признан и неполно учтен в меморандуме, представленном в этом году законодательному собранию от производителей хлопка Бельгии, которые объясняют

увеличение ожиданием того, что правительство быстро выполнит свое обещание 1835 года и поставит торговлю на такую основу защиты и поощрения, которая вернет ей то процветание, в котором она купалась до революции 1830 года, а тем временем, что было необходимо приложить чрезвычайные усилия, чтобы вообще сохранить торговлю.

Документ, в котором встречается этот отрывок, во всех отношениях очень примечателен;^[6] он исходит от всех представителей бельгийской торговли, причем не только из Гента, где революция, как известно, непопулярна, но и из Брюсселя, где она зародилась, из Куртрэ, Рене и Сен-Николаса. В нем раскрываются трудности, от которых страдает национальная торговля, и их причины; и предлагаются способы их устранения в выражениях столь же откровенных, сколь и убедительных. Заявив, что в Англии, Франции, Германии и Америке производство хлопка увеличилось с 1829 г. с 50 до 75%, они продолжают показывать, что за тот же промежуток времени в Бельгии оно сократилось не только в прибылях, но и в фактическом объеме. “В Брюсселе, - говорят они, - во время революции в полную силу действовали *четыре* фабрики первого класса; в настоящее время существует только *одна*, да и та прекратила работу, а *четыре* мелких заведения полностью исчезли за тот же промежуток времени; владельцы тех, которые не разорились из-за банкротства, воспользовались такими случайностями, как сожжение их фабрик, чтобы уйти из торговли или уехать со своим капиталом в Голландию. Перед лицом нашей страны, приложив руки к сердцу, мы торжественно заявляем, что торговля хлопком в Бельгии постоянно сокращается после событий 1830 года; что она находится на грани разорения и что ее разрушение следует отнести к пренебрежению законодательной властью принять эффективную линию торговой политики для ее защиты”.

Отрицая всякую причастность торговли хлопком к чрезмерным спекуляциям и неосторожности, которые разорили другие отрасли в предшествующие годы, они продолжают говорить, что “несмотря на всю осмотрительность и средства, которые они, как благоразумные люди, могли бы принять, чтобы противостоять буре, они обнаруживают, что безмолвно и фатально подорваны злом, которое они давно предвидели и от которого они защищались со времен революции с меньшим успехом, чем всерьез. *Они оказываются подавленными иностранной конкуренцией “(dominés et écrasés).* Их внутренний рынок с каждым днем отнимается у них, и то небольшое пространство, на котором они могут распределять продукцию своей промышленности, с каждым часом становится все более ограниченным. Только взгляните на ситуацию с торговлей в Бельгии, и она представит вам нечто замечательное и поначалу необъяснимое. Бельгиец обладает всеми навыками и дарованиями своих конкурентов; его положение в торговле выгодно, и в некоторых отраслях заработная плата если и не более выгодна, то по крайней мере равна заработной плате в других странах; и, несмотря ни на что, мы совершенно не в состоянии бороться с ними, и борьба неизбежно должна быть смертельной в долгосрочной перспективе: *“любовь к смерти в долгосрочной перспективе”*.”

“Но как может быть иначе? Мы делим наши собственные внутренние рынки с нашими конкурентами, в то время как они фактически исключают нас из любого участия на своих. Это постоянный источник нашей слабости, наши конкуренты извлекают выгоду из наших ошибок, которые укрепляют их в борьбе с самими собой. Истинная экономия оборудования и единственный способ продавать дешево - продавать в больших количествах. Но в Бельгии потребление наименее мыслимо, оно разделено и ослаблено за счет импорта из-за рубежа.

Например, для печатания ситца стоимость гравировки на валике одинакова во Франции, в Англии и в Бельгии, но с одного и того же валика английский производитель требует пять тысяч штук, французский - пятьсот, а бельгийский - всего пятьдесят. С оттисками на ткани дело обстоит так же, как с оттисками на бумаге: книга, которая будет продана огромным количеством экземпляров, может быть предложена по цене, немногим превышающей стоимость бумаги, и подобным же образом печатная продукция Англии и Франции может быть продана по чистой стоимости серого ситца в Бельгии.

Но то, что из всего прочего наносит самый серьезный ущерб торговле хлопком в Бельгии, - это ее периодическое наводнение избыточными запасами ее конкурентов, которые время от времени вливаются на ее рынки с инструкциями форсировать продажу по любой цене, какой бы незначительной она ни была. Хлопчатобумажные ткани, за которые весной просили три франка, через несколько месяцев вывозятся в Бельгию и охотно продаются по полтора или полтора франка с четвертью, в результате чего лучший и ценнейший муслин Франции вступает в прямую конкуренцию с грубыми тканями Бельгии. Этот вредный импорт происходит в начале почти каждого сезона, и французские печатники, прежде чем выпустить свои новые образцы, полностью уничтожают старые и тщательно избегают снижения цен на них внутри страны, заставляя их потребляться в Бельгии, которая представляет собой ближайший и наиболее удобный рынок сбыта для этой цели. Кризисы и коммерческие колебания в других странах, таким образом, становятся столь же разрушительными, как и наши собственные, но с таким обострением, что благоразумие может уберечь от одного, но никакой предусмотрительности или предосторожностей не может быть достаточно, чтобы предотвратить другое”.

Такова ситуация на внутреннем рынке — столь же болезненно изображается ситуация с экспортной торговлей, и без всяких оговорок или ложной деликатности указывается на ее подлинную причину. “Успех внешней торговли хлопком, - продолжает мемориал, - должен иметь определенную поддержку со стороны внутреннего рынка, чтобы производитель мог экспортировать с выгодой для себя, но, к сожалению, именно в этом пункте Бельгия испытывает особый недостаток из всех остальных. Ее торговля прежде имела выход в индийские владения Нидерландов, преимущества которых были обеспечены ей исключительно привилегиями, предоставленными ее флагу.^[7] Все ее избыточные постановки находили здесь отдушину, которая с каждым днем становилась все более и более важной. Если бы в стране был переизбыток продукции, либо из-за перепроизводства ее собственными торговцами, либо из-за чрезмерного импорта из-за границы, торговец мог бы опустошить свои склады на Яве без необходимости останавливать свое оборудование ни на один час. В то же время перед ней открылся рынок самой Голландии с двумя с половиной миллионами потребителей. Таковы были ее особые привилегии *тогда*, но *теперь* для ее товаров закрыт доступ в Индию — Голландия потребляет все меньше и меньше своей продукции, снабжаясь, как и она сама, излишками Англии и Франции, — и мы только что понесли потери Лимбурга и Люксембурга, лишившись 350 000 наших собратьев-подданных и покупателей. Таковы факты во всей их истинности, и сейчас перед нами открыт только один путь к безопасности - обеспечить неприкосновенность нашего домашнего потребления. Этого вы можете добиться для нас, только вынудив наших иностранных конкурентов уйти с того положения, которое им до сих пор разрешалось занимать на нашем рынке по неосторожности, и положив конец их махинациям с доходами. Вы должны быть либо готовы сделать это, *либо присоединить нас к какой-нибудь более обширной территории*, "вы должны примыкать к нам с одной плюс большой территорией".

Поэтому мы призываем вас, как наших представителей, предпринять эффективные шаги для обеспечения наших законных прав, то есть беспрепятственного пользования единственным рынком, который нам остался, *или заменить его либо торговым союзом с Францией, либо присоединением к торговой лиге Германии*. Мы призываем вас принять эти меры без дальнейшего промедления — наши страдания сильны и они были долгими — и, если, несмотря на все усилия спасти нас, вы, наконец, обнаружите, что это невозможно, мы умоляем вас, в качестве последнего одолжения, по крайней мере, сказать об этом открыто. Затем мы воспользуемся таким заявлением, чтобы сократить нашу борьбу и положить конец жертвам и напряжению, которые поглотили наш капитал и наше время. Вы, по крайней мере, можете добиться для нас того, чтобы наше правительство объяснило нам, *что это значит делать*. Десять тысяч семей нуждаются у нас в хлебе насущном — пятьдесят тысяч человек, мужчин, женщин и детей, разбросанных по городам и деревням, рассеянных по каждой провинции, зависят от наших учреждений в плане трудоустройства, и когда это не удастся, им не к чему бежать. Вам остается сохранить для Бельгии отрасль ее промышленности, которую твердая решимость еще может восстановить и которая требует лишь энергичной решимости освободить ее от дани, которую она сейчас платит иностранцу”.

Этот назойливый документ, как и можно было ожидать, не принес никаких положительных результатов — правительство не в силах помочь им — все их три предложения одинаково недостижимы для них; — для эффективного пресечения контрабанды из-за границы потребовалась бы таможенная полиция, которая на такой обширной границе и на таком протяженном побережье обошлась бы дороже, чем могла бы заплатить вся торговля, которую она защитила бы; - и получение коммерческих преимуществ за счет договора с Францией является столь же безнадежным предложением, сколь предложение о союзе с прусской лигой оказалось невыполнимым и несостоятельным. Окончательное сохранение хлопковой торговли Бельгии во всех ее отраслях прядения, ткачества и книгопечатания представляется мне совершенно безнадежным при любой обычной политике и может быть достигнуто только путем обращения к какому-либо еще не испытанному средству.

Из Тамизе мы проехали через богато засаженную местность вдоль левого берега Шельды в Дендермонде, или, как его еще называют, Термонде. Это мрачный старый город, очень тихий и непривлекательный, в нем нет ничего примечательного, кроме огромных укреплений, и я так же неспособен описать их, как мой дядя Тоби был не в состоянии описать свою карту, прежде чем он достал свою карту, чтобы заставить своих слушателей понять “различия между уступом и контр-уступом, гласисом и крытой дорогой, полумесяцем и равелином”.

Все наши ассоциации с именем Дендермонда связаны с

“О долинах и убежищах, о траншеях, палатках,

Из частоколов, границ, парапетов,

О василисках, о пушках, кулевринах,

О выкупленных пленниках и убитых солдатах,

И все течения пьянящей борьбы”.

На большой площади, которая находится недалеко от берега реки, стоит Ратуша, плоское на вид здание, а рядом с ней - редакция новостей и зал для балов, но все они казались пустынными, и мы едва ли увидели двадцать человек внутри стен. Одного взгляда на это достаточно, чтобы убедиться в осуществимости средства, к которому прибегнул Вандом в 1706 году при защите города от герцога Мальборо (или, скорее, его брата, который руководил осадой), заключавшегося в затоплении местности до самых стен города. Однако по странному совпадению этот способ оказался безуспешным, поскольку уровень воды в Шельде упал настолько низко, что затопление низменностей сократилось до глубины, доступной для брода. Герцог в своем письме лорду Годольфину говорит: "Дендермонд можно было взять только рукой Божьей, которая дала нам семь недель без дождя. Дождь начался на следующий же день после того, как мы овладели им, и продолжался до вечера. Я полагаю, король Франции будет немало удивлен, когда услышит, что гарнизон был вынужден сдаться в плен, ибо, услышав, что ведутся приготовления к осаде, он сказал: *"У них должна быть армия уток, чтобы взять Дендермонд."*

Тенирс жил в Дендермонде, уроженкой которого была его супруга, и дом, который он занимал, с фреской над каминной полкой в салоне до сих пор показывают посетителям. Здесь есть несколько фабрик по производству хлопка и шерсти, но единственным процессом, который мы видели, была одна из тех мельниц для измельчения масла, которые, поскольку они находят и сырье, и потребителя на месте, кажутся одними из самых процветающих предприятий в Бельгии.

Путешествие по железной дороге от Дендермонде до Мехлина, расстояние в шестнадцать миль, совершается примерно за полчаса. Мехлин вполне оправдывает ожидания от него. Я всегда слышал о нем по названию *Malines la Propre* ассоциировал его с величием и причудливостью "мехлинского кружева": "и, конечно, это именно такое старое место, какое можно себе представить, где производят такие воротнички и накидки, какие можно увидеть на портретах Вандайка — тихие, гротескно выглядящие старые дома огромных размеров, с богатыми и сдержанными орнаментами на остриях и фронтонах, высокие готические церкви и безупречно чистые улицы, с группами веселых, довольных зевак у дверей, и здесь, и там. там бесшумно ступал скромный священнослужитель в своей черной мантии с шелковым поясом, в своей маленькой треуголке, в шляпе с белыми лентами, отороченной черной лентой, и в широких серебряных пряжках на ботинках.

Мехлин полон священников, так как изобилует церквями, и является резиденцией архиепископа. Нынешний прелат - М. Стеркс, сын фермера из деревни Офем, но один из самых беспокойных, энергичных и амбициозных священнослужителей, которые когда-либо стремились к политической власти. Он получил свой нынешний престол после Революции, но сейчас он является ведущим духом *прет-партии* в законодательном органе, и его воля и пожелания, передаваемые по соответствующим каналам, служат для того, чтобы "двигать, направлять и оживлять всю" политику государства при нынешнем доминирующем положении церкви в обеих палатах. Аббат де Прадт был епископом Мехлина при Наполеоне.

Малинс - очень древнее место; его название произошло от *Maris linea*, и влияние прилива на течение Шельды и ее притока Дайла, на берегу которого он построен, ощущается на миль за пределами города. Когда-то он был укреплен и осажден Мальборо и другими, но французы сравнивали крепостные валы и засыпали ров в 1804 году. В производство кружев, к сожалению, вмешались другие конкуренты, но прежде всего из-за изобретения тюля и шпульной сетки, но

подлинные образцы старинного производства по-прежнему пользуются самой выдающейся репутацией. Другими занятиями населения, которое составляет где-то около 20 000 человек, являются изготовление кашемировых шалей и стульев из позолоченной кожи, которые когда-то были предметом экспорта, поэтому выбор дизайна зависел от вкуса; в них до сих пор занято свыше четырехсот рабочих, и они по-прежнему пользуются у голландцев большой репутацией. Район вокруг, как обычно, в высшей степени сельскохозяйственный, а каналы, которые пересекают его и проходят мимо города, сделали Мехлин процветающим центром торговли льном и настоящим перевалочным пунктом для кукурузы и масла.

Единственными объектами интереса и хранилищами произведений искусства в Мехлине, как обычно, являются церкви. Собор, массивная башня мореско которого видна издалека, имеет большую древность, хотя и не отличается особой красотой. Башня поразительной высоты, хотя и недостроенная; мы поднялись на нее по каменной лестнице, которой я сбился со счета, посчитав подъем в пятьсот ступеней; следовательно, я должен заключить, что ее высота составляет по меньшей мере триста футов. В нем звучит один из тех “кораллов для взрослых джентльменов”, как какой-то модник в музыке назвал нидерландские карильоны — перезвон бесчисленных стоп, приводимый в движение механизмами. Но, признаюсь, хорошо поставленная гармония карильонов мне бесконечно приятнее, чем монотонный звон, который в праздничные дни в Лондоне нарушает благопристойность города, или нежный, но “сонный звон” из каждой церкви и монастыря, наполняющий воздух звуками вечером в Италии. Их веселая и размеренная мелодия иногда так неожиданно поражает слух, нисходя с такого расстояния с неба, что она тоже кажется песней Ариэль, привлекающей Фердинанда:

“Где должна быть эта музыка? я"воздух" или я"земля"?

Это не дело смертных и не звук

Это долг земли.

Оно пронеслось мимо меня по водам,

Успокаиваю как их ярость, так и мою страсть

С его сладким воздухом”.

Некоторые городские колокола, находящиеся в другом помещении наверху, невообразимых размеров, один из них весит 15 000 фунтов. Пока мы были в комнате, двое “юношей” из мехлинов вошли, чтобы позвонить в колокол, который всегда звучит перед заходом солнца; и хотя тот, который они выбрали, был третьим или четвертым по величине, и они привели его в движение с помощью рычага, приводимого в действие ногой, потребовалось от семи до десяти минут, прежде чем им удалось вызвать колебания такой силы, что язычок колокола ударялся о стенки. С внешней стороны башни, на этой высоте, находится циферблат для часов; круг такого же размера, выложенный мелкими камнями на мостовой площади внизу, соединен, я думаю, с солнечными часами; я прошелся по нему и обнаружил, что его диаметр превышает сорок футов, хотя его аналог на башне выглядит обычного размера, такова его крайняя высота. Гид, который проводил нас на вершину, указал на балкон, с которого незадолго до этого упал сторож, который всегда находится наверху, чтобы следить за пожарами; его подняли вниз, как сказал наш информатор, “мягким, как тук шерсти”. Башня и ее колокола являются отдельным сооружением от церкви, хотя и объединены с ней, и принадлежат корпорации города —

пережиток старины, когда у каждого свободного города была своя “колокольня”. Эта корпорация, по—видимому, все еще обладает абсолютной властью в пределах своей юрисдикции, и, не пользуясь ею с должной “осмотрительностью”, они предотвратили прохождение канала из Лувена по своим улицам, что принесло бы наибольшую выгоду их торговле; и совсем недавно они стойко и успешно сопротивлялись правительству в том, чтобы перенести центральное депо железных дорог в черту города, вместо того, чтобы расположить его, как они были вынуждены сделать, на некотором расстоянии от его границы - обстоятельство, о котором они теперь искренне сожалеют.

Сама церковь посвящена святому Ромоальду, чье тело, заключенное в подходящую раку, находится на главном алтаре. В 1491 году в хоре состоялось заседание ордена Золотого руна, на котором английский король Генрих VII был награжден знаками отличия ордена. Во внешней стене хора, слева от алтаря, находится довольно интересный памятник семье Бертольди, могущественному дому, которому в тринадцатом веке князь-епископ Льежский, к владениям которого он был присоединен, доверил должность “Протектора” Малина, сумел добиться независимости от своего Суверена и в течение нескольких поколений обладал абсолютной властью как лорд Малин. Надпись на их могиле причудлива и поэтична: *“Trium Betholdorum, qui sæculo decimo tertio Mechliniæ dominarunt hic ultima domus.”* Есть множество других мраморных памятников древним архиепископам и прелатам Мехлина, но ни один из них не настолько интересен, как этот.

Существует любопытная серия старинных картин, иллюстрирующих деяния святого Ромоальда, которые приписываются Ван Эйку и, во всяком случае, относятся к его периоду и школе; надпись сообщает, что в шестнадцатом веке они были спрятаны, чтобы спастись от ярости иконоборцев; а в другой записи говорится об их повторном изъятии в 1794 или 5 году, “временном возмущении Галлорума”, чтобы спастись от столь же грозного безумия французских революционеров.

В этой церкви также есть великолепная картина Вандайка “Распятие”; но, какой бы удивительной она ни была по своему энергичному совершенству и по замыслу отдельных частей, ее сравнение в целом с картиной Рубенса “Сошествие с креста” или его картиной на ту же тему в музее Антверпена, в достаточной степени продемонстрирует превосходство последнего в искусстве композиции. Подобно совершенной драме, в которую не допущен ни один персонаж, не способствующий усилению развязки, в картине Рубенса нет фигуры или выражения, которые не имели бы прямого отношения к главному действию момента и которые не стремились бы сосредоточить весь интерес в одном одновременном движении. Однако в “Распятии” Вандайка три креста образуют три отдельных эпизода, каждый из которых рассказывает отдельную историю и, таким образом, разделяет интерес к предмету, вместо того чтобы превратить его в одно всепоглощающее ощущение, как это делает Рубенс. Но, с другой стороны, эта великолепная картина демонстрирует всю виртуозную индивидуальность и детализацию Вандайка, каждая фигура - это этюд, и, прежде всего, прекрасная Магдалина у подножия Креста - одна из самых прекрасных концепций, когда-либо воплощенных на холсте. Сэр Джошуа Рейнольдс говорит: “Эту картину можно по праву считать одной из первых в мире, она дает самое высокое представление о гении Вандайка”. Можно сильно заподозрить, что агония умирающего вора была подсказана Рубенсом. В соборе находится одна из самых прекрасных резных кафедр в Нидерландах, изображающая обращение святого Павла, на которой ужас лошади и падение всадника показаны с самой удивительной силой и эффектом.

В другой церкви, Нотр-Дам-Дам, есть картина Рубенса, изображающая чудесную стаю рыб, которая вместе со своими волчками когда-то образовала восемь сюжетов, которые он написал за десять дней для часовни Пуассонье. Все они были перевезены в Париж, и вернулись только пятеро. Еще одна из его любимых картин - "Поклонение волхвов" в церкви святого Иоанна, о которой он обычно говорил: "c'est à Saint. Jean de Malines, qu'il faut aller pour voir de mes beaux ouvrages." Однако я должен сказать, что это не доставило мне того удовольствия, которое, должно быть, доставило самому великому художнику. Ризничий показал нам квитанцию Рубенса с автографом на 1800 флоринов за эту картину и ее фрагменты, которые он написал за восемнадцать дней. На ней стоит дата марта 1624 года. Алтарь церкви также был спроектирован им, а стены в изобилии увешаны картинами, работами художников не столь высокого уровня, чьи достоинства, хотя они и были бы признаны в другом месте, неблагоприятно контрастируют с работами их великого мастера.

Мы пообедали в одном из самых удобных и чистых отелей, которые я видел в Бельгии, в отеле Сен-Жак, на рынке Гран, и вернулись по железной дороге в Брюссель, в отель очень низкого качества, хотя и гораздо более претенциозный.

ГЛАВА III.

ЛУВЕН—ВАТЕРЛОО И НАМЮР.

Пейзажи вокруг Лувена—*Бельгийская железнодорожная система*—Своеобразная адаптация страны—Политика государственного вмешательства в их строительство—Средняя стоимость мили—Причины разницы в расходах между Бельгией и Англией—Дешевые тарифы на поездки по Бельгии—*Несчастные случаи*—Успех еще не определен—Лувен—Его масштабы—УНИВЕРСИТЕТ Лувена—Его былая слава—Его нынешнее состояние—Лувенский бьерр—де—Левен—*Великая пивоварня*—Ее технологические процессы—Удивительное потребление пива в Бельгии—Его Разные характеры—*Отель де Вилль*—Его картины—Галерея М. Вандершрейка—Коллегиальная церковь Сен—Пьер—*Легенда о святой Маргарите Лувенской*—Могила Юстуса Липсиуса—Бегство "храбрых бельгийцев" в Лувене в 1832 году—Странная перемена в характере людей из—за мужества—Нынешние солдаты—*Тервойрен*—Парк и дворец принца Оранского—*Лес Суанье*—ВАТЕРЛОО—Бельгийский лев—Его травма на поле боя—Ирландский анекдот—Храбрость ирландских войск при Ватерлоо—*Гугемон*—Фруктовый сад—Реликвии битвы—Поместье герцога Веллингтона—Ему нет памятника на поле боя—Герцог Мальборо—Прекрасный альянс—*Катр*—*Бра*—Леса вырублены—Прекрасные пейзажи Мааса и Самбры—Намюр—Мой дядя Тоби—Цитадель—Дон Иоанн Австрийский—Кафедральный собор—*Церковь Сен—Лу*—Торговля столовыми приборами—СПУСК По МААСУ —Его красота и богатство—Анденны—*История мистера Кокерилла*—Его влияние на мануфактуры Бельгии—*Его типографии в Анденне*—Разрушены революцией—*Производство бумаги в Бельгии*—Нуу.

Маршрут из Мехлина в Лувен, который мы проезжали этим утром, является первым из линии железных дорог, на которых мы заметили поразительную неравномерность поверхности; многочисленные выемки и насыпи встречаются по мере приближения к последнему городу. За ним аллювиальные и песчаные равнины исчезают, и местность приобретает обычный

холмистый и разнообразный вид, настолько, что, прежде чем прибыть в Тирлемонт, она проходит под туннелем длиной почти в тысячу ярдов. Пейзажи вдоль берегов Дайля также наиболее богаты и разнообразны, сам Лувен расположен на опушке леса, который, очевидно, в какой-то отдаленный период был частью Суанье. Топлива здесь должно быть в избытке, поскольку в изобилии имелись не только дрова и уголь на небольшом расстоянии, но и во впадине я заметил слой дерна под песчаным покрытием, который был обработан в больших количествах и сложен вдоль обочины дороги.

Бельгия, исходя из своего географического положения, не в меньшей степени из-за экстраординарной адаптации характера поверхности, по-видимому, предложила провести эксперимент по замене старых видов транспорта единообразной и всеобъемлющей системой железных дорог. Проект был рассмотрен правительством в 1833 году, и план, наконец, осуществленный, заключался в том, чтобы взять одну точку в центре королевства и отходить от нее — северную, западную, восточную и южную — линии, чтобы поддерживать сообщение с морскими портами Остенде и Антверпеном, а также с крупными торговыми точками Франции и Пруссии. Ожидается, что по достижении границы этих двух государств, в Лимбурге и Кувине, в лесном массиве Тиращ, предприятие будет подхвачено частными спекулянтами, которые продолжают цепочку в Кельн, на восток, и на юг, в направлении Парижа. Весь проект находится в прямом противоречии с *принципом невмешательства* английского правительства, максима которого заключается в том, чтобы оставить все частным предприятиям, с чем частный капитал и рассчитан бороться. Но Бельгия так долго привыкала, как во времена правления Франции, так и Голландии, к “вмешательству правительства” в мельчайшие заботы нации, даже в ущерб или вытеснению индивидуальных спекуляций, что обычная политика страны, возможно, сделала ее вмешательство необходимым. И поскольку общая протяженность всех проектируемых, строящихся и открытых линий не превысит трехсот миль, и они могут быть достроены по цене, бесконечно меньшей, чем все, что до сих пор предпринималось в Великобритании, предприятие не такое уж гигантское, как может показаться на первый взгляд. Одно из преимуществ, вытекающих из этого предприятия, состоит в том, что его выгоды, таким образом, будут в равной степени распространяться на все части королевства; если бы это было предоставлено исключительно частному предпринимательству, были бы выбраны только те линии, которые обещали принести наибольшую прибыль; а по другим округам, менее привлекательным, железная дорога вообще никогда бы не проходила. Но правительство, объединяя все это в одну всеобъемлющую систему, получает возможность применить превышение прибыли к одному разделу, возместить возможные потери - к другому и, таким образом, распространить свои возможности одинаково на всех. Но частное предпринимательство ни в коем случае не запрещено, и в дополнение к государственным работам уже были удовлетворены заявки капиталистов на строительство филиалов в шахтерских районах Эно.

Средняя стоимость уже завершенных работ едва превышает 8500 фунтов стерлингов за милю,^[8] включая вагоны и здания. Самой дорогой линией была линия от Лувена до Тирлемона, которая, включая туннель, о котором я упоминал, стоила 11 661 фунт стерлингов за милю, а самой дешевой - линия от Дендермонда до Мехлина, которая, поскольку ровную поверхность земли почти не пришлось нарушать для прокладки рельсов, стоила всего 4583 фунта стерлингов. Это, однако, относится к одинарным линиям рельсов; только они от Брюсселя до Антверпена пока проложены двойными, хотя все были построены с расчетом на их окончательное внедрение. Строящаяся в настоящее время линия от Льежа до Вербье,

проходящая по самой неравномерной и холмистой местности в окрестностях Вездра, будет, как я полагаю, из-за многочисленных насыпей и проходов в скалах самой дорогостоящей из когда-либо предпринятых. Естественная легкость грунта и, как следствие, простота работ привели к одному результату, сильно отличающемуся от нашего опыта в Англии; — фактические затраты на работы, даже на самых сложных участках, не превысили смету более чем на восемь процентов.

В Англии самая дешевая из когда-либо открытых линий обошлась в 10 000 фунтов стерлингов за милю (в Ирландии была достроена одна линия от Белфаста до Лисберна менее чем за 7000 фунтов стерлингов), но другие стоили более 40 000 фунтов стерлингов; а средняя стоимость сорока пяти линий, законопроекты по которым были приняты в 1836 и 1837 годах, составляла более 17 500 фунтов стерлингов за милю *по смете*, которая впоследствии могла быть намного ниже фактических затрат. Но, помимо простых удобств страны; другие причины способствовали тому, что расходы в Бельгии были бесконечно ниже, чем в Великобритании; в первой не было комитетов Палаты общин, которые позволили бы увеличить счета адвокатов до 70 и 80 000 фунтов стерлингов на расходы по получению акта, как это было в случаях с лондонской и Бирмингемской линией, а также с Грейт-Вестерном; также не было богатых поместий и парков, которые необходимо было сохранить, владельцы которых должны были получить *præmium affectionis* в качестве компенсации за ущерб; ни городов, которые должны были быть защищены. приехал в поисках термини, где предстояло выкупить целые улицы домов и акры земли под застройку за счет средств, которые оказались бы разорительными для любого, кроме акционерного капитала железной дороги. Их инженеры также получили возможность избежать расходов, в то время как они извлекали выгоду из успеха экспериментов на каждой стадии, которые проводились в Англии, — экспериментов, которые были еще более дорогостоящими, когда они проваливались.

Стоимость проезда в бельгийских поездах, исходя из всех этих обстоятельств, может быть сведена к сумме, намного меньшей, чем самый дешевый тариф на железнодорожные перевозки в Англии; в их вагонах первого класса “Berlins” (которые были эквивалентны “почтовым вагонам” на наших линиях, но теперь отменены) стоимость проезда от Антверпена до Брюсселя составляла всего *два шиллинга одиннадцать пенсов*, в то время как на то же расстояние, в тридцать миль, стоимость проезда от Манчестера до Ливерпуля составляла *шесть шиллингов шесть пенсов*. В их нынешних самых дорогих вагонах, “дилижансах”, плата составляет *два шиллинга и шесть пенсов*, в то время как в английских - *пять и шесть пенсов*, а в их “чарс-а—банк”, или вагонах второго класса, - *один шиллинг и восемь пенсов*, в то время как у нас - *четыре шиллинга*. - У них также есть поезд более низкого класса, “фургоны”, для которых у нас нет эквивалента, которые перевозят пассажиров *за шиллинг*. Поскольку эти тарифы составляют примерно половину от старых тарифов на перевозки, вытесненных железными дорогами, увеличение числа контактов увеличилось в соотношении, которое почти превышает достоверность. Число пассажиров между Антверпеном и Брюсселем до 1836 года оценивалось примерно в 8000 человек в год, но с момента открытия дороги повсюду в том же году их количество составило в 1837 году 781 250 человек, и хотя их число уменьшилось по мере того, как исчезла привлекательность новизны, в 1838 году их количество все еще увеличивалось с пяти до шестисот процентов по сравнению со старым способом передвижения.

Скорость передвижения не превышает двадцати шести миль в час и в целом не превышает в среднем двадцати; и, по заявлению М. Нотомба, министра общественных работ, из числа

несчастных случаев, по-видимому, был ранен только один человек в 1835 году, один в 1836 году, пять в 1837 году, двенадцать в 1838 году и семь за шесть месяцев до июня 1839 года, когда были подведены итоги. Министр приписывает все эти катастрофы своеволию или неосторожности самих сторон, “ни на одно должностное лицо компании нельзя возложить никакой возможной вины”. Один человек был пьян, а другой глух, третий упорно ехал по балюстраде фургона, а четвертый стоял во весь рост, проезжая виадук, несколько человек погибли, ухаживая за своими шляпами; и только одно ужасное происшествие заслуживает порицания официальных лиц, когда поезд, возвращавшийся ночью, покинув короля Леопольда в Остенде, случайно врезался в Лис, недалеко от Гента, страж подъемного моста, который был открыт, чтобы пропустить лихтера, отправившегося выпить в соседнее кабаре, не потрудившись закрыть его. ! Паровоз действительно преодолел залив благодаря своей скорости, но был утащен обратно в реку весом поезда, а машинист и его помощник погибли на месте”.

Пока что мсье Бриавионн отмечает в своей работе *“О бельгийской промышленности”*, что поступления железных дорог ниже расчетов этих проектировщиков; но есть надежда, что со временем это будет исправлено за счет уменьшения расходов на управление и ремонт; и, возможно, за счет повышения тарифов, которые считаются ниже, чем это соответствует интересам предприятия. Шестьдесят восемь из каждых ста пассажиров пользуются самым дешевым транспортом - *“фургонами”*, вместо того чтобы значительная часть, как ожидалось, путешествовала в вагонах первого и второго классов. По его мнению, это предприятие было неразумно расширено до нынешней колоссальной системы, когда первоначальная идея осуществления быстрого сообщения с Германией через Бельгию, независимо от Голландии, достигла бы поставленной великой цели с меньшими затратами. Это было принесение солидных преимуществ в жертву показухе, за которым последовало финансовое разочарование; но в какой-то степени это было вызвано национальным желанием придать независимой Бельгии важный престиж в глазах Европы. *“Чемен-де-Фер тогда более популярен в Бельгии, - добавляет М. Б., - потому что люди могут видеть тесную связь между его строительством и событиями 1830 года; без революции у нас не было бы железной дороги, а без железной дороги нам было бы лучше без революции”*.^[9]

Лувен, Оксфорд или, скорее, *Мэйнут* в Бельгии - жалкий, полуразрушенный старый город с узкими улочками и атмосферой грязи и запустения. Четыреста лет назад это было богатое и важное место, столица древнего герцогства Брабант и резиденция его правителей до его присоединения к территории Бургундии. Юстус Липсиус, сам гражданин Лувена и родившийся в маленькой деревушке между ним и Брюсселем, сообщает, опираясь на некую старую традицию, что в 1360 году в стенах города проживало от 3000 до 4000 суконщиков, которые давали работу 150 000 ремесленникам (явное преувеличение в количестве, которое, однако, свидетельствует о славе его былого процветания), и история добавляет, что во время трапезы в большой колокол собора Святого Петра звонили, предупреждая родителей держать своих детей за дверями, чтобы они не были раздавлены и затоптаны толпой. которые шли из своих мастерских по домам! В настоящее время его производство прекратилось, за исключением производства пива, слава которого известна по всем Нидерландам, его население сократилось до 25 000 человек, и даже в пределах городских стен большие пространства, покрытые зданиями, теперь превращены в поля или возделываются как огороды для снабжения горожан.

В более поздние времена название Лувена было знакомо всему римско-католическому миру благодаря известности его университета, который существовал с 1426 года и долгое время был одной из самых выдающихся теологических семинарий на западе Европы. В прошлом столетии в нем насчитывалось не менее сорока трех колледжей, расположенных в разных кварталах города, и его посещало свыше 8000 студентов гуманитарных и богословских специальностей, которые в разное время получали от императоров чрезвычайные привилегии, освобождение от налогов, свободу от ареста, свободу передвижения по городу и доступ к самым ценным средствам к существованию. Епископы Pays Bas обычно избирались из числа стипендиатов Лувена; многие из его членов получили кардинальскую шапку, а один - сам понтификат под титулом Адриана VI. Карл V и его сестры получили образование в Лувене. Власть и влияние, которыми она пользовалась, однако, не были умерены должной осмотрительностью, и ее дома, взявшие на себя право политического вмешательства в противовес правительству, были подавлены и разогнаны императором Иосифом II. Под владычеством Франции университет так и не был восстановлен, поскольку его средства требовались для других целей, но в 1816 году король Голландии в качестве меры примирения со своими римско-католическими подданными восстановил его устав и вновь открыл свои школы.

Главное здание университета, "Галле", расположено за Ратушей на улице Намюр. Некоторые из второстепенных колледжей были снесены или переоборудованы в отели, склады, больницы и казармы. Другие до сих пор используются как лекционные залы и театры возрожденного университета. *Ирландский колледж Prédicateurs*, основанный в 1697 году кардиналом Говардом, больше не существует. После революции 1830 года Лувенский университет был вновь реконструирован, и его название было изменено на *Католический университет*, чтобы отличать его от Брюссельского, который известен как *Свободный университет*.

"La bière de Louvain" можно найти в каждом отеле и заведении Бельгии. Мы посетили одну из крупнейших пивоварен, принадлежащую господам Ренье, Хамбру и Ко. Бельгийская Barclay and Perkins. Он построен совсем недавно, и, поскольку это совершенно новое здание с фундамента, его устройство является самым удобным и компактным, какое только можно себе представить; он рассчитан на варку двухсот баррелей в день и сейчас работает полным ходом; его обычный запас составляет 14 000 баррелей. Оборудование было сконструировано сэром Джоном Ренни из Лондона, но с тех пор было увеличено. Я обнаружил здесь то же предпочтение, что и паровым двигателям высокого давления, которые кажутся столь универсальными в Бельгии, но был установлен двигатель низкого давления, к большому сожалению одного из владельцев, М. Бера, который провел нас по заведению. Аппарат демонстрировал все последние английские усовершенствования, но то, что, я думаю, в Англии считается опасным, - у них использовался большой медный охладитель. Их котлы были сконструированы так, что один цилиндр помещался в другой, чтобы избежать пригорания в процессе, - мера предосторожности, которая становится необходимой из-за количества пшеничной муки, используемой для приготовления их любимого и своеобразного "белого пива".

На самом деле солоду, находившемуся на полу, давали прорасти гораздо дольше, чем в Англии, пока из каждого зернышка не появились ростки длиной от полудюйма до дюйма. Таким образом, содержание сахара намеренно настолько истощается, что в пиве его вкус практически отсутствует. Их обычное пиво называется Peetermans (по названию старинного военного корпуса Лувена, существовавшего с тринадцатого века), а более изысканное - *bière blanche*, которое употребляют на расстоянии в больших количествах. Англичанин не позволил

бы ни тому, ни другому попасть ему в рот, они оба жидкие, как вода, и кислые, как вержус, и все же количество, потребляемое повсюду в Бельгии, поражает воображение. Ежегодное потребление, рассчитанное на основе акциза, уплачиваемого на пиво, который составляет свыше семи миллионов франков в год и взимается в пропорции полтора франка за каждый гектолитр, или двадцать шесть галлонов, составляет 5 400 000 гектолитров, или что-то выше четырех миллионов баррелей, *что составляет около тридцати пяти галлонов в год на каждого члена населения!* Только небольшое количество, не превышающее 40 000 галлонов, предназначено для экспорта за рубеж. Обычная цена составляет около двенадцати франков за гектолитр, из чего можно составить некоторое представление о “жидких напитках”, которыми наслаждаются бельгийские крестьяне.

Процесс приготовления этого светлого пива удивительно быстрый: в один день солод разминают в пюре, на следующий день варят и охлаждают, ферментируют в течение сорока восьми часов и пьют на четвертое утро. То, что предназначено для немедленного употребления, ферментируется в бочкес *торца*- практика, необычная для этой страны, но которую М. Бер считал выгодной. Звук, более глубокий, чем обычно, удерживал на поверхности пленку и жидкость, вытесняемую вверх в результате расширения процесса брожения, которые по мере замедления процесса снова возвращались на свое место, таким образом постоянно поддерживая восходящий и нисходящий ток, что облегчало процесс, помимо того, что он был более чистым и стоил меньше труда. В каждом районе Бельгии производят свой сорт пива, которому, как ни странно, не могут успешно подражать другие, поэтому брюссельским пивоварам не удалось произвести *уйцет* из Гента, а также *гент* - желтое *фаро*, которое является любимым напитком Брюсселя, в то время как оба они не смогли соперничать с “белым пивом” из Лувена.

Большим львом Лувена является его ратуша, которая, безусловно, является самым удивительно богатым образцом готической архитектуры в мире. Он буквально покрыт самой замысловатой резьбой от фундамента до крыши. Карл V говорил о том, чтобы поместить Антверпенский собор под стеклянный абажур, но на самом деле хочется чего-то подобного, чтобы пыль не обесцвечивала витиеватый узор Лувенского ратуши. Он расположен на небольшой старинной площади, на которой маршал Виллеруа держал военный совет при свете факелов в ночь битвы при Рамилисе в 1706 году. Само здание, построенное в пятнадцатом веке, небольшое, но его пропорции и орнаменты отличаются изысканной элегантностью. У него нет башни, но тяжесть его высокой крыши смягчается башенками по углам. Весь фасад покрыт барельефами, представляющими историю городов Равнины и их разрушение с большей точностью, чем это приемлемо для современного вкуса. Все это в течение многих лет подвергалось тщательной реставрации, которая в настоящее время завершена, каждый обветшалый кусок камня точно заменен точной копией оригинальной резьбы. Интерьер не соответствует красоте внешнего мира, и старый зал на третьем этаже приспособлен под галерею с убогой коллекцией картин, которые клеветнически приписываются старым мастерам. Однако в Лувене есть галерея М. Вандершрейка с высокой репутацией, в которой хранится ряд превосходных картин голландской школы, Рубенса, Тенирса, Вандайка, Рембрандта, короче говоря, образцы всех ее лучших мастеров. Она доступна для посторонних и с момента распространения картин М. Шампа в Генте является, пожалуй, лучшей коллекцией в Бельгии.

Церкви в Лувене, несмотря на продолжительное присутствие стольких светил истеблишмента, не отличаются ни богатством, ни красотой. В коллегиальной церкви Сен-Пьер, которая является главной, есть великолепно вырезанная кафедра работы Бергера огромной высоты — скала,

увенчанная деревьями, а у ее подножия изображен святой Петр, с одной стороны отрицающий Христа, а с другой - Савл, сбитый с коня по пути преследования христиан Дамаска. Маленькая часовня за алтарем посвящена святой Маргарите, покровительнице служанок, и связана с любопытной маленькой легендой, свидетельствующей о тех временах. *Маргритье* была прислугой пожилой пары, которая в 1225 году держала гостиницу для паломников в Лувене. Ее хозяин и его жена решили удалиться от мира и превратили все свое имущество в деньги, с которыми они собирались удалиться в монастырь Святого Бернара. Однако накануне приведения этого плана в исполнение несколько негодяев составили заговор с целью их убийства и, переодевшись паломниками, поздно вечером пришли искать убежища в привычной гостинице. Добрые старики, которым не терпелось совершить свой последний акт милосердия, послали Маргарет принести вина в деревянной бутылке, все еще хранившейся в церкви. Затем мнимые паломники задушили своих хозяев, и по возвращении Маргарет ее постигла та же участь. Однако ее тело, которое они вынесли и сбросили в Дайл, вместо того, чтобы утонуть в реке, поплыло обратно по течению, увенчанное ореолом, и журчание воды создавало сладкую музыку, увлекая ее за собой. Герцог и герцогиня Брабантские, пораженные этим чудом, приказали построить часовню для ее останков в задней части большой церкви Сен-Пьер, где ее тело было забальзамировано и помещено в позолоченную раку. Слава и верность интересной святой привлекали толпы приверженцев к ее могиле, и со временем дверь на улицу закрыли, а другую открыли из церкви, где часовня и алтарь Маргритье до сих пор являются излюбленным местом прибежища служанок Брабанта.

Церковь Сен-Мишель, которая когда-то принадлежала ордену иезуитов, была одной из самых роскошных в городе: с нее, однако, сняли все украшения, а ее великолепную резную кафедру Мария Терезия перенесла в церковь Святой Гудулы в Брюсселе. Во времена правления французской республики собор Святого Мишеля был преобразован в Храм Разума для этого района, а статую Спасителя убрали с алтаря, чтобы освободить место для Богини Свободы. Могила Юстуса Липсиуса в старом разрушенном монастыре Реколлет с нравоучительной надписью, сделанной им самим, является любопытной иллюстрацией “гордыни, которая подражает смирению”.

“Quis his sepultus, quæris, ipse edisseram

Nuper locutus et stylo et linguâ fui

Nunc alteri licebit. *Ego sum Lipsius*

Cui litteræ dant nomen et tuus favor;

Sed nomen, ipse abivi, abibit hoc quoque;

Et nihil his orbis quod perennet possidet.

Vis altiori voce me tecum loqui?

Humana cuncta fumus, umbra, vanitas

Et scenæ imago, et, verbo ut absolvam, Nihil

Extremum hoc te alloquor

Æternum ut gaudeam tu apprecare.”

Липсиус, как ученый, был соперником Скалигера; он был последовательно католиком, лютеранином и реформированным протестантом и, опубликовав призыв к преследованиям, умер в 1606 году в лоне Рима с “тебе и секе!” на устах. Странно, что тот же самый дух, который мог предписать своим собратьям огонь и хворост, расточал всю свою нежность на цветы и любимых собак, которых Липсиус обессмертил в своих одах и эпитафиях! Рубенс включил портрет Липсиуса в свою картину “философы” вместе с портретом Гуго Гроция, самого Рубенса и его брата, с его верной Сапфирой, заискивающе стоящей у него на коленях, а позади него *тюльпан*, символ его любви к цветам, помещен рядом с бюстом Цицерона; его комментарии к нему, написанные в возрасте девятнадцати лет, привлекли внимание Липсиуса и оказали покровительство кардиналу Гранвелю.

Именно в Лувене бельгийские войска под командованием своего нового короля в 1832 году совершили нелепое бегство перед принцем Оранским, что полностью подтвердило для них прозвище “бельгийских храбрецов”, которое они приобрели много лет назад своим трусливым малодушием при Катр-Бра и Ватерлоо. За несколько дней до событий в Лувене они устроили такое же жалкое представление в Хассельте, откуда в ужасе бежали при приближении голландцев, и все же два года назад голландцы были совершенно неспособны противостоять бельгийцам ни в Брюсселе, ни в Генте, ни в Антверпене! Храбрость бельгийцев действительно стала традицией прошлого. Цезарь отдает им должное как самым доблестным солдатам, с которыми он сталкивался в Галлии, “*horum omnium fortissimi sunt Belgæ*”, а Флор приписывает им честь переломить ход событий в Фарсалии. От этих титулов они, однако, давно отказались; последний огонь их доблести, по-видимому, догорел при Артевельдах и Джоне Хиоэнсе, в войнах “Фуллеров и Уиверов”; ибо в смутах испанских гонений военная слава патриотов принадлежит почти исключительно солдатам “отца Вильгельма”, как до сих пор ласково называют принца Оранского. Поначалу фламандцы были достаточно встревожены, чтобы взяться за оружие, когда герцог Альва выжимал из них свои несправедливые налоги, но как только они были отменены, они были вполне довольны тем, что оставили голландцам всю славу своего освобождения. Годы покоя и мира под властью Австрии, а также пристрастие к сельскому хозяйству и торговле, по-видимому, стерли даже воспоминание об их былой доблести; они были совершенно неспособны, даже если бы были склонны сопротивляться наступлению французов в 1794 году; и вся череда подвигов бельгийских солдат от Катр-Бра до Хассельта и Лувена, за единственным исключением брюссельского сражения 1830 года, является всего лишь чередой смехотворных шалостей, едва они оказались на расстоянии выстрела.

По внешнему виду солдаты, которых мы видели в Генте, Брюсселе и других местах, - неуклюжие и миниатюрные человечки, таких едва ли можно увидеть одетыми в форму, над которой портные, очевидно, работали по догадке, не вызывая улыбки, даже без неразрывной ассоциации с *храбрецами Бельгии*, которая всплывает в памяти каждый раз, когда они проходят мимо. Офицеры, которые всегда слоняются без дела по железнодорожным станциям, почти такие же, и своими дикими усами, буйными черными локонами и грудями, выпяченными так, что они становятся похожи на надутых голубей, они сильно напоминают нам военного учителя верховой езды в “Эстли”.

Небеса! как непохожи на своих древних бельгийских предков,

Грубый, бедный, довольный, неуправляемо смелый,

Война в каждом глазу и свобода в каждом челе,

Как сильно они не похожи на нынешних сынов Бельгии!

Приехав по железной дороге в Лувен, мы наняли коляску, чтобы вернуться через всю страну в Брюссель через Тервюрен. Дорога очень красивая, она проходит по склону пологих, поросших лесом холмов, у подножия одного из которых расположен Лувен. Тервюрен - симпатичная деревушка, построенная в долине между двумя холмами, на вершине одного из которых находится живописная старинная церковь. Раньше здесь располагались некоторые мануфактуры, а в 1759 году принц Карл Лотарингский открыл в нем цех по производству ситца и приложил все усилия, чтобы привезти художников из Швейцарии и Эльзаса, но с тех пор он полностью заброшен. Парк, на границе с которым построена деревня, на протяжении веков был вице-королевской резиденцией австрийских губернаторов Нидерландов. Он красиво поросший лесом, а неровности местности создают несколько изысканных пейзажей. Нынешний дворец был возведен нацией и подарен вместе с ним в Брюсселе принцу Оранскому в знак признания его заслуг при Ватерлоо. Как и его, его ждала судьба окончательного договора о разделе, и его великолепная мебель, которая оставалась нетронутой с 1830 года, сейчас находится в процессе вывоза в Гаагу. Здание лишено внешней красоты, это тяжелое массивное сооружение без каких-либо украшений, а его величественное очарование, росписи и убранство - результат поистине королевского вкуса его владельца. Мы ехали домой через лес Суане, и через деревню Иксель в Брюссель.

Сегодня утром мы выехали из Брюсселя в Намюр через лес Суане и поле Ватерлоо. Лес густой, с молодыми прямыми деревьями; и в нем нет ничего, кроме живописности. Древесина в основном буковая с примесью дуба и вяза, и деревья посажены очень густо, с целью, как нам сказали, сделать древесину рыхлой и влажной, защищая ее от морозостойкого воздействия воздуха, чтобы при срубке и разрезании на куски она легче раскалывалась, что бук делает почти самопроизвольно. Лесники живут в хижинах, разбросанных по всему лесу; а вдоль края дороги были сложены длинные кучи колотого дерева, готовые к перевозке в Брюссель. По дороге мы миновали несколько повозок, груженных углем из Шарлеруа, и, выйдя из леса, достигли деревни Ватерлоо, расположенной почти на ее окраине. Мы посетили церковь с ее многочисленными памятниками "неустрасшимым храбрецам", и какой-то церковный чиновник попросил нас внести взнос в фонд *для поддержания их в порядке*. В Мон-Сен-Жан мы с комфортом позавтракали в маленькой гостинице, и, поскольку нас обслуживал сержант Коттон из 7-го гусарского полка, проводник, который, кажется, наиболее успешно заменил Да Кошту, мы прогулялись с ним по различным позициям на поле боя. У кого-то действительно нет терпения смотреть на огромную гору песка, на которой воздвигнут Железный Лев как трофей доблести "Храбрых бельгийцев"! Кто-то заметил, что претенциозность памятников при Ватерлоо находится в точном обратном соотношении к важности служб, которые они увековечивают: у англичан их нет, у пруссаков скромный послужной список, а у бельгийцев пирамида! на котором, как красноречиво указано в путеводителе по Брюсселю, "Бельгийский лев гордо держит в лапах стрелы войны, повернув голову в сторону побежденной Франции, как будто

угрожает ей местью и учит ее уважению, подобающему доблести!” Но не гасконада этого амбициозного трофея раздражает так сильно, как тот факт, что для того, чтобы разгрести землю, из которой он сложен, была нарушена вся поверхность поля и уничтожена его самобытность; и это в самом интересном месте, где британские гвардейцы заняли свою непоколебимую и бессмертную позицию “от рассвета до захода солнца” против всего рыцарства Франции. Озорной суета, которая таким образом разрушила то, что оно претендует на то, чтобы почтить память, как-то очень *ирландский*, и не совсем без параллельного. Несколько лет назад остатки очень древнего замка вождей клана О'Нил, стоявшего на вершине холма Каслри в поместье покойного маркиза Даунширского, быстро разрушались из-за повреждений, которые он получил от пасущегося вокруг него скота, и его светлость распорядился возвести вокруг него стену, чтобы спасти его от полного разрушения. Однако рабочие, которых послали для этой цели, посчитав жалким утруждать себя перетаскиванием камней на вершину такой горы, где их было в изобилии, очень наивно снесли то, что осталось от замка, и возвели стену вокруг него из его собственных материалов!

Кстати, хотя вся справедливость была отдана храбрости англичан при Ватерлоо и все заслуги, на которые они имели право, *по крайней мере*, были приписаны шотландским полкам, — это факт, который во всех бюллетенях и газетах свидетельствует о доблести ирландцев, что полком, на счету которого было наибольшее число *убитых* на поле боя, был 27-й пехотный Эннискилленский, потерявший сто три человека, не считая трехсот шестидесяти раненых.

Замок Гугемон претерпевает аналогичные изменения, весь лес, окружавший его, вырублен, возводятся новые здания, а старые быстро превращаются в пыль — ворота, однако, все еще висят на петлях с остатками старых листьев, которые были свидетелями великого дня, пробитые десятью тысячами пуль — маленькая часовня стоит почти без крыши в полуразрушенном дворе — и гид, “затаив дыхание”, указывает на стены сарая, который был подожжен артиллерией и поглотил раненых и умирающих, которых перенесли в него в качестве укрытия. Пересекая двор фермы, небольшая задняя дверь ведет к

Рощица там, где когда-то улыбался сад

И все еще там, где многие садовые цветы растут в диком виде.

Полуразрушенные ниши и заросшие травой дорожки показывают, каким он был когда-то, а рядом с ним находится фруктовый сад, от обладания которым в тот памятный день зависело освобождение или порабощение Европы. Тогда он был завален останками бойни и усеян “одеждой, залитой кровью” — теперь он завален гнившими плодами, и единственная могила над английским офицером, который был похоронен там, где упал, является единственным напоминанием о том страшном утре. На поле вокруг него три тысячи французов были убиты хорошо направленным огнем изнутри; мы прошли по нему, как по недавно вспаханному, и в течение нескольких минут подобрали пригоршню пуль, несколько осколков гильз и картечин, а также мушкетный кремль, все еще заключенный в свинцовую оболочку, — какой железный ливень, должно быть, обрушился на него, раз после стольких лет плуг все еще вспахивает его залежи!

У герцога Веллингтона есть поместье между Нивелем и Катр-Бра. Почему король Голландии не предоставил ему само поле? Прежде всего, почему здесь так много памятников всем младшим офицерам и ни одного великому Капитану? Несомненно, было бы более справедливо, а

также мудрее воздвигнуть эту огромную пирамиду, чтобы отметить место, где стоял завоеватель, чем вызывать воспоминание о том, что те, кто этим привлекает наше внимание, *четыре раза обращались в бегство*. Говорят даже, что отряд “храбрых бельгийцев”, несмотря на весь ужас, в котором они бежали обратно в Брюссель, в панике из—за того, что день был потерян, догнал обоз герцога Веллингтона недалеко от леса Суанье и хладнокровно воспользовался временем, чтобы разграбить его - вместо того, чтобы позволить ему попасть в руки врага.

Лорд Байрон упоминает о своем впечатлении, что Ватерлоо, как равнина, кажется, выделена для сцены какого-то великого действия. Это, конечно, ассоциация в воображении поэта; но любопытно совпадение, что в 1707 году герцог Мальборо выбрал это место как желанное для встречи с французами и действительно на много дней разбил лагерь на опушке леса в надежде соблазнить Вандома дать ему там сражение.

В маленьком кабаре "Ла Бель Альянс", куда мы отправили нашу карету из Мон-Сен-Жан, чтобы дожидаться нашего прибытия из Гугемона, нам подали превосходное легкое вино: несколько лет назад в Маренго я выпил такой же освежающий глоток после знойной прогулки по полю битвы. На этом маленьком пятачке строятся дома; и, короче говоря, во всех направлениях валяются деревья, выравнивается земля, рушатся стены и строятся коттеджи; так что через несколько лет индивидуальные черты этого места будут изменены; но то, чего даже время не может стереть — его бессмертная слава — все еще, как и Марафон, будет существовать

Одинаково сохраняйте его границы и безграничную славу.

Мы поехали обычным маршрутом через Джематте и Катр-Бра, через страну Валунов. Урожай льна был обильно разбросан по полям, подвергаясь процессу “сбора росы”, или срывания росы, при котором операция отделения кутикулы от древесины и сердцевины выполняется простым обнажением его на траве без замачивания. В Катр-Бра был вырублен лес, из которого британцы под командованием герцога Веллингтона дали отпор маршалу Нею в сражении 16 июня, в котором пал доблестный герцог Брауншвейгский. Холм теперь представляет собой голую возвышенность, которая виднеется справа от дороги на Сомбреффе.

Местность по мере приближения к берегам Мааса и Самбры становится с каждым шагом все живописнее, и унылые однообразные равнины Брабанта сменяются лесистыми холмами и обрывистыми долинами Намюра. Я никогда не видел более очаровательной перспективы и ничего, что так освежало бы глаз, уставший от утомительного однообразия фламандских пейзажей, чем первый вид, открывающийся на старый город и крепость Намюр с высот над Самбре, если ехать из Темплу — широкая и извилистая долина с быстрой рекой, с трудом пробивающейся внизу между высокими утесами из неровных скал, с одной стороны, и крутыми берегами, покрытыми листвой, иногда увенчанными старинными замками, с другой; а вдалеке видны мосты, башни и другие достопримечательности. шпили воинственного старого города с его знаменитой и когда-то считавшейся неприступной крепостью, возвышающейся терраса за террасой и ошетинившейся артиллерией над ней.

Мы спустились с крутого холма к реке под лучами яркого заката, пересекли полый подъемный мост и извилистые переходы, ведущие от внешних укреплений к центру города, и расположились на ночь в отеле "де Харскамп", на маленькой площади, которую, казалось, неохотно убрали от и без того тесных и суженных улиц. Было еще достаточно светло для прогулки вокруг укреплений, но вскоре мы обнаружили, что требуется проницательность

какого—нибудь будущего сэра Уильяма Гелла или Клавдиуса Рича, чтобы определить точное место, которое мы искали, а именно то, где мой дядя Тоби получил свое достопамятное ранение во время атаки голландцев и англичан, “на острие передового контрскарпа перед воротами Святого Николая, который окружал большой шлюз или водосток”, и которое, как он сам заявляет, было “на одном из переходов примерно в тридцати туазах от города”. от обратного угла траншеи, противоположного выступающему углу полубастиона Сен-Рош”.

Цитадель, возвышающаяся прямо над городом, построена на выступах огромного скалистого выступа, который поднимается почти перпендикулярно от берегов реки и выглядит как Гибралтар на Маасе. Он был тщательно отреставрирован, а его работы в некоторых местах расширены королем Голландии за несколько лет до революции, но когда произошло это событие, Намюр был одним из первых мест, поднявших знамя восстания. На самом деле, кажется, что в поведении гарнизонов, занявших все крепости Бельгии, было что-то среднее между изменой и трусостью, и которые, за единственным исключением, я думаю, Антверпена, сдали их “патриотам”, не зажигая спички.

В общественных зданиях Намюра нечего выставить, за исключением двух скромных церквей: в одной из них, Кафедральном соборе, хранится несколько картин, а также могилы доблестного дона Джона Австрийского, побочного сына Карла V, Барбары Бломберг из Ратисбона, которая считалась его матерью, чтобы, как говорят, скрыть более знатное происхождение. Дон Джон, который, будучи гранд-адмиралом в Лепанто, совмещал в своем лице функции военно-морского и военного командующего, добавил к обоим гений дипломата и был назначен правительством Нидерландов после умиротворения Гента. Он лично получил во владение цитадель Намюр, отправившись туда под предлогом посещения королевы Наварры Маргариты Валуа, которая наслаждалась весельем Спа, и получив разрешение прогуляться по Гласису и, наконец, осмотреть внутренние районы от юного сына губернатора. в отсутствие своего отца он воспользовался возможностью укрепить свою непосредственную охрану в качестве гарнизона от имени своего брата из Испании, который в следующем году вознаградил его за храбрость, отравив его, чтобы избежать брака, который он заключил. задержан между героем Лепанто и английской королевой Елизаветой. Он умер в лагере Бонги, недалеко от Намюра, в 1578 году, когда ему было всего тридцать три года.

Другая церковь, церковь Сен-Лу, покрыта изобилием всевозможных украшений, картин, резных исповедалей и позолоченных алтарей, ее пол выложен разноцветным мрамором, колонны, поддерживающие своды крыши, из полированного порфира или красного гранита, с квадратными постаментами, расположенными между каждым тамбуром в шахте, а потолок из цельного белого камня тщательно отделан из конца в конец множеством витиеватых украшений, так точно выпуклых и подрезанных, что все выглядит как китайская скульптура. скульптура из слоновой кости. Традиция гласит, что резьба по всей крыше была работой одного отдельного монаха-иезуита, которым была возведена церковь.

В самом городе больше нечего показать, кроме его высоких, уныло выглядящих старых домов, теснящихся в узких переулках и проходах, унылость которых нарушают только эффектные витрины магазинов, сверкающих столовыми приборами и полированной медью - основным товаром, которым торгуют в Намюре. Он разделяет эту мануфактуру с Жамблу, маленьким городком в нескольких милях к северу, который так же известен более грубыми изделиями “шеффилдской посуды”, как Намюр - более изысканными. Процветание торговли, однако, шло

на убыль с 1814 года, когда Бельгия потеряла не только французский рынок, но и защиту французских дуанье для защиты своих собственных от вторжения англичан; ее упадок завершился потерей, вдобавок, снабжения голландских колоний из-за событий “славных дней” сентября 1830 года, и всего числа рабочих, занятых сейчас в Намюре, не превышает тысячи. Дешевизна, конечно, является их главной целью, и мы быстро обнаружили, что некоторые перочинные ножи, которые мы купили на удивление дешево, как и столовые приборы Питера Пиндара, “сделаны для продажи”.

Намюрский атенеум приобрел известность благодаря кафедре геологии, которая была учреждена королем Голландии и для изучения которой скалистые ущелья и долины в окрестностях предоставляют широкие возможности.

Отель де Харскамп превосходен, и после очень приятной ночи, нарушаемой только оглушительными стонами самого неподходящего ревели, колокола церкви неподалеку звонили каждый вечер *водиннадцать* и каждое утро в *четыре* часа; на следующее утро еще до завтрака мы отправились в Хай и Льеж вдоль спуска по Маасу. Нас сопровождал тот же восхитительный пейзаж, который мы увидели накануне вечером, спускаясь в Намюр. По обе стороны вздымались высокие утесы из известняка и базальта, в каждой расщелине которых пробивались выносливые корни маленькой рябины, теперь покрытые ее рубиновыми ягодами, а с каждой скалы пышные лианы свисали со своей “буйной листвы”, которую ранний мороз уже начал окрашивать в малиновый цвет. Каждое место, где могла быть почва для корней дерева, было покрыто колышущейся листвой, а в богатых нишах утесов от берега реки поднимались небольшие бархатистые луга, на которых приютились одни из самых красивых и романтических вилл и замков. Иногда вдалеке, на вершине крутого ущелья, возвышались здания заброшенного монастыря или руины какого-нибудь феодального замка; и сама известняковая скала, придавшая погодным условиям фантастические формы, нередко представляла собой все черты крепости, возвышающейся над рекой под ней. Дорога шла по широкой, плодородной равнине, пересеченной рекой, с фруктовыми деревьями, посаженными вдоль живой изгороди, и желтыми посевами кукурузы, которые еще не были убраны. Лодки уже были на реке, и бесчисленные машины и фургоны с трудом двигались по дороге, нагруженные продуктами для Намюра — это была именно та сцена и то время года, которые описаны в сонете Вордсворта:

То утро, когда сейчас вдоль серебряного Мааса,

Расправляя свои мирные знамена, зовет парней

Ухаживать за их безмолвными лодками и звенящими телегами,

Или оборвите ветку, на которой лучше всего растут спелые плоды

Внизу зреет кукуруза.

Но красота Мааса - это наименьшая рекомендация для привязанности бельгийцев; и, подобно долине Авока и берегам некоторых других не менее прекрасных рек, которые “*священны* только в песнях”, его живописные достопримечательности повсюду самым грубым образом разрушаются весьма прозаичными спекулянтами по соседству в поисках скрытых в них минеральных сокровищ. Камни из черного мрамора скатываются к краю дороги и оставляются

готовыми для транспортировки к реке; со скал обваливается известняк, а между Намюром и Шлайеном строятся многочисленные фабрики по производству квасцов. Эти и другие богатства Мааса, его угольные пласты и залежи железа делают это пересеченное ущелье самым важным и ценным владением короны.

В Анденне мы проехали мимо первой из тех обширных мануфактур, основание которых сделало имя одного англичанина более известным в Бельгии, чем имена всех ее местных спекулянтов, вместе взятых, — мистера Уильям Кокерилл. В каждом округе королевства есть что-нибудь, напоминающее о его предприимчивости, и едва ли найдется отрасль национальной промышленности, которая, если и не обязана своим появлением его предложению, то своим усовершенствованием не обязана его гению. Он приехал в Вербье в 1798 году, скромный механик, в поисках работы, возвращаясь с многочисленной семьей из Стокгольма, где он должен был соорудить какое-то устройство для прядения шерсти. Он заключил контракт с тамошним домом на строительство для них оборудования для той же цели, аналогичного тому, что используется в Англии, и благодаря исключительным талантам, неутомимому трудолюбию и энергии, почти не имеющей себе равных, он быстро достиг богатства и значимости; по его предложению были разведаны рудники, построены металлургические заводы, построены хлопчатобумажные фабрики, возведено шерстяное оборудование, короче говоря, каждый отдел бельгийского искусства получил новый импульс под его всеобъемлющим руководством, чему способствовала щедрость Наполеона, а впоследствии и столь же горячее сотрудничество с ним. о короле Голландии Вильгельме, который, казалось, предоставил национальные средства на развитие промышленности почти в свое распоряжение. Находясь под мощным влиянием Франции и даже впоследствии имея доступ к обширным рынкам и колониям Голландии, масштабы его спекуляций не были несоразмерны потребностям и коммерческим связям королевства. Но сравнение бочки с китом не является настоящим преувеличением, чтобы показать несовместимость его левиафановых учреждений с ничтожными ресурсами нового и независимого королевства, внутри которого они были внезапно замурованы революцией 1830 года. Огромное количество зеленых очков, которые Мозес привез домой с ярмарки, не было более несоразмерно потребностям семьи викария из Уэйкфилда.

Предприятие в Анденнах изначально было построено по распоряжению правительства и короля Голландии для печатания ситца в этом стиле и с целью превзойти английский — у них был позаимствован каждый технологический процесс, оборудование, рабочие, рисунки - все было привезено из Англии, и какое-то время концерн, казалось, процветал. Но события 1830 года вскоре положили этому конец; было бесполезно печатать ситец, пока не было никого постороннего, чтобы купить, и некому было носить его дома, и в течение нескольких лет работы были проданы по распоряжению правительства, чтобы погасить их авансы, и куплены их первоначальным промоутером, который превратил их в бумажную фабрику.

Эта отрасль сейчас одна из самых процветающих в Бельгии. Раньше она импортировала бумагу из Франции по цене от двадцати до двадцати пяти процентов. дороже, чем она теперь может производить сама, благодаря изобретательности и предприимчивости мистера Кокерилла, который придал производству новый характер, внедрив машины для производства всего содержимого чана на одном непрерывном листе. С тех пор производство развивалось с удивительной быстротой. В 1836 году в Бельгии использовалось семь машин той же

конструкции; в 1839 году *их было* девятнадцать, *но из них* шесть теперь были присоединены к ,, Голландии благодаря ее приобретениям в Люксембурге и Лимбурге. Стоимость их продукции превышает девять миллионов франков в год, и их успех придал импульс книжному производству в Брюсселе, что также сделало его одной из наиболее важных и многообещающих отраслей национальной промышленности.

В нескольких милях от Анденна, миновав романтические старые руины замка герцогов Бофор близ Бьена, мы остановились позавтракать у подножия романтической крепости Юи, которая долгое время считалась входом в Маас, пока ее неэффективность не была продемонстрирована Мальборо и маршалом Виллеруа в “Войнах короля Вильгельма”, которые за столько же лет брали и отвоевывали ее четыре раза почти без боя.

ГЛАВА IV.

ХАЙ, СЕРЕН, ЛЬЕЖ И ВЕРВЬЕ.

Хаю—крепости—храмы—*минеральные и угольных районов Бельгия*—процветания угольных шахт—количество произведенных в Бельгии, по сравнению с другими странами—цена в Гент, Брюссель, а Антверпен—паника в 1836 году для исчерпания угля в Бельгии—декорации Мез—замечательных людей, рожденных в его окрестностях—замков Aigremont и Chokier—*Серен*—огромные масштабы работы—ее производят в ее собственных стенах—история создания—Дворец князей-епископов Льежа,—обнадежил короля Голландии—дома—огромный паровой двигатель—удивительно объем операций на утюг строительство—залы для строительных машин—огромное количество рабочих, занятых—Ее экспорт—*мистер Джон Кокру*—степень его рассуждения—развитие Серен объясняется их—ее перспективы на будущее—политики Англии в отношении экспорта машиностроения—*импорта машин и оборудования в Бельгия*—дороге в Льеж—Льеж—никакого сочувствия с ее истории—бурные и *unamiable* персонажа своего древнего народа—князь епископ объявляет войну Франции—доля Liegeois в революции 1830—ей угрожает нападение на Киев—город—*производство пожарно - оружие и пушки*—это льнозавод—Его Церкви плохой—Дворец Правосудия—университет—*декорации Vesdre*—железная дорога—*горячим-Фонтен*—спа—пустынно—Вервье—город—поведение во время революции—*шерстяного производства Бельгии*—хочешь родной шерсти—объем и спад в торговле—причины ее возникновения—постановка M. Briavionne—*акционерные общества*, в Бельгии—два в Вервье—мания за спекуляцию—его отказов—Прусской границе—Лимбург—перспективы Бельгии—ее плохом состоянии—политики короля Голландии,—что нынешнее правительство—настоящему аспект торговли—невозможность конкурировать с Англией—символ бельгийской механика—*пагубные последствия “отменить Союза”*.

Хай красиво расположен под углом, где горный поток течет мимо него к Маасу. Его крепость стоит на отвесной скале огромной высоты и ширины, у основания которой город построен почти на речном песке; и под ее прикрытием собраны церкви, монастыри и жилые дома древнего города. Укрепления сейчас в отличном состоянии, они были восстановлены после войны английскими инженерами под руководством полковника Бланшара за счет короля Голландии; но сам город быстро приходит в упадок. Его близость к Серену, резиденции некогда

могущественных князей-епископов Льежа, сделала Хай местом, представляющим очевидный интерес как церковная граница, так и военная; и воинствующая церковь внизу, соперничающая с оплотами земной власти наверху, имела в пределах небольшого круга своей стены не менее собора, четырнадцати церквей и еще большего количества монастырей, аббатств и обителей, все из которых, за исключением собора и ведущих к нему ворот с богатой резьбой, сейчас находятся в руинах.

Здесь, впервые в Бельгии, мы увидели виноградники и их “пурпурные запасы”; но вино отвратительное и используется только для самых низменных целей. Расположение Хая на реке и его замечательные транспортные возможности сделали его процветающим перевалочным пунктом для зерна и сельскохозяйственной продукции, по которой осуществляется оживленное движение по реке, а также для продукции его многочисленных карьеров. Недалеко от Хая начинаются угольные месторождения, которые простираются до окрестностей Льежа, разработка которых была предпринята еще в 12 веке. Бельгия, возможно, самая богатая углем страна западной Европы, за единственным исключением Великобритании; районы, в которых он имеется в большом количестве, составляют в Англии одну двадцатую всей ее поверхности; в Бельгии - тридцатую; а во Франции - только двухсотую часть. Но ее успехи в их выращивании неодинаковы: Англия произвела в 1838 году *двадцать три миллиона* тонн, Франция - *два с половиной миллиона*, а Бельгия - *только четыре*.

Основные горнодобывающие районы находятся в Эно, где районы Шарлеруа и Монс не только наиболее продуктивны, но и демонстрируют лучшие образцы по качеству; районы Льежа, которые следуют за ними; и районы Юи и Намюра. Несколько ценных угольных шахт в Лимбурге были переданы Голландии по мирному договору 1839 года, что стало еще одной причиной недовольства бельгийцев. На процветание горнодобывающей промышленности повлияли все перемены в судьбе страны; но ее общее продвижение, хотя и сопряженное с большими превратностями, в конечном итоге было успешным и улучшалось. Несколько лет назад в Бельгии был такой буйный интерес к акционерным спекуляциям и мания строительства машин, что возникла паника из-за того, что запасы угля и железа преждевременно истощились, настолько быстрым было потребление того и другого, вызванное силой спекуляции. Вследствие этого цена выросла с 50 до 100 процентов, и британское правительство подало ходатайство, к которому присоединилось, разрешить свободный вывоз угля из Ньюкасла во Фландрию; но в следующем году тревога по вполне естественным причинам утихла, и цена вернулась к своему прежнему уровню.

Количество, произведенное в Бельгии за последние несколько лет, не превышало в среднем трех миллионов тонн, а обычная цена на входе в шахту составляла около 10 франков. Однако стоимость перевозки, а также разнообразие способов и расстояний транспортировки делают ее цены в различных местах потребления крайне неодинаковыми. По словам М. Бриавионн,^[10] следующим был масштаб в 1837 году:—

В БРЮССЕЛЕ:

Для крупных углей (включая права на добычу) - 42 франка за тонну в 1000 килограммов^[11].

Для изготовления (*гайлетов*) - 32 франка.

В ГЕНТЕ:

Для домашнего использования	29f. 17с.
Для производителей	22f. 6с.
Для провисания	18f. 16с.

В АНТВЕРПЕНЕ:

Для крупных углей	36f. 55с.
Для производства	26f. 30с.
Для гашения	22f. 30с.

Цена на уголь в Англии в тот же период составляла от *двадцати двух* до *двадцати трех* шиллингов за то, что в Брюсселе стоило *тридцать пять*, и от шестнадцати до двадцати за остальные, за которые бельгийцы платили от *двадцати пяти* до *двадцати семи* шиллингов. Стоимость у устья карьера, в то же время, в Ньюкасле была лишь немного выше, чем в Эно или Льеже, [12] настолько относительно несовершенны средства сообщения в Бельгии по сравнению с таковыми в Великобритании; и, кроме того, угольные пласты в последней стране гораздо доступнее и толще, чем в другой, где верхние пласты уже довольно сильно истощены за более чем шестьсот лет непрерывной разработки.

Мы выехали из Хая по мосту, который здесь ведет дорогу с правого на левый берег реки, и продолжили спуск к Льежу.

Вид, открывающийся при взгляде на этот суровый старый город, поражает воображение — его цитадель почти по своей природе является крепостью, не зависящей от инженерных сооружений; а у его подножия находится старинный собор, основанный Петром Отшельником. Берега Мааса и Везра прославились великими именами; Годфруа Бульонский, предводитель первого крестового похода, родился в Пуази, на границах Намюра; Тилли, один из величайших военных авантюристов Тридцати лет, происходил из деревни, расположенной еще ближе к Маасу; Херсталь, место рождения Пепина, “мэра дворца” и основателя королей второй расы во Франции, находится в миле ниже Льежа; и в Эрве, между ним и Вervье. Лебрен, министр Франции, погибший на эшафоте в 1794 году, работал редактором провинциальной газеты.

Пейзаж по обе стороны реки становится богаче, но теряет свое величие по мере приближения к Льежу. Ущелье, по которому она катится, между Юи и Намюром, расширяется в плодородную долину по направлению к Серену, все еще окруженную, однако, отвесными скалами, на которых возвышаются замки, шато и монастыри, расположенные в местах, которые кажутся, по крайней мере снизу, почти недоступными. Два, в частности, наиболее поразительно живописны — замки Эгрмон, между Фло и Энгисом, и еще один над деревней Шокье, в настоящее время занимаемый русским дворянином, посетителям которого, несомненно, понадобятся воздушный шар и парашют, “чтобы опуститься на него”.

Обогнув выступающий угол скалы на повороте течения реки, мы увидели огромные здания и бесчисленные дымовые трубы большого металлургического завода в Серене. Эти огромные произведения искусства, безусловно, являются одним из чудес Бельгии, и Европе по своим масштабам не с чем с ними сравниться. Невозможно смотреть на этот огромный храм гения

Фултона и Уатта без эмоций изумления при виде молниеносной скорости, с которой их открытия произвели революцию во всем аспекте европейской промышленности и породили потребности и способы, которые полвека назад были неосознанными и неизвестными, но давление которых в наши дни вынудило к существованию такое гигантское учреждение, как Серен. По сравнению с крупнейшими мануфактурами Англии Серен подобен мамонту по сравнению с муравейником. Количество действительной творческой силы, которую он порождает и изливает из года в год, возможно, равно количеству целого поколения ремесленников в лучшие дни фламандского процветания; и река обычного течения, протекающая через мануфактурную страну, едва ли придает больший импульс производству предметов первой необходимости или жизненных удобств, чем паровые машины, которые Серен способен запустить в течение одного года.

Контур его собственных стен охватывает все необходимое для завершения работы самого тяжелого двигателя; —внутри них разрабатываются две угольные шахты — железная руда добывается, промывается и плавится на месте; каналы и железные дороги, все в пределах его газопровода, транспортируют эти громоздкие материалы от процесса к процессу, от печи к кузнице, пока сырой минерал, который извлекается из земли вместе с рудой, не выносится из склада в виде практически интеллектуальных машин.

Серайнгу потребовалось много лет, чтобы достичь своего нынешнего исключительного развития. Оно было начато в 1817 году сыновьями гениального человека, о котором я уже упоминал, как о том, что он обедневшим механиком приехал в Вербье и в конце концов порывом своего единомыслия способствовал ускорению темпов совершенствования производства в Бельгии по крайней мере на полвека. Здания, в которых, или, скорее, вокруг которых сейчас сосредоточены его разнообразные творения, раньше были великолепным дворцом князей-епископов Льежа, после упразднения которого он перешел в собственность короны. Братья Чарльз Джеймс и Джон Кокерилл, чей отец уже основал обширные машиностроительные заводы в Льеже и передал их своим детям, задумали перенести свою промышленность в Серен, пораженный его превосходными преимуществами, наличием угля и железа, а также возможностями водного сообщения во всех направлениях посредством реки, протекавшей под его стенами. Чтобы занять все его пространство, одно крыло было приспособлено для прядения льняной пряжи и использовалось таким образом до 1822 года, когда для расширения их бизнеса в других отраслях потребовались помещения, которые оно занимало. В 1819 году они начали добывать собственный уголь, а в 1824 году им позволили обрабатывать железо, добываемое в их собственных шахтах и печах. Чрезвычайное поощрение всех видов производства, требующих машин, при режиме Голландии было источником постоянного процветания; и даже нездоровое изобилие спекуляции, существовавшее в Бельгии со времен революции, каким бы катастрофическим оно ни было для других, давало постоянную работу рабочим Серена и способствовало ее расширению до нынешних беспрецедентных масштабов.

В маленькой деревушке Джемeppe, которая находится на том же берегу реки, что и большая дорога, мы вышли из экипажа и переправились на пароме на завод, где один из управляющих любезно провел нас. Все внешние здания находятся в том же состоянии, что и тогда, когда их занимал принц-епископ, а одно крыло по-прежнему является резиденцией семьи мистера Кокерилла. Он состоит из трех площадей, или внутренних дворов, переходящих одна в другую благородными арками, первая из которых до сих пор увенчана гербом прелата с его девизом — *“je maintiendrai”*. В парадном дворе располагались апартаменты самого принца, во втором дворе - его офицеров и свиты, а третий был отведен под дом и конюшни, и теперь вместе с

этажами на втором этаже образует четыре квартиры, каждая длиной в двести футов! Все здание, с его благородным фасадом и остатками ценного дерева, которые его окружают, все еще сохраняет атмосферу великолепия, соответствующую его былому состоянию. Сады в тылу теперь сплошь покрыты мастерскими, кузницами, печами и складскими помещениями; а за ними, еще дальше отступая к реке, находятся угольные месторождения и железные рудники; все это в буквальном смысле слова образует внутри себя *город*, в котором ежедневно работают свыше 2000 рабочих во всех различных отраслях его всеобъемлющей системы.

Снаружи, если не считать дыма из его труб на расстоянии, едва ли можно было различить природу обширных операций, происходящих внутри; но перед парадным входом на берегу реки лежал огромный образец его продукции — гигантский цилиндр для паровой машины, которую отправляли в Пруссию, мощностью в двести пятьдесят лошадиных сил и таких размеров, что только эта его часть имела семь футов в диаметре и весила более двенадцати тонн. Помимо двух огромных печей для выплавки необработанной руды, имеется более тридцати других для промывки, пудлинга и обработки железа на различных стадиях; восемьдесят кузниц, две чугунолитейные и одна медеплавильная; один обширный цех для изготовления котлов, другой для маховиков и всех частей паровых машин, а третий для локомотивов; помимо бесчисленных помещений для всех других видов тяжелой техники, помещений для дизайнеров и журналов моделей. (Прядильное и другое легкое оборудование производится на другом предприятии в Льеже.) Все это приводится в движение семнадцатью паровыми машинами, суммарная мощность которых превышает девятьсот лошадей, а расход угля для них и печей составляет четыреста тонн в день, добывание которого, как нам сказали, обходится в пятнадцать франков за тонну. Ее продукция включает в себя весь спектр английского оборудования для каждой отрасли промышленности, и ее продукция экспортируется во все страны—производители, с которыми она имеет товарное сообщение, - в Россию, Пруссию, Германию, Испанию, Италию и Францию и даже в Южную Америку. Каждое новое изобретение, пользующееся успехом в Великобритании, было воспроизведено в Seraing в течение короткого времени после его появления у нас.

Комнаты и обширные залы, судя по обширной конструкции здания, представляют собой довольно пугающий вид для постороннего, который может быть не подготовлен к необычному зрелищу единственной камеры, оснащенной пятью сотнями пороков по бокам, и все они наполнены стуком колес и грохотом всевозможных механизмов, действующих в центре. Все рабочие - бельгийцы, сейчас не нанят ни один английский механик. Их инструменты, однако, были в основном из Манчестера, и в ответ на замечание, что в Генте Феникс изготавливают самостоятельно, суперинтендант заметил, что они попробовали провести эксперимент и обнаружили, что их можно было приобрести дешевле и качественнее в Англии. Одно время в Серене работало до 2800 рабочих, заработная плата которых варьировалась от трех франков в день до пяти или шести, но в среднем составляла около четырех франков в день, не считая дизайнеров, чьи доходы более значительны. В последнее время это заведение работало менее регулярно из-за спада спекуляций в целом и завершения контрактов на различные железные дороги, и в настоящее время занято не более 2000 человек. Весь концерн, кроме того, в настоящее время находится в замешательстве из-за недавней смерти владельца, что приведет к тому, что все имущество будет продано для урегулирования его дел. Масштабы его спекуляций в каждой отрасли промышленности и почти в каждой стране Европы почти невероятны. Он был связан не менее чем с пятьюдесятью различными рудниками и фабриками по прядению и ткачеству хлопка, шерсти и льна, по производству бумаги и ситца с набивным рисунком, по

размолу муки, изготовлению чесальных машин, короче говоря, со всеми перспективными отраслями промышленности в Бельгии, Франции и Германии. Его собственность в Серене была оценена (я не могу ответить, насколько правильно) в 10 000 000[13] франков, а его фабрика прядильных машин в Льеже - в 3 000 000, его бумажные фабрики и здания в Анденнах - в 2 900 000, его мукомольные фабрики в Котбусе, в Силезии, - в 500 000, его шерстяная фабрика в Сен-Дени - в 500 000, его картоноделательная фабрика в Спа - в 400 000, а его доли в различных других мануфактурах в Бельгии и других местах - в 25 000 000. В Бельгии, на самом деле, наблюдалась мания акционерных спекуляций, едва ли сравнимая с пузырями 1825 года в Великобритании, и сопровождавшаяся столь же разорительными результатами. Поощрение мистера Кокерилла и его участие в этих приключениях до такой степени является одним из источников активности и удивительного развития Seraing; средства этих авантюристов и его собственные, наряду с остальными, были направлены на покупку оборудования, изготовленного им самим. В случае успеха их спекуляция, возможно, была бы разумной, но поскольку за ней в большинстве случаев последовало разочарование, результатом для владельца Серена, по крайней мере, могло быть немногим больше, чем сохранение работы своих кузниц за счет собственного капитала.

Тем не менее, кто бы ни был отдельным пострадавшим, Seraing является выдающимся примером предприимчивости и мастерства, и, будучи поставлен на подходящую финансовую основу, с его исключительными запасами топлива и железа, практически при любых обстоятельствах не может не стать серьезным предприятием. Качество его железа превосходное: в этой руде содержится от двадцати пяти до семидесяти пяти, а в некоторых жилах до восьмидесяти пяти процентов железа; хотя в Бельгии в целом оно не превышает тридцати процентов; и за исключением некоторых очень тонких целей. Серен совершенно независим от любого импорта за пределы своих стен. Однако в том, что касается меди и латуни, он зависит от Англии и Швеции, поскольку, насколько я смог узнать, в Бельгии ничего подобного не производится. Одно неоценимое благо он уже оказал Бельгии: он служил обширным колледжем для обучения механиков; и в течение двадцати лет он выпустил тысячи артистов, которые перешли в другие провинции и основали конкурирующие заведения в Генте, Брюсселе, Шарлеруа, Монсе, Намюре и Турне. “Бельгийцы, — говорит месье Бриавионн, — от природы склонны к механике и сочетают в себе два основных условия успеха - настойчивость и предприимчивость. Но эти качества никогда не были бы задействованы, и их собственные ресурсы не развивались бы, если бы Англия с самого начала разрешила свободный экспорт своего оборудования или Бельгия ввела какие-либо ограничения на его импорт”. [14] Импорт машин из Англии, несмотря на развитие местной предприимчивости, был очень значительным, особенно тех полуодушевленных машин, известных под неуместным и плохо понимаемым термином “инструменты”, которые, по-видимому, являются самой жизнью и опорой конкурирующей бельгийской мануфактуры. В 1830 году бельгийские официальные декларации показывают, что импорт составлял всего 46 372 фр., в 1835 году он вырос до 464 377 фр., в 1836 году до 3 291 275 фр., в 1837 году он составлял 2 851 451 фр., а в 1838 году - 4 708 237 фр.

От Серена до Льежа, расстояние в три-четыре мили, дорога необычайно красива, долина Мааса здесь переходит в широкие и пышные луга, а крутые утесы, сопровождавшие нас от Намюра, уступают место богатыми зеленым холмам, вершины которых покрыты лесом, а их подножия усеяны белыми и веселыми виллами. Посреди этого живописного пейзажа на неожиданном повороте дороги перед нами предстает старый город Льеж, построенный у подножия крутого

холма Санкт-Вальберг, покрытого его церквями и дворцами, и спускающийся к Маасу, который огибает его подножие, встречаясь с водами Урты и Везре, которые соединяются в нем.

Льеж, безусловно, наименее интересный из всех великих городов Нидерландов, не то чтобы события его древних времен были менее волнующими, но характер их выдающихся действий менее увлекателен, а их ссоры менее рыцарственны; в своем современном состоянии он не обладает ни единым привлекательным пережитком старины — ни картин, ни статуй, ни архитектурных красот или руин. Его улицы узкие, неправильной формы и грязные, а в домах нет ничего почтенного или характерного. И все же старые хроники Монстреле и Филиппа де Комина, и причудливое предание о “диком арденнском вепре”, и распри герцогов Брабанта и Бургундии с наглыми бюргерами, и чередование возвышений и унижений князей-епископов, и грубые и изуверские поступки бесчеловечного Людовика XI - все это полно исторического интереса, хотя и отталкивающего и болезненного.

Льеж был епископской кафедрой в течение четырнадцати столетий, когда присоединение Бельгии к Франции положило конец династии его суверенных прелатов. Его ранг был таков среди церковных городов, что его посещали папы и императоры; и его граждане, опьяненные богатством и высокомерием, сразу стали самой буйной и непокорной фракцией, которая когда-либо “душила процветание” общины. М. Ферье в историческом резюме, предваряющем его “Описание Льежа”, таким образом подводит итог положению бюргеров в 12 веке. “Мораль и манеры граждан сразу же испортились в результате приобретения необычайного богатства и вымогательства чрезмерных привилегий у князей-епископов, которые были их церковными суверенами. Ремесленники, привыкшие к экстравагантным заработкам, лишь часть своего времени отдавали трудолюбию, а остальное посвящали обсуждению государственных дел в местах общественного отдыха. Прелат Альберт де Кейк, неспособный усмирить их ропот и беспокойный дух, отступал от уступки за уступкой, пока в 1198 году он не подтвердил им Хартию, которая наделяла жителей Льежа привилегиями, неслыханными в ту эпоху, в которую они жили. Но эти уступки, столь далекие от успокоения, казалось, лишь подстегнули их к новым требованиям — чем щедрее оказывались услуги, тем непомернее становились их дальнейшие требования, — пока, в конце концов, их неугомонное честолюбие не втянуло город в кровавые состязания, которые из века в век окрашивали страницы его истории. Духовенство, поначалу, выступало заодно с народом против власти *высшей знати*, которая пользовалась сразу всей военной и судебной властью в государстве; пока толпа, оторванная от занятий мирной промышленностью, не превратилась, наконец, в забаву неуправляемых порывов, иногда благородных по своему происхождению, но которые слишком часто вырождались в звериную свирепость ради простого удовлетворения мести. Дворяне были первой жертвой народных требований, а духовенство, пришедшее к их власти, в свою очередь стало их собратьями по жертвам”. Вся история их состязаний - это, по сути, одна череда восстаний, направленных не на исправление причиненного вреда или утверждение свободы, а на вождение распушенной и неконтролируемой демократии. Также иногда в долгой череде его князей-епископов встречались такие, чья власть, вместо того чтобы применяться для контроля, использовалась лишь для того, чтобы вызывать ярость населения, и некоторые из этих царственных прелатов проявляли такое высокомерие, что один из них, Джон Луи д'Элдерен, осмелился в одиночку объявить войну Людовику XIV в 1686 году! который вознаградил его за безрассудство, приказав маршалу Баффлерсу разрушить укрепления Льежа у него на глазах, и он должным образом выполнил это указание.

В более поздние времена Льеж был феодальным владением империи, и принц-епископ, курфюрст, имел право голоса как представляющий часть Вестфальского круга. В 1830 году его жители, с истинно наследственным пристрастием к беспорядкам, первыми взялись за оружие, узнав о революции, и отряд патриотов, собранный и направленный месье Роже, двинулся из Льежа в Брюссель, чтобы помочь изгнать дом Нассау, но с намерением просто передать королевство от этой династии Франции, проект, который был отвергнут духовенством и северными повстанцами. С тем ужасающим импульсом, который в массовом, не менее чем индивидуальном безумии, доводит свои жертвы до неистовой ненависти ко всему, что они должны лелеять, и иногда заставлял маньяков есть собственное мясо; первая ярость патриотов была направлена против промышленных предприятий, откуда они черпали свой хлеб; и только твердая привязанность рабочих в Серене к своему хозяину и решимость защитить его собственность спасли этот великолепный храм промышленности от того, чтобы поклонники соперничающей богини свободы сами предали его огню.

Несмотря на меньшую элегантность и привлекательность, на улицах Льежа царит такая же атмосфера деловой энергии и оживленной деятельности, как и в Генте. Река Маас судоходна от города до моря, и по ее набережным часто ходят суда, которые доставляют продукцию в различные города, расположенные вдоль реки, от Руремонда и Венлоо до Горкума, Дордрехта и Рейна. Его улицы запружены непрерывным потоком фургонов, экипажей и тележек, а на лучших улицах и площадях магазины такие же веселые и привлекательные, как на улице Монтань-де-ла-Кур в Брюсселе.

В сочетании с его древним вспыльчивым и неуживчивым нравом, его основным производством является производство пушек и огнестрельного оружия, которое он в свое время экспортировал в Испанию, Португалию, Голландию и Америку. При Франции императорская оружейная фабрика ежегодно производила двадцать семь тысяч мушкетов для императорской армии. Рассказывают, что остальные торговцы, стремясь разделить прибыль монополии, умоляли Наполеона допустить их к участию в поставках и подарили ему тонко обработанное изделие как образец их таланта. Но поскольку, то ли случайно, то ли по злему умыслу, отверстие ствола было слишком узким, чтобы пропустить шомпол, император не дал никакого другого ответа, кроме неодобрительного взгляда на их плохо подкрепленную петицию. При Голландии в 1829 году производство Льежа составило не менее 190 660 единиц оружия; в 1836 году оно выросло почти вдвое, но в настоящее время оно упало намного *ниже половины*, и торговля все еще находится в состоянии упадка. Производство ведется в домах рабочих, которые, тем не менее, установили совершенное разделение труда при изготовлении различных частей и могут изготовить все это по более низкой цене, чем в Бирмингеме или во Франции; двуствольное ружье можно приобрести за тридцать или даже двадцать франков. Ударный затвор еще не был заменен в бельгийской армии на кремневый. Литейный цех рассчитан на производство 300 пушек в год; а в 1837 году, в период наибольшего расцвета торговли, это число даже превысило это число.

В Льеже есть льнопрядильная фабрика на 10 000 веретен, принадлежащая акционерному обществу, главным владельцем которого был мистер Кокерилл. Его работы сейчас вялые из-за недостатка потребления, и джентльмен, знакомый с его делами, очень уныло отзывался о его перспективах. Угли, хотя и встречаются в непосредственной близости, дороги, так как залегают

глубоко, и мы видели, что их обычно замешивают в глиняные шарики для топки печей в гостиницах и частных домах, что свидетельствует о том, что их цена стимулирует экономию.

Как и следовало ожидать, учитывая, что Льеж так долго был резиденцией самого выдающегося прелата Нидерландов, он изобилует церквями, которых насчитывается около восемнадцати или двадцати на население в 50 000 жителей. Они, однако, лишены всех достопримечательностей, за исключением церкви Сен-Жак, которая является прекрасным примером витиеватой архитектуры. Остальные представляют собой обычные сооружения, лишенные каких-либо ценных украшений, за исключением нескольких безразличных статуй скульптора Делькура, который сам был уроженцем города. Дворец правосудия раньше был резиденцией князей-епископов, и в его просторных аркадах, поддерживаемых усеченными колоннами, сохранились следы его бывшего великолепия. Университет, в котором работают несколько выдающихся профессоров, особенно натурфилософии, был еще одним фондом короля Голландии, и, помимо библиотеки, насчитывающей около семидесяти или восьмидесяти тысяч томов, здесь есть музеи естественной истории и минералов необычайной ценности. Но все, что связано с современным Льежем, является обычным и неинтересным; его единственное очарование заключается в изысканном расположении на стыке трех прекрасных долин Мааса, Урты и Вездра, и очень короткого пребывания здесь достаточно, чтобы удовлетворить желание иностранца в поисках “свежих полей и пастбищ”.

Мы выехали из Льежа перед завтраком и направились в Вербье через восхитительную долину Везре, которая, будучи более узкой и извилистой, чем спуск по Маасу, превосходит его по живописной красоте, хотя и уступает по грандиозности своего общего впечатления. Вся линия дороги проходила через поросшие густым лесом лощины и овраги, где река пробила проход между фантастическими утесами, которым время придало форму крепостей или зубчатых стен разрушенных цитаделей. Внизу сама река Вездра, слишком мелкая, чтобы по ней можно было плавать, огибает каждый изгиб извилистых утесов, то сияющих на солнце, то снова едва различимых в темных тенях деревьев и скал. Любитель живописного содрогнется, узнав, что именно через эту очаровательную долину должна пройти железная дорога, соединяющая Льеж с Вербье по пути в Кельн, и даже сейчас инженеры работают, выравнивая, взрывая и выкорчевывая почву, чтобы освободить для нее место, срезая выступающий утес здесь и засыпая бесполезный овраг там, и насыпая высокие насыпи поперек входа в самые прелестные уголки долины, в которые можно заглянуть только через арку, по которой должен пройти поезд. шоссе.

Примерно в четырех милях от Льежа, в одной из долин этой прекрасной реки, находится источник Шодефонтен, который долгое время был курортом Льежа, а теперь превратился в миниатюрный водопой с его отелями и другими поселениями. А на полпути к Вербье дорога, петляющая между холмами справа, ведет в Спа, один из престарелых фаворитов моды, который уже давно уступил трон более молодым и веселым соперникам. Толпа теперь переваливает за поворот ведущей к нему дороги, стремясь добраться до Карлсбада или Висбадена, и уже не довольствуясь, как во времена сэра Чарльза Грандисона, прогулками по “*Променадам четырех лет*”, менюэтами в “*Воксхолле*” или величественными экскурсиями к коттеджам Аннет и Любена из Мармонтеля. По-прежнему местность и пейзажи вокруг, а также великолепные горы

и леса Арденн ни в чем не уступают прелестям более поздних протее *тона*, но вместе с остальной неблагодарной толпой мы тоже отказались от открытой двери устаревшей и заброшенной красавицы и продолжили путь в Вербье.

Вербье - протяженный, но отнюдь не обычный город, раскинувшийся вдоль берегов Везра, где верховье реки представляло собой желаемое место для строительства фабрики. При этом почти 20 000 жителей и их техника расположены вдоль ручья, а возвышенности, безусловно, образуют одно из самых жизнерадостных и здоровых производственных сообществ в Европе. Главными продуктами питания являются шерсть во всех ее разновидностях, камвол и ткани, в производстве которых долина долгое время пользовалась высокой репутацией в Голландии и Франции, а ее товары до сих пор экспортируются в Италию и Левант. Подобно жителям Льежа, рабочие Вербье заразились революционной манией в 1830 году, но их безумие проявилось в еще более дикой форме. При первом известии о восстании они вскочили, жажда схватки, и сразу же выразили свои желания, подняв трехцветие Франции, с которым они требовали немедленного объединения. В городе нет ни крепости, ни гарнизона, и в течение двух дней он был ареной самых отвратительных и неконтролируемых бесчинств. Люди собирались буйными массами и с криками "свобода" срывали королевские знаки отличия Нидерландов и срывали с земель дома правительственных чиновников; фабрики были разрушены, машины выведены из строя, и вся собственность цветущей долины, казалось, была обречена на уничтожение из-за уроков этой пьяной революции. Наконец более трезвым гражданам, сформировавшим городскую гвардию и совет безопасности, удалось восстановить порядок и вырвать свою собственность из рук детей "Свободы".

Торговля шерстью в Анденнах - одно из старейших национальных занятий Нидерландов, и той долей в ней, которой мы пользуемся в Англии, мы обязаны фанатичной ярости Филиппа II, чьи преследования вынудили ткачей Брабанта и Фландрии искать убежища у Елизаветы в Англии. Однако, в отличие от других основных видов льна, Бельгия в производстве шерсти зависит от других стран в отношении используемого сырья; все ее владения позволяют прокормить не более миллиона овец, а ежегодный импорт шерсти из Германии, Голландии, Англии и Испании превышает 15 000 000 франков. Два главных центра торговли, хотя и распределенных по значительному району юга, находятся в Вербье и Дисоне, каждый из которых производит ежегодно от 30 до 35 000 кусков брабанта длиной в тридцать локтей. Производство ведется главным образом в домах рабочих, и в некоторых местах, особенно в Дисоне, предприниматели настолько ограничены в капитале, что система тележек является универсальной, и ткачу платят частью его собственной продукции, которую он должен впоследствии продать под давлением за хлеб по такой цене, какую он может за нее получить; акт несправедливости по отношению к производителю, который всегда должен приводить к явному снижению цен и подрыву торговли.

Вплоть до 1814 года торговля процветала во всех отношениях, но последовательные сокращения потребления, сначала из-за изоляции от Франции, а затем, наконец, из-за отделения от Голландии, пошатнули ее стабильность и привели в состояние значительной опасности в настоящий момент. Тем не менее, количество фабрик не уменьшилось, хотя норма прибыли была снижена до минимально возможного уровня, особенно в Вербье. В настоящее время она обеспечивает работой от 15 000 до 20 000 человек всех возрастов, заработная плата которых варьируется от половины франка в день для детей до двух франков и двух с половиной франков для их отцов. Странами, в которые Бельгия все еще экспортирует, являются Швейцария, Германия, Италия, Левант и Голландия; но, как говорят, торговый договор между

последней страной и Францией был заключен с целью перехода на французские ткани, предпочтение, которое сейчас отдается вервье на голландском рынке. Ее экспорт, однако, демонстрирует невероятный спад после революции. В 1831 году его стоимость составляла *двадцать семь миллионов франков*; в 1832 году - *двадцать три*; в 1833 году она упала вдвое, а в 1836 году снизилась до *шести с половиной миллионов*, уменьшение, которое объясняется многочисленными причинами, но главным образом его исключением из Германии в результате деятельности прусского коммерческого союза; государства, которые когда-то были его наиболее ценными потребителями. Германия в 1831 и 1832 годах потребляла не менее 1 000 000 килограммов бельгийского сукна, которое в 1833 году упало до 344 000, а в среднем за четыре последующих года едва превысило 250 000.

Нетрудно представить перипетии шерстяной торговли Бельгии, вытесненной таким образом в течение двадцати пяти лет с рынков Франции и ее колоний, Голландии, Явы и Германии, и запертой в узком кругу своей новой независимости, чтобы поддерживать конкуренцию с двумя своими могущественными соперниками - англичанами и французами. Таким образом, его нынешнее состояние и перспективы освещены в интеллектуальном томе М. Бриавионна. “После стольких лет участия в расцвете Империи шерстяные мануфактуры Бельгии претерпели упадок на ранней стадии ее связей с Голландией, которые она в конечном итоге восстановила, и с таким твердым успехом, что события 1830 года нанесли ей лишь кратковременный ущерб. Конец 1831 года, а также 1832, 1833 и 1834 годы были, в целом, периодом удовлетворительной торговли. Но теперь началась борьба всех мастей, и поскольку обмундирование для армии было быстро завершено, стало необходимо искать новые точки сбыта за границей. Но как раз в этот кризис произошла консолидация Zoll-Verein в Германии, чума, опустошившая Левант, холера, наводившая ужас на Италию, и, прежде всего, коммерческие бедствия Соединенных Штатов в 1836 и 1837 годах, каждое из которых напрямую повлияло на спрос; и, в довершение всего, период депрессии на внутреннем рынке в 1838 году и в прошлом году наступил одновременно с изменением вкусов публики в отношении моды одежды, что изменило весь характер их производства и привело к расходам на новое оборудование. , и по—разному сконструированные аппараты всех видов. Общим результатом в настоящее время является тяжелая депрессия, особенно в более бедных районах Дисона; и можно подвести итог недавней истории торговли, сказав, что два первых года после отделения от Голландии были *хорошими*-1834,*катастрофическими* -1835 и 1836, *сносными* -1837 и 1838, *плохими*— и 1839, в равной степени”.^[15]

Вервье - открытый, веселый провинциальный городок, не похожий на промышленные районы Англии, которые представляют собой плотные ряды закопченных домов из красного кирпича, плотно прижатых друг к другу, но с широкими, солнечными улицами и красивыми белыми домами; жилища владельцев и их фабрики одинаково украшены на фасаде, примыкающем к улице. Местность вокруг, хотя и красивая, бесплодная, а всевозможные продукты в Вервье стоят так же дорого, как и в Брюсселе.

Мсье Годри, интеллигентный владелец нескольких мануфактур, которому мы привезли письма, дал прискорбный отчет о недавних акционерных спекуляциях в Бельгии, которые, по-видимому, проводились с размахом капитала и с совершенно немыслимым безрассудством руководства. Вервье было излюбленным полем их деятельности из-за разнообразия его ресурсов, которые представляли собой что-то на любой вкус предприятия; а поскольку фактически действующие предприятия были гораздо более соблазнительной приманкой для акционеров, концерны

скупались оптом у их владельцев по самым экстравагантным ценам, чтобы быть снова проданными в розницу акциями любителям акционерного бизнеса. Одна угольная шахта в окрестностях города, которая едва не разорила своего владельца, была жадно куплена разработчиками одной из таких схем, скотлив состояние ее владельца как раз вовремя, чтобы скрыть его фактическое разорение, и после непродолжительной разработки закончилась банкротством новой компании — но, конечно, не раньше, чем она щедро вознаградила секретарей, поверенных и справочную. Подобным же образом камвольный производитель, находившийся на грани банкротства, предложил свои фабрики акционерному обществу, которое охотно приняло их на своих условиях — заплатило за концерн сумму, которую он немедленно вложил в землю, и назначило ему зарплату за управление его собственными работами, более чем равную всей прибыли, которую они когда-либо получали.

Вряд ли кто—то поверит, хотя это факт, что в период с 1833 по 1838 год сто пятьдесят или шестьдесят компаний такого рода фактически инвестировали триста пятьдесят миллионов франков, или около 15 000 000 фунтов стерлингов, в спекуляции подобного рода - в страховые компании, рудники, машиностроение, общественные работы, экспортные ассоциации, стекольные мануфактуры, сахарные заводы, хлопчатобумажные и льняные фабрики, книгопечатание, пивоварение, короче говоря, во все мыслимые предприятия, которые можно описать в суммах.

Мания возникла из-за некоторых подобных начинаний, задуманных королем Голландии, но которые, будучи осмотрительно осуществленными, были умеренно успешными. Но никогда теория не была более ярким примером на практике, чем предупреждения Адама Смита, реализованные в случае с бельгийскими компаниями; без любого из двух его основных условий успеха — “монополии или определенных и ограниченных действий” - они сразу же ворвались во все непроходимые дебри спекуляции и экстравагантности. Для успеха любого промышленного предприятия необходимы две вещи: *ум и деньги*; но акционеры компании вносят только последнее, оставляя предоставление первого на усмотрение руководства: партнеры призваны только *платить* и не *думать*, так что масса их капитала не представлена эквивалентной долей интеллекта и предусмотрительности. *Общим* результатом этого является неудача, которая неизменно сопровождает пренебрежение, и даже начатые работы никогда не подкрепляются энергией или не расширяются новыми открытиями и изобретениями. Они являются результатом того напряженного напряжения всех способностей мозга, которое сопровождает бдительную осмотрительность человека, на карту которого поставлено все его состояние и который зависит от своего индивидуального гения. Но владелец акционерной акции, который вносит свой вклад в общий фонд и дважды в год отправляет дивиденды (возможно, не получая их), не обладает ни информацией, ни интересом, необходимыми для стимулирования улучшений.

Таким образом, постоянно происходят ошибки и недочеты, за которыми следуют убытки; при первом же своем появлении они встревожили бы частное лицо и удержали бы его от дальнейшего риска, и он сразу же приготовился бы вернуть свой капитал; но для должностных лиц компании эти происшествия относительно безразличны, пока остается последний шиллинг из выплаченных средств для выплаты им причитающегося жалованья. И даже сами собственники, хотя и осознают уменьшение своей прибыли, не ощущают ее так остро, поскольку она исходит из такого большого фонда, и, кроме того, дух соперничества побуждает их понести временные убытки, чтобы вытеснить какую-нибудь конкурирующую компанию с рынка, чего можно добиться только масштабностью их сделок; по принципу продавца спичек,

который теряет мелочь на каждой пачке и разорился бы, если бы не огромные масштабы бизнеса, которым он занимался.

Результаты этой системы не замедлили проявиться в Бельгии; один за другим они начали напрягаться, ломаться и давать ход; недоверие с каждым часом становилось все мрачнее, когда банк Бельгии, который был аналогичным образом сформирован в 1835 году с капиталом в двадцать миллионов франков и поощрял создание примерно двадцати или тридцати других акционерных спекуляций с капиталом в пятьдесят миллионов больше, внезапно приостановил выплаты в 1838 году, и последовали всеобщее смятение и неразбериха; пузыри лопнули во всех направлениях, те концерны, которые были необоснованными, взорвались сразу, а другие, более значительные, приостановили свои операции. , и прибегли к новым звонкам и займам, чтобы дать им возможность продолжить работу. В то же время цены и заработная плата колебались подобно морским волнам во время этой финансовой бури, одно время достигавшие наивысшей точки из-за спроса на машины, создаваемого такими огромными одновременными усилиями, а затем снижавшиеся ниже уровня, приносящего прибыль, из-за пылкости их конкуренции друг с другом. Некоторые из этих компаний все еще выживают, но почти все они борются с трудностями, в которые они вовлекли не только себя, но и тех частных лиц, в чью устойчивую и прибыльную торговлю они вторглись в пылу своих спекуляций.

От Вербье до Эйпена, прусской границы, дорога извилистая и неинтересная; она быстро оставляет позади очаровательные долины Везра и открывает вид на руины Лимбурга, одно из самых печальных зрелищ запустения, которые я когда-либо видел, - оно стоит одиноко и обособленно на вершине скалистого возвышения, остатков того, что когда-то было городом, а теперь превратилось в дикую местность. Его суровые стены, покрытые зеленым мхом, почти не было видно крыши, а остатки разрушенных укреплений развевались по небу, как разорванное знамя. Однако в нем все еще есть несколько несчастных жителей, которые работают на цинковых рудниках в его окрестностях. Кажется невероятным, что это выброшенное на берег затонувшее судно когда-то было столицей герцогства и резиденцией монарха.

Невозможно повернуться спиной к этой самой интересной и предприимчивой стране без чувства глубокой тревоги за ее будущую судьбу. Для предсказания ее политической судьбы потребовалось бы нечто большее, чем обычная дальновидность, и недавняя возможность европейской войны заставила признать, насколько незначительно Франция отнеслась бы к договорам 1831 или 1839 годов, если бы Бельгия хоть на мгновение встала на пути, препятствующем ее планам либо агрессии, либо обороны. Но те, к чьей будущей участи мы испытываем наибольшее сочувствие, - это ее искусные ремесленники, ее энергичные и предприимчивые фабриканты и торговцы. Торговцев у нее действительно немного, ибо природа и провидение, похоже, объединились, чтобы превратить Бельгию в мастерскую, а не в склад. Австрия, подло пренебрегая своими интересами судоходства, присоединившись к закрытию Шельды по Мюнстерскому мирному договору, вынудила ее обратить свое внутреннее внимание на саму себя и попытаться заменить ткацким станком и молотком то, что она потеряла из-за уничтожения паруса и руля. Под властью Франции и при всемогущем покровительстве Наполеона ее возможности были развиты в максимальной степени за счет ее капитала и ее средств, вся Европа стала рынком сбыта для ее товаров и создала спрос, который она почти не в силах удовлетворить.

С событиями 1815 года и ее присоединением к Голландии этот обширный выход был сужен до более узкого пространства, и король, взяв на себя руководство своими делами, нашел нацию механиков, обеспечить которых прибыльной работой стало его обязательством. Пытаясь сделать это, сомнительно, не переступил ли он границы благоразумия и не привел ли принятую им систему к дальнейшему развитию полномочий, которых уже было просто достаточно для выполнения их функций;

Как поступают миряне, отдавая в сумме больше

Тому, у кого было слишком много—

Индивидуальное предпринимательство было скорее вытеснено, чем поддержано; и меры правительства имели тенденцию вредить ему в одном отношении, избавляя его от последствий его собственных ошибок, подпитывая его капиталом и унося излишки его продукции через общества, которые закупали по высокой цене, чтобы экспортировать в убыток. Даже со всеми этими приспособлениями ее ресурсы и мощности были развиты сверх законных средств их применения, и 15 000 000 человек ее населения и колоний, которым Голландия, вынужденная отдавать предпочтение своим продуктам, были недостаточны для их потребления. Каково же тогда должно было быть ее состояние, когда в 1830 году эти 15 000 000 были сокращены до чего-то большего, чем три, в то время как ее машины и производственные мощности остались такими же, как прежде?

Следует признать, что новое правительство, несмотря на ропот тех, бедственное положение которых было слишком глубоким для применения поверхностных средств, таких, какие было в силах применить министерство, не оставило без применения ни одного практического средства, которое могло бы облегчить их положение, но пока безуспешно; и история одного года, кажется, представляет собой лишь болезненный контраст с большим процветанием того, что предшествовало ему. Денег, насколько они были доступны, не жалели ни в коем случае. Механическому и коммерческому образованию, как теоретическому, так и практическому, уделялось должное внимание; успешная промышленность получала призы и почести; и коммуникации, как шоссейные, так и железные, были щедро обеспечены, чтобы стимулировать потребление и спрос; но ни одно правительство не может позволить бельгийцам или обеспечить для них то, что само по себе может быть фундаментальным средством правовой защиты — *рынок, пропорциональный их оборудованию.*

Во всем, что является результатом ручного труда, применяемого к местным продуктам, их мануфактуры преуспевают; но как только они вынуждены либо ввозить свое сырье из-за границы, либо вступать в конкуренцию с машинами более густонаселенных стран, их преимущества внезапно исчезают. Таким образом, они превосходны в работе с железом в целом, столовыми приборами, обычными механизмами, и скобяными изделиями, а также в производстве кружев и льняной пряжи, в дистилляции или пивоварении, в изготовлении мебели и бумаги, короче говоря, во всех необходимых предметах домашнего потребления. С другой стороны, их уголь и железо, хотя и в изобилии, залегают глубже и дороже, чем у их самых грозных конкурентов в Великобритании; а меди, которая в равной степени необходима для широкого применения в машиностроении, у них нет. Их торговля утратила бы свое

превосходство, если бы ирландцев когда-нибудь убедили перенять их методы обработки льна; их хлопчатобумажное производство находится в агонии упадка, а производство шелка уже прекратилось. На их шерстяные фабрики, сахарные заводы и другие некогда плодотворные сферы предпринимательства и богатства больше нельзя полагаться; и, одним словом, вся структура их системы работает в условиях переизбытка, для которого еще не хватило изобретательности изобрести эффективное средство.

, Возможно, напрашивается один выход: если ее производственная сила слишком велика, ее следует направить в другие русла, а ее производственные возможности привести в соответствие с ее спросом и потреблением. Но, независимо от того факта, что ее сельское хозяйство, потерявшее, наравне с ее ремесленниками, выход в голландские колонии, уже перенасыщено и не могло бы обеспечить прием излишков ее техники, производство ее машин, даже если бы оно было сокращено до уровня потребностей населения в три или четыре миллиона человек, все равно было бы недооценено ее конкурентами, потребление которых распространяется на значительно более обширные поля. Англия с двумястами миллионами подданных в Индии и на Западе; Россия с 66 000 000; Австрия с половиной этого числа; Германский союз с двадцатью четыремя и Франция с тридцатью пятью миллионами сделали бы совершенно невозможным для Бельгии выйти на какой-либо нейтральный рынок в мире, конкурируя с ними, или даже обеспечить свой собственный, если только не пожертвовать этим.

Трудолюбие, бережливость и мастерство бельгийцев не превзойдены ни одним ремесленником в мире, но это, к сожалению, не единственные условия успеха. “Все страдания бельгийских механиков,” говорит г-н Бриавионн, “связаны с их неудачным политическим положением; но, воспитанные в школе долгих невзгод, они научились находить даже в своих несчастьях источник высших качеств, который поддерживал их в их мучительной борьбе. Расточительные в достатке, невзгоды научили их бережливости — сделали систематичными, терпеливыми и настойчивыми. Воспитанные в роскоши, они примирились с лишениями, и бельгийский фабрикант давно уже научился полагаться исключительно на неутомимый труд и неутомимую предприимчивость. Менее предприимчивый, чем американец или англичанин, он обладает большей дальновидностью, умеренностью и терпением, чем они оба”.

“Положение населения, — добавляет г-н Бриавионн, - можно охарактеризовать таким образом вкратце: из четырех миллионов жителей один пользуется независимостью (l'aisance), другой испытывает нужду (besoin), а остальные колеблются между этими двумя пунктами”.

Но другое размышление, естественно, приходит в голову любому, кто сочувствует бельгийским ремесленникам, щедрым, трудолюбивым и достойным, какими они были описаны здесь, — *кто и что довело их до такого состояния страданий и лишений?* Ответ слишком очевиден; и те, кто был подлыми орудиями их разорения, если они и не обнаружили последствий своего собственного преступления в застое всего национального процветания, то, должно быть, задолго до этого поняли это по “проклятиям, негромким, но глубоким”, которыми осыпают их действия их обманутые и жертвы. За много лет до этого Бельгия открыла для себя истинность максимы, заключающейся в том, что это...

“— лучше переносить те беды, которые у нас есть,

Чем лететь к другим, о которых мы не знаем”.

Если при сменявших друг друга суверенитетах Австрии и Франции и как неотъемлемая часть суверенитета Голландии она не испытывала поэтического удовлетворения от того, что была “нацией, а не провинцией”, то у нее, по крайней мере, были существенные преимущества свободы, богатства и приносящей доход промышленности - благ, которые даже “наследственные рабы”, возможно, не решались обменять на фанатизм, бедность и упадок.

ГЛАВА V.

ЭКС-ЛА-ШАПЕЛЬ.

Изменение внешнего вида страны при пересечении границы Бельгии с Пруссией—Паспорта не доставляют особых неудобств—Анекдот о плантаторе с Ямайки—Первый вид Экс-ла-Шапель — Его население и занятия—*Восстание патриотов в 1830 году*—Его абсурдное завершение—Собор Карла Великого—Его архитектура—Пожертвование Марии, королевы Шотландии—Гробница Карла Великого—Его необычный способ погребения—Реликвии в сокровищнице—Redoute—Игорный дом, арендованный в Пруссии—*Отель де Вилль*—Статуя и фонтан Карла Великого—Окрестности Экса приемлемы—Политическое положение зарейнских провинций Пруссии—*Отличные условия размещения*—Улучшение, предложенное в Англии—Вид страны на Джульерс—Джульерс—*Нойс*—Торговля нефтью для дробления может быть успешно внедрена в Ирландии—Церковь Святого Квирина—Рейн.

Без каких-либо существенных изменений в общем облике страны сотня мелких случайных событий быстро информирует иностранца, пересекшего бельгийскую границу, о том, что он въехал в Пруссию. Тряска брусчатки мгновенно сменяется плавным раскатыванием щебня: в ту же секунду дуанье отдает ему честь по-немецки вместо французского, к которому он привык: каждый кол и деревянная перекладина на таможене аккуратно испещрены кольцами, как столб парикмахера, только белыми и черными, а не малиновыми, - и неуклюжего бельгийского почтальона в костюме наполовину хибернианского образца сменяет подтянутый фореитор в военной форме, с трубой через плечо, с пистолетом в руке. обилие камвольного кружева и кисточек. Вид местности тоже изменился, и широкие, похожие на французские, холмы и долины, которые простираются через Лимбург, разбились на обширные огороженные территории, разнообразившиеся обилием лесов и пышных насаждений.

Ни дуанье, ни полиция не доставили нам ни малейших неудобств; первые без всякой платы приняли наше заверение, что в нашем вагоне нет ничего контрабандного, и не открыли ни одного ящика; последние без промедления *визировали* наши бельгийские паспорта, и через десять минут после того, как мы проехали под шлагбаумом, мы уже быстро ехали по отличной дороге в Экс-ла-Шапель. Кстати, сам барьер отличается от бельгийского: массивная деревянная балка, выкрашенная, как обычно, в круглые полосы белого и черного цветов, лежит прямо поперек дороги, и, поскольку на одном конце она нагружена тяжелым грузом, ее поднимают на шарнире, чтобы путешественник мог проехать под ней.

Повсюду, не только в Пруссии, но и в Германии в целом, мы находили такие же вежливые меры в отношении паспортов на каждой границе и полицейском участке, где было необходимо их предъявить; и хотя они, конечно, должны были быть официальными, у нас не было ни задержек, ни раздражения в их расследовании. На самом деле, исходя из собственного опыта, я убежден, что девять десятых протестов против “тиранической неудобности паспортов” на континенте вызваны неправильным соблюдением заявленных требований теми, кто их носит, или их абсурдным неприятием обычая, в котором, хотя он применяется без разбора ко всему миру, их самомнение подозревает что-то личное для них самих. Английский джентльмен из Вест-Индии, путешествовавший несколько лет назад по Швейцарии в сопровождении верного негритянского раба, был с чувством заверен им, когда он возмущался некоторыми неудобствами паспортной системы в последующих кантонах, “что совершенно очевидно, что они не обретут настоящей свободы, пока не вернутся на Ямайку”.

Взобравшись на вершину длинного холма, мы внезапно увидели вниз башенки и купола почтенного и имперского города Карла Великого, расположенного во впадине глубокого лесистого амфитеатра, который возвышается вокруг него со всех сторон, до самой вершины покрытый колышущимися лесами. Невозможно представить себе более очаровательную ситуацию без чего-либо очень живописного или великолепного. Пригороды простираются далеко за пределы старых укреплений, и, проехав мимо бесчисленных вилл и уютных коттеджей, мы проехали под массивными квадратными воротами, увенчанными высокой шиферной крышей, и загрохотали по грубой неровной мостовой по улицам, застроенным грязными и заброшенными домами, в которых ни с какой стороны не было заметно ни богатства, ни комфорта, ни зажиточности. Наиболее впечатляющими зданиями являются огромные отели, которые, кажется, все еще пользуются довольно изрядной долей покровительства, хотя Экс, как и Спа, в последние годы был перенесен на богемские бани и Рейн, и большинство путешественников, которых мы встречаем на улицах, находятся лишь в пути, спеша посетить своих более отдаленных конкурентов или возвращаясь из них.

Во времена Германской империи Экс-ла-Шапель обладал достаточными ресурсами, чтобы поддерживать достоинство свободного имперского города. Его шерстяные мануфактуры издавна были известны в Европе, и изготовление ткани до сих пор остается одним из самых прибыльных занятий. В его окрестностях в изобилии добывается уголь, и здесь также широко развито производство машин, которое было завезено сюда одним из вездесущих Петушков Серенга. Однако в 1830 году он пережил неблагодарную расплату за все свои предприятия: его дом и помещения в один прекрасный день были разграблены бандой взбунтовавшихся бунтовщиков. Население Экс-ла-Шапель является в высшей степени католическим, а его рабочее население, пополняемое постоянными эмиграциями из Вербье и Льежа, было проникнуто глубочайшим сочувствием к действиям патриотов бельгийской революции. Однако их характер характеризовался наихудшим образом, и любовь к грабежу соперничала с любовью к родине в составе их патриотизма. Известие о трех июльских днях в Париже подогрело этот двойной энтузиазм до опасного накала, но когда за этой революцией последовали три сентябрьских дня в Брюсселе, их великодушный пыл в борьбе за свободу уже нельзя было сдерживать обычными рамками; и, наконец, однажды вечером, когда прибыл дилижанс из Льежа с трехцветными кокардами на головах лошадей, скрытые огни свободы вспыхнули; даже крепкие стены тюрьмы не смогли сдержать патриотический пыл ее обитателей, которые, будучи приумножены своими великодушными соотечественниками, немедленно поделились с ними своим великодушием. воспользовавшись результатами своих предыдущих наблюдений и

приведя их к наиболее многообещающим местам, где можно было перекусить, они приступили под оживленные крики *“Да здравствует Бельгия!”* и *“Да здравствует свобода!”* к разделу мебели и продаже запасов в обмен на более состоятельных жителей и владельцев магазинов.

Мистеру Кокериллу, самому неприятному фабриканту, который давал много работы беднякам и обставил свой особняк с невыносимой элегантностью и комфортом, быстро объяснили несовместимость таких привычек и удовольствий с принципами подлинной свободы; и в течение нескольких часов содержимое его жилища, оцененное в 50 000 долларов, исчезло, а вместе с ним освободители завладели его деньгами, состоявшими из 135 000 франков ассигнациями и еще 25 000 серебром и золотом. Продвижение патриотов было, однако, остановлено появлением их вульгарных врагов, полиции; сто двадцать человек из которых под командованием деспота по имени Брендамур не дали факелу свободы занять свою *“сияющую землю”*, и несколькими выстрелами из ружей по *“освободителям”*,

Подавили бы свой благородный гнев,

И заморозил сердечный поток их душ.

Около сорока или пятидесяти *“благородных духом”* были рассеяны этим залпом бюргерской гвардии, несколько других были ранены и попали в плен, но огромное количество бежало через границу, чтобы соединиться с родственными сердцами в Бельгии; и семьдесят человек, которых судили по оскорбительному обвинению в грабежах и поджогах, были подло осуждены прусскими властями на бесславные наказания, присуждаемые за подобные преступления. Так закончилась революция в Экс-ла-Шапель.

Экс-ла-Шапель по-прежнему остается почтенным старым городом, особенно если смотреть издалека, и само его название связано с имперскими идеями; Карл Великий и его рыцарство, короли, императоры и папы, войны, конгрессы и договоры, все это в то или иное время было связано с его именем. Но сейчас у него внутри мало объектов, представляющих большой интерес, — его интерес связан с прошлым. Его Дом Кирке, *the* часовня, от которой древний город Ахен получил свое название, чтобы отличить его от других с таким же названием в Савойе и Провансе, словно какая-то морская реликвия, инкрустированная раковинами и паразитами, едва различима среди покрытий современных зданий, которыми она закрыта и окутана, — беспорядочное смешение стилей: готического, саксонского, византийского и мореско. Но центральный купол, ядро всего здания, и та часть, которая, как говорят, изначально была выбрана для покрытия усыпальницы императора, стоят по-прежнему прямо и незыблемо, без сомнения, в результате постоянных ремонтов и реставраций, *“тысяча лет прошла над ним впустую”*, и это, несомненно, старейший образец саксонской архитектуры в мире.

Первоначально это был простой восьмиугольник с куполом, с арочными окнами по каждой из его сторон, окруженный изнутри галереей, поддерживаемой порфирными колоннами из Дворца экзарха Равенны, которые были перенесены сюда Карлом Великим. Они, по крайней мере, идентичны — они пережили опустошение норманнов и все последующие опустошения Германии, пока французы не стали жадными

Восстановить то, что сохранили гот, турок и Время,

увезли их в Париж, и поскольку только часть из них была когда-либо возвращена, они еще не заменили побеленные колонны, которыми их заменили.

Другие часовни в разное время были пристроены по бокам древнего центра, так что сейчас все представляет собой неформальную и беспорядочную массу, но без чего-либо поразительного или величественного, если не считать больших окон хора, построенного около пятисот лет назад, которые, поднимаясь от фундамента прямо к сводчатой крыше, придают ему вид гигантской оранжереи. Посреди хора подвешена корона для Пресвятой Богородицы, дар королевы Марии Шотландской, а в различных частях церкви развешано большее количество муляжей сломанных конечностей и отметин младенцев, чем я видел где-либо еще.

Эти подношения часто сопровождают молитвы о возвращении представленного предмета или вешаются в знак благодарности в память о событии — разве этот необычный обычай не может быть соотнесен с инцидентом с филистимлянами, описанным Самуилом, когда, чтобы избавиться от изумрудов и мышинной напасти, которыми они были поражены, “священники и прорицатели” приказали им изготовить пять золотых изумрудов и шесть золотых мышей в соответствии с количеством их городов и их лордов, и приносить их в жертву повинности за то, что они взяли ковчег в плен, “за одного человека”? чума обрушилась на них и на их лордов”.

Но самым торжественным предметом в “этой древней оратории” является огромный черный флаг, закрывающий гробницу Карла Великого — он находится под центром гигантского купола, под огромным позолоченным канделябром, подарком императора Барбароссы, предназначенным для того, чтобы гореть над могилой завоевателя, на котором выгравирована короткая, но величественная надпись медными буквами, выбитыми в цельном камне “КАРОЛО МАГНО”. Экстраординарный случай связан с этой впечатляющей гробницей. Император Оттон III, через двести лет после смерти Карла Великого, приказал поднять камень и опустить его в гробницу погребенного монарха — он нашел его не распростертым ниц, а сидящим на мраморном троне, покрытом золотыми выступами, — корона на его костлявом челе, королевская далматическая мантия на его лишенных плоти плечах, — его правая рука покоилась на мече, который в песне трубадуров увековечен как “*непреодолимый жуайез*”, а в левой руке он держал меч, украшенный золотом. скипетр и держава — эмблемы доминиона, который был таким же обширным, как и сам земной шар. Сумка паломника, которую он носил при жизни как символ смирения, все еще висела у него на поясе, а на коленях лежал иллюстрированный перевод Евангелий. Император перевез регалии в Нюрнберг, откуда они впоследствии были перевезены в Вену, и там, в императорской ювелирной палате в Швейцер-Хофе, до сих пор можно увидеть королевские атрибуты Карла Великого, корону, украшенную грубыми неограниченными драгоценными камнями, которые редко можно отнести к периоду тысячелетней давности. Тело было помещено в саркофаг из алебаstra в гробнице, но оно давно исчезло, а мраморное кресло, на котором оно сидело, до сих пор выставлено в одном из альковов галереи наверху.

Этот поразительный случай навел меня на мысль о следующих строках, которые подарила мне Леди, с чьими изысканными постановками публика уже знакома — миссис Аларик А. Уоттс. Ранее они не появлялись в печатном виде.

ГРОБНИЦА КАРЛА ВЕЛИКОГО.

Чей это прекрасный саркофаг?

Святилище героя, могила христианина;
Чей соболиный покров, развевающееся знамя,
Чей балдахин — купол собора,-
Какое сердце покоится в его тени
Чей прах покоится таким образом?
Спросите у собравшихся вокруг народов,
На каждый могу дать ответ!
Солнечный юг услышал его голос,
Холодный север, который видело его лицо,
Патриарх востока, его нога ступила
Варварский запад —его собственный был,
Простой воздух провозгласил его имя,
Куда подуло дыхание небес,
Его галеры со скипетром шли впереди;
И заявили о нем как о своем собственном.
Все еще спрашиваю тебя о безмолвном госте,
Кто после смерти находит свое ложе внизу;
Павия,[\[16\]](#) сохранил ли ты тайну,
И ты не раскрыл это Ронсево?
Храброе братство паладинов
Не свидетельствуете ли вы о его правлении?
Вы, королевские менестрели, — ответьте нам,
Который воспевал Карла Великого!

Скажи , что герой исполнил твою божественную волю
После смерти требую монарший трон,
Нести в вечность,
Что время сделало своим!
Королевская корона, которую носят принцы,

Королевская мантия — хорошо зарекомендовавший себя щит,
Добрый меч в твоей красной деснице,
Которым мог владеть только ты.
Сохрани храбрый дух на этот день,
Бурных раздоров уже давно не было,
Отдыхай, пока не протрубит последняя страшная труба,
И ты просыпаешься, чтобы больше не спать.
Время не видело твою родственную душу,
Его список славы все еще продолжается,
Мир тебе, скала Христова,
Чьи деяния наполнили мир!

Экс-ла-Шапель, как город, как я уже говорил, в высшей степени католический, и собор в любое время переполнен верующими и объектами самого прискорбного уродства. “Сокровищница” собора также удивительно богата реликвиями, поясами Пресвятой Богородицы, салфеткой, в которую дочь Иродиады вложила голову Иоанна Крестителя, жезлом Арона, посохом истинного креста, настоящей манной из пустыни и целым набором других безделушек, которые обычно можно найти в этих благочестивых “морских хранилищах”. И все же Дом Кирке - самое интересное место, поскольку в нем достаточно реальности, чтобы связать его нынешнее состояние с прошлым.

Недалеко от собора находится один из этих отвратительных бань, позор и отвращение континентальных водопоев, лицензированный ад — к чести Пруссии, это *единственный* в ее владениях, и его терпят только на том унижительном основании, что, если бы его отменили, наши соотечественники и другие люди полностью покинули бы купальни Экс-ла-Шапель ради более отдаленных Брунненов Нассау и Бадена, которые все еще продолжали бы бесчестящую достопримечательность. Однако самим жителям и офицерам гарнизона строго запрещено переступать порог — яркий упрек толпам незнакомцев, которые часто посещают его. Кажется, это просторное здание без каких-либо внешних достопримечательностей, а нижний этаж занимают модные магазины и книготорговцы.

Отель де Виль - замечательное и ныне почти разрушенное старое здание, как говорят, расположенное на месте рождения Карла Великого, а одна из высоких башен, встроенных в здание, приписывается римлянам, чьи пристрастия к купанию находили тысячи прелестей в горячих источниках этой прекрасной долины. Интерьер включает в себя ряд залов и салунов, в которых проводились конгрессы и обсуждались мирные договоры в разное время, в течение прошлого столетия и настоящего, включая 1818 год, когда союзные армии были выведены из Франции. Его стены, покрытые фресками, и потолки, некогда богато оштукатуренные, теперь покрываются пылью и ветшают, а престиж старины разрушен превращением здания в полицейское управление, у дверей которого толпа нетерпеливых англичан бормотала “негромкие, но глубокие проклятия” в адрес неудобств паспортной системы.

На маленькой площади напротив него находится каменный фонтан, увенчанный бронзовой статуей Карла Великого, послужившей моделью для стольких его портретов, стоящего в доспехах, в короне, с державой в одной руке и своим знаменитым мечом в другой. Это произведение искусства, как обычно, получило высшую оценку французских виртуозов, совершив паломничество в Лувр. По обе стороны от фонтана расположены два пьедестала, каждый из которых поддерживает огромного бронзового орла.

Экс, как место привала инвалидов, может быть достаточно приятным местом для временного пребывания, воздух в нем должен быть мягким и целебным, а виды вокруг него во всех отношениях очаровательны. Достоинства его вод, какими бы они ни были, конечно, сейчас столь же целебны, как и до революции моды, а окружающие его холмы изобилуют приятными и полезными для здоровья экскурсиями. Возвышающийся непосредственно над городом обелиск на Луисберге, воздвигнутый Наполеоном в память о его победах, был перевернут казаками в поисках монет, которые, как они понимали, принято класть в фундамент подобных сооружений, но был восстановлен королем Пруссии, а его хвalebные надписи стерты. Маленькая деревушка Борсетт, или Буршайд, у подножия холма напротив Луисберга и примерно в полумиле от городских ворот, представляет собой еще одно место отдыха граждан и инвалидов в стиле кокни с математическими клумбами и посыпанными гравием дорожками под прямым углом и параллелями. Во всех этих местах можно найти обычные развлечения, театры, музыкальные группы, базары, кафе, танцы и все ничего не значащие *мелочи* водопоя.

Экс-ла-Шапель - столица заренских провинций, переданных Пруссии на Венском конгрессе, когда они были выведены из той симметричной границы, на которую Наполеон учил Францию смотреть как на естественную границу ее владений. Если бы союзные монархи не руководствовались никакими другими соображениями при образовании королевства Нидерландов, кроме создания контролирующего государства на севере Франции; взгляд на карту мог бы подсказать географическим политикам необычность соединения Пруссии одной разветвленной линией с Францией, с одной стороны, и Пруссией, с другой, и большую уместность добавления этих провинций для увеличения важности недавно созданного государства, для производственных интересов которого блага дополнительных полутора миллионов потребителей были бы важным приобретением. Вполне вероятно, что такое расположение могло бы придать ему большее постоянство, хотя это произошло бы за счет установления с самого начала перевеса римско-католической партии в ущерб голландским протестантам. Как бы то ни было, однако, чувства самих людей, насколько я получил точные ответы на свои запросы, выражают полное удовлетворение их нынешним положением; и твердая, но умеренная решимость покойного короля Пруссии пока что вполне успешно удовлетворяла их в отношении характера их реальных интересов. Абсурдные и пьяные беспорядки, о которых я упоминал в 1830 году, и вызывающая дерзость архиепископа Кельнского два года назад - единственные случаи недовольства или неподчинения, которые я слышал.

Во время нашего визита в Экс-ла-Шапель мы останавливались в замечательном отеле "Гранд Монарк", достаточно большом, чтобы вместить целую больницу инвалидов, независимо от того, страдают ли они той или иной "английской болезнью", чахоткой или скукой. Утром, когда мы должны были отправиться в Дюссельдорф, мы обнаружили, после часового ожидания прибытия

наших лошадей с почты, что ночной официант пренебрег его инструкциями заказать их, и пришлось задержаться почти на час, пока наши паспорта не были отправлены начальнику управления и ошибка не была исправлена.

Во всей Германии действует замечательное регулирование в отношении должностей, которое с наибольшим эффектом могло бы быть введено в Англии и без какого-либо вмешательства правительства в это дело. Перед отправлением начальник почты, являющийся должностным лицом короны, вручает путешественнику печатный бланк, подписанный им самим и содержащий все пункты оплаты за дилижанс, на который он отправляется, расстояние, количество лошадей, километраж и сборы; если они ошибочны, их исправляют на месте, и незнакомец, таким образом, освобождается от всех споров или опасений обмана. Почтовый тариф, в то же время, регулирует *“тринкгельт”*, плату почтальона, которая составляет всего пять серебряных грошей, или шесть пенсов за немецкую милю, состоящую из четырех с двумя третями английской; но ожидается, что путешественник, хотя его и не следует *просить* превышать эту сумму, при условии, что он удовлетворен работой своего почтальона, и, как правило, удвоит сумму или, самое большее, три с половиной пенса за милю, вызовет живую благодарность.

Местность между Экс-ла-Шапель и Рейном, не будучи ни в какой степени живописной, вошла в поговорку как богатая и роскошная, особенно древнее герцогство Жюлье, ныне исчезнувшее, которое окружает одноименный город-крепость. Каждый город и деревня, через которые мы проезжали, были всего лишь скоплением сельскохозяйственных построек — каждое здание было превращено в амбар, — и даже из окон некоторых полуразрушенных башен мы видели торчащие снопы раннего урожая, который уже был собран.

Жюльерс, где мы завтракали, - укрепленный город, построенный посреди явно заболоченной равнины, но настолько окруженный валами и рвами, что, как говорят, неприступен для любого нападения, кроме нападения голодной смерти. Мы без конца проезжали по разводным мостам и крытым переходам; проход петлял из стороны в сторону, пока не показалось, что он выходит в направлении, противоположном тому, в котором он впадал в стену укрепления, и мы остановились, чтобы отлично позавтракать в самой неперспективной гостинице “Дрей Кениген” в центре города, которая, как и Джульерс, является шоссе на Дюссельдорф и Кельн, была заставлена дилижансами и колясками всех мыслимых форм и моделей. У Жюльерса нет торговли, и его единственной опорой, по-видимому, является регулярное снабжение продовольствием гарнизона из 3000 пруссаков и почти столь же регулярный прием вдвое большего числа английских туристов, направляющихся к Рейну или возвращающихся с него.

Между Жюльером и Нойсом, на берегах реки, мы едва видели акр пастбищ или лугов, все, казалось, было возделано, и удивительно, где они находят корм для своего скота, если только его окончательно не отучили ценить траву или клевер. Нойс - шумная, трудолюбивая маленькая община численностью примерно в четыре-пять тысяч жителей, усердно занятая производством льняных и шерстяных тканей и имеющая множество мельниц для производства растительных масел, что, как я удивлен, не практикуется в Ирландии. В то время, когда, как говорят, добыча китов становится наиболее ненадежной, а спрос увеличивается сверх всяких ожиданий из-за увеличения количества машин и строительства железных дорог, которые, по-видимому, более чем уравнивают внедрение газа, выращивание конопли и рапса для получения масла для

потребления на богатой почве Ирландии, несомненно, было бы столь же прибыльным делом, как и во Фландрии или на Рейне. Насколько я понимаю, ветряную мельницу, каких тысячи в Голландии и Бельгии, со всем оборудованием для этой цели, можно построить за 150 фунтов стерлингов или даже меньше.

Нойс упоминается Тацитом как Новезиум, а Друз, как говорят, построил мост через Рейн над городом, на том самом месте, где сейчас находится подвесной мост для перевозки пассажиров в Дюссельдорф. Здесь есть очень примечательная церковь, шпиль которой служит пьедесталом для большой и энергичной статуи святого Квирина, который с развернутым флагом в руке выполняет двойную функцию ее покровителя и флюгера. Само здание построено в какой-то саксонской или нормандской архитектуре, очень напоминающей здание Карла Великого в Экс-ла-Шапель, а под ним находится необычный склеп с резными арками, поддерживаемый низкими усеченными колоннами и в целом отдающий атмосферой глубочайшей древности.

Примерно в полутора милях от города мы въехали на платформу подвесного моста вместе с толпой лошадей, крупного рогатого скота и пеших пассажиров, и менее чем за пять минут простым действием быстрого течения были перенесены на противоположную сторону, где, проехав еще милю или две через сады и пригороды, оказались в Брайтенбахер-Хоф на центральной площади Дюссельдорфа.

КОНЕЦ.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

№ I.

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ЦЕНЫ На ОБОРУДОВАНИЕ В БЕЛЬГИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ.

Поскольку вопрос о разрешении свободного экспорта оборудования из этой страны занимает в настоящее время большое внимание британского законодательного органа, и его политику нельзя с уверенностью оценить, не зная сравнительных темпов производства одного и того же изделия на континенте и у нас — другими словами, какими преимуществами владельцы фабрик и фабриканты Великобритании пользуются в настоящий момент в расходах на возведение своих заводов, - я приложил некоторые усилия, чтобы установить его относительную стоимость в Бельгии и в Манчестере, и следующие выдержки о ценах на заводе Феникс в Генте, а также о стоимости оборудования в других странах. это сопоставимо со стоимостью тех же изделий в Англии, которую мне предоставил выдающийся машиностроитель из Манчестера.

	БЕЛЬГИЙСКИЕ ЦЕНЫ.			АНГЛИЙСКИЕ ЦЕНЫ.	
	Франков	£.	s.	£.	.
ХЛОПЧАТОБУМАЖНЫХ МАШИН.					
Выдувная машина, новая схема, 36 дюймов шириной	1500	60	..	38	..

То же самое, 2 венчика, 2 проволочных цилиндра, 36 дюймов	3000	120	..	72	..
Круговая машина шириной от 18 до 20 дюймов	1375	55	..	55	..
Круговая машина и выдувная машина united, 36 дюймов	4000	160	..	120	..
Порционный вентилятор для 2 или 3 венчиков	400	16	.	10	..
Двойная карточка, цилиндры и бемоли из красного дерева	685	27	10	26	..
Патентная английская карточка Дж. Смита	4000	160	..	100	..
Большая двойная карта шириной 44 дюйма	4100	164	..	100	..
Шлифовальный станок для ослабления верхних карт	700	28	..	26	..
Запатентованный станок для снятия изоляции с главного цилиндра	325	13	..	9	..
Станок для нарезки ломтиками	850	34	..	24	..
Вытяжная рама из 4-10 головок, 3 ряда роликов на головку	195	7	16	6	..
Долбежный станок, 28 шпинделей	2025 г.	81	..	67	..
Ровничные рамы из 48 шпинделей, приводимых в движение лентами, трех рядов, 9 роликов, двойных направляющих, расширяющихся шкивов	2300	92	..	74	..
Трубная рама J. C. Dyer, от 16 до 24 труб, на трубу	150	6	..	5	Mule jenny, от 240 до 264 шпинделей, на шпиндель
6?	6?	..	5с.2½д.	3	..
<i>Машины для производства льна и пакли.</i>					
Гребнечесальная машина в комплекте с рубилками	1200	48	..	34	..

Двухрезальная машина		1200	48	..	36	..
Круглорезная машина для срезки льна		1741	69	12	42	..
Подготовка длинномерного льна.						
	Frans	Frans				
	Цепная	спиральная	цепная	спиральная	цепная	спираль
1-я волочильная или раскатывающая машина	1800	2500	72	100	56	65
2-я волочильная 2 головки, по 2 щепки каждая, на головку	1000	1350	40	54	£37	40
ровничных рам, принцип волочения, на шпиндель	305	345	12	13	£10	£11
Регулирующее движение	330	. 370	13	фунтов 14	фунтов10	фунтов11
Подготовка буксировки.						
			£.	s.	£.	s.
Машина для отбивания или открывания ватина	500	..	20	15	15	..
Жук	20	..	20	карточек (брейкеров) диаметром 48 дюймов, на дюйм	70	..
2	16	2	10	Диаметр роликов.	.	.
.	Подъем катушки.	Подача.				
1½ дюйма.	2 дюйма.	2½ дюйма. на шпиндель	34	1	7	..
2 дюйма	2 дюйма	2½ дюйма. каждый шпиндель	36f. 50C	1	9	1

2½ в.	В 2½.	3 в. каждый шпиндель	39	1	11	1	2с. 6д.
3 в.	3 в.	3 в. каждый шпиндель	39	1	11	1	2с. 6д.
Если ролики будут латуни, а не из дерева, цена будет увеличена за каждый шпиндель			2	..	1С. 7д	..	6д.
Катушка, 40 шпинделей			250	10	..	10	..
комплектация машины			600	24	..	15	..

Ниже приведен список некоторых других изделий, используемых в различных отраслях производства, с ценами в Генте.

	Франки
Machine à bobiner des échevettes à 80 bobines	600
Idem, des échevettes et des fusieaux à 80 bobines	638
Idem, des fuseaux ou Winding Machine, à 80 bobines, système Anglais	530
Machine à Ourdir, ou Warping Machine, système Anglais, de la largeur de 107 à 150 centimètres dans le rot	520
Machine à Parer, ou Dressing Machine, système écossais perfectionné, large 107 centimètres dans le rot	1610
Idem, même construction, large 108 centimètres, dans le rot	1655
Idem, même construction, large 129 centimètres dans le rot	1710
Idem, même construction, large 152 centimètres dans le rot	1810
Idem, système Anglais perfectionné, large 107 centimètres dans le rot	1400
Métier à Tisser, ou Power Loom, dernier système perfectionné, pour calicots unis, large 107 centimètres under pick ou over pick	255
Idem, pour calicots croisés, large 107 centimètres dans le rot	290
Idem, pour calicots unis, large 118 centimètres dans le rot	264
Idem, pour calicots unis, large 129 centimètres dans le rot	274
Idem, pour calicots croisés, de 118 centimètres dans le rot	300
Idem, pour calicots croisés de 129 centimètres dans le rot	310
Idem, pour calicots unis de 152 centimètres dans le rot	289
Idem, pour calicots croisés de 152 centimètres dans le rot (lorsque les métiers à tisser sont demandés avec double ensouple, le prix augmente de 12 francs par métier. L'atelier construit toutes les largeurs que l'on indique)	325
Dandy Loom, ou métier à tisser à la main	130

Métier à Tisser mécaniquement les velours, piloux, cuir Anglais, et autres étoffes	450
Machine à plier et les étoffes	

MÉCANIQUES DIVERSES.

	Франки
Machine à carder les piloux, brevetée en Angleterre, récemment introduite	1250
Machine longitudinale à tondre les piloux, largeur 70 à 73 centimètres	1800
Calandre en fonte à double levier, avec deux rouleaux en papier, un rouleau creux en fonte, poli pour lustrer	3000
Presse Hydraulique à piston de 6 pouces de diamètre avec deux pompes en cuivre de la force de 64,000 kilogrammes	2050
Presses Hydrauliques, de la même construction, de 64,000 jusqu'à 300 mille kilogrammes. Les prix en sont établis suivant leur degré de force	
Filtre en fer, breveté, pour raffineries de sucre, à deux plateaux	1400
Idem, même construction, à trois plateaux	1685
Balance à bascule portative, système Américain, nouvellement introduit, à l'usage des manufactures, forges, maisons de roulage, etc.	
Idem, à pont fixé sur maçonnerie propre à la pesée des voitures	
Moulin, pour moudre la drèche à l'usage des brasseurs	
Laminoirs pour le plomb en toute dimension	
Roues hydrauliques en fer, moleurs ou objets pour mouvements, tels que arbres, chaises, supports, poulies de toutes dimensions, engrenages de toutes espèces	
Plans de Fondations et de dispositions générales pour toute industrie	

Nota.—La couverture des cylindres de pression et les garnitures de cardes ne sont pas comprises dans les prix du tarif. Les machines sont prises dans nos ateliers, l'emballage, le transport et le montage sont à charge de l'acquéreur.

Les conditions de paiement sont: $\frac{1}{3}$ du total de la commande en donnant l'ordre, le second tiers au moment de l'expédition. (Pour l'étranger,) à condition qu'une maison belge se constitue garant du dernier tiers, payable trois mois après l'expédition, (toutes les mesures sont anglaises).

№ II.

ИНСТРУКЦИИ

По
ВЫРАЩИВАНИЮ ЛЬНА
И

ЗАГОТОВКЕ ЛЬНА,

распространенные среди крестьян Фландрии Брюссельским "Сосьете Линьер".

(ПЕРЕВОД С ФЛАМАНДСКОГО ОРИГИНАЛА).

Из информации, собранной во Франции, в Лилле и Париже, можно сделать вывод об одном важном факте: Бельгия *может* сохранить свое неоспоримое превосходство в производстве льна; но для этого она должна, как никогда, уделять особое внимание производству товаров того безупречного качества, которому она обязана своей репутацией. Вследствие этого мы должны просить все комитеты различных округов Ассоциации объединиться с нами, чтобы привлечь внимание производителей, прядильщиц, фабрикантов, отбеливателей и тех, кто отделяет полотно и выделяет его, каждого в своем отделе, и обратить их внимание на каждый пункт, в котором возможно улучшить старые системы.

Особенно необходимо, чтобы были приняты все меры для того, чтобы донести это до сведения производителей, что они не смогут сохранить наше интересное производство в его древнем великолепии, если не будут уделять самое постоянное внимание изготовлению более качественных и прочных изделий, чем производители других стран, и что они не смогут продолжать привлекать иностранных торговцев на наши рынки, если не будут строго воздерживаться от любого мошенничества.

Иногда зубья тростника находятся на неодинаковом расстоянии; опять же, в процессе отбеливания пряжи используются кислоты разъедающего действия, что ухудшает качество. Необходимо убедить тех, кто может участвовать в мошенничестве такого рода или в каком-либо другом обмане, что, нанося ущерб нации в национальной промышленности, они наносят вред самим себе; и что, с другой стороны, те, кто может помочь в восстановлении древней славы Бельгии в производстве льна, первыми пожнут ее плоды.

С этой целью и для того, чтобы заложить основу для достижения этой цели, мы сейчас представляем следующие наблюдения, которые были сделаны во время путешествия по Германии, во время которого особое внимание уделялось различным производственным процессам, практикуемым в этой стране. Мы рекомендуем обратить на них серьезное внимание всех прядильщиков, производителей и продавцов и будем рады получить от них любые идеи или информацию, которые они смогут передать нам, чтобы помочь в составлении окончательных инструкций.

КУЛЬТУРА ЛЬНА-ДОЛГУНЦА.

В округах Куртрей, Сен-Николас и Турне лен выращивается в совершенстве, но нигде больше выращивание не соответствует тому, что можно было бы пожелать. Таким образом, возделывание льна увеличилось, но искусство возделывания не достигло никакого прогресса. Качество льна и даже обилие урожая во многом зависят от выбора семян. В целом семена, которые мы импортируем с Севера, приносят успех, но в течение нескольких последних лет торговцы, занимающиеся этим бизнесом, пользовались доверием, оказанным им фермерами. То, что они продавали как настоящие рижские семена, на самом деле было смесью. Таким образом, в нескольких районах, где они были посеяны, урожай взошел, но частично и несовершенно. Комитет примет меры, чтобы дать фермеру больше уверенности в своих покупках, и примет меры для прямого импорта настоящих рижских семян.

Было замечено, что когда семена высевают рано, как только сезон позволяет прорасти, урожай всегда получается лучше, как по количеству, так и по качеству. Опыт также учит, что хорошая обработка почвы и обилие навоза оказывают большое влияние на качество урожая. Лопату следует использовать предпочтительнее плуга, так как она лучше измельчает землю. Именно это так затрудняет выращивание льна в больших количествах и на нескольких акрах земли вместе взятых.

От тонкости стебля зависит тонкость волокна. Таким образом, чтобы получить прекрасный лен, семена должны быть посеяны очень густо, что можно сделать только там, где почва хорошо удобрена и должным образом обработана.

Было доказано, что, когда лен вытягивают между опадением цветка и образованием семян, волокно получается более тонким и прочным, чем в любое другое время, так что, если не хотят пожертвовать качеством льна для получения семян, первое не должно дожидаться полной зрелости второго.

Прежде всего, необходимо скрупулезно соблюдать севооборот; если по прошествии семи или восьми лет снова посеять лен на том же поле, можно быть уверенным, что будет хороший урожай; но чем меньше интервал между двумя посевами, тем меньше следует рассчитывать на второй с точки зрения качества или веса.

Нам нет необходимости отмечать, насколько это необходимо для производства хорошего льна, что к прополке полей следует относиться с большой осторожностью.

ПОЛИВ.

В Бельгии этот процесс осуществляется по двум разным системам. В Courtraï после вытягивания ему дают высохнуть на поле и выдерживают всю зиму до замачивания. В этом районе, как хорошо известно, лен вымачивают в прозрачных и проточных водах Лиса, где он идеально очищен от всякой слизи.

В округе Фландрия (Pays de Waes) лен замачивают сразу после выдергивания, помещая в воду еще зеленым, поскольку используемая вода застоялась. Мы думаем, что в целом предпочтение следует отдать системе, применяемой во Фландрии; во-первых, потому, что трудно найти такую реку, как Лис, где вода настолько свободна от всякой грязи; и, во-вторых, потому, что лен, вымачиваемый перед сушкой, становится мягче и сочнее, а волокно белее, без того желтого оттенка, который всегда бывает у высушенного льна. Постельное белье, которое мы видели в Германии, было чистого серебристо-белого цвета, а система замачивания, применяемая там, соответствует фландрской. Нам было указано, что высушенное льняное волокно такое же прочное, но оно более твердое и более желтого цвета. Замачивание по методике, применяемой во Фландрии, требует большой осторожности и внимания, а также особого знания процесса. Поскольку у нас нет возможности объяснить все детали, мы ограничимся просьбой к окружным комитетам прислать нам из Фландрии несколько человек, компетентных дать все инструкции, необходимые для успешного выполнения этого проекта.

Установлено, что после замачивания качество льна улучшается при длительном хранении в соломе. Чем старше лен, тем он лучше. Если раньше у него были какие-либо недостатки; если, например, он был пятнистым и имел плохой цвет из-за того, что его плохо выставляли, он становится ровным и однородным, оставаясь долгое время в куче соломы.

Лен полезно поддержать над прядением не только в соломе, но и после трепания и даже после рубки. Немцы придают большое значение мягкости и шелковистости волокон. С этой целью они взбивают лен после того, как он был скошен, натирают его железной расческой без зубьев и особенно тщательно следят за тем, чтобы он состарился либо в соломе, либо после того, как был скошен.

ВРАЩАЕТСЯ.

Как общее и неоспоримое правило, для производства хорошей пряжи необходимо соотносить качество льна с описанием пряжи, которую предстоит прясть. Если тонкая пряжа производится из льна более низкого качества, качество пряжи и, обязательно, ткани будет плохим. Таким образом, очень предвзятое представление о том, что из любого вида льна можно получить тонкую пряжу. В равной степени необходимо измельчать лен в соответствии с тонкостью и качеством пряденой пряжи. Чем тоньше и качественнее получаемая пряжа, тем больше жгута должно быть отделено от твердых волокон. Процессу прядения следует уделять особое внимание — прядут пальцы, колесо только крутится. Длина волокна в значительной степени влияет на прочность пряжи, поэтому важно укладывать лен на прялку таким образом, чтобы прядильщица всегда могла взять волокно за конец, а не за середину. Это наблюдение было сделано во Франции, в окрестностях Валансьена и Камбре, где производится хорошая пряжа для кружев. Прялка должна соответствовать описанию производимой пряжи, чем меньше колесо, тем более открытой и плоской будет пряжа. Чем он крупнее, тем более круглая и скрученная нить. Между основой и утком следует проводить различие, заключающееся в том, что для первого требуется, чтобы быть более скрученным, чем для второго. Чтобы ткань была хорошей, нить основы должна быть круглой, а нить утка - плоской и открытой. Пряжа для нити должна быть более скрученной, чем в других описаниях. Именно по этой причине в Lempleuve используются колеса большого диаметра, вращающиеся с помощью трех шнуров.

В тот момент, когда пряжа мельничного прядения, конкурирующая с пряжей ручного прядения, претендует на превосходство, основанное на равномерном соотношении нитей, ручные прядильщицы должны напрячь все свои нервы, чтобы достичь этого равенства. Важно, чтобы они, насколько это возможно, избегали любых узлов или комков пряжи, чтобы извлекать любые частицы пакли, с которыми могут столкнуться их пальцы. Мы могли бы также порекомендовать проводить операцию с особой чистотой, избегать любых пятен масла, угля и т.п., а также всего, что может быть трудно удалить при отбеливании. Немцы хорошенько взбивают свою пряжу перед плетением, чтобы сделать ее более мягкой и эластичной, они утверждают, что таким образом улучшают качество ткани. По их словам, чем мягче и податливее пряжа, тем тверже и солиднее будет ткань при отбеливании, у нее нет недостатка в том, что она слишком жесткая и негнувшаяся и, следовательно, изнашивается на складках. Система может быть объектом эксперимента. Также полезно готовить пряжу путем кипячения ее в растворе щелочи и замачивания в молоке. Зола из древесины бука предпочтительнее золы из ясеня. Это, по крайней мере, результат их опыта работы в Германии. Мы передаем результаты наблюдения нашим торговцам и производителям, чтобы побудить их провести испытание и впоследствии сообщить нам о результатах. Необходимо строго воздерживаться от использования любых химических средств для отбеливания, их использование постоянно запрещалось нашими древними законами и даже королевскими указами.

ПЛЕТЕНИЕ.

Кусок ткани должен быть полностью однородным по ткани и цвету. Тогда совершенно необходимо, как для утка, так и для основы, использовать пряжу из того же сорта льна. Не должно быть ни одного из этих сухих и омертвевших волокон, чтобы они не исчезли при отбеливании.

Основа и уток должны быть, насколько это возможно, скручены из одного и того же образца.

Многочисленные жалобы поступают на производителей тростника и на ткачей; последние не уделяют достаточного внимания ткачеству, а некоторые из них используют мошеннические средства. Таким образом, у тростника иногда недостаточно зубьев; опять же, иногда одна часть полотна хорошо, а другая плохо сплетена с точки зрения количества нитей и качества изготовления. Мошенничество такого рода выявляется почти на каждом рынке; раньше за него наказывали по постановлениям полиции, но эти превентивные меры существуют лишь на нескольких рынках, и то неполностью. Было бы хорошо, если бы муниципальные администрации, у которых есть общественные рынки белья, энергично возродили их, чтобы снова придать уверенность торговле. Ниже мы приведем подробности этих старых законов. Меры, которые должны быть приняты в отношении правил ткачества, находятся на рассмотрении руководства комитета и генерального консула; они ищут средства положить конец мошенническим производствам, которых, к сожалению, было много в последние годы и которые закончились бы, разрушив торговлю, полным уничтожением производства и отнятием у страны важного источника занятий и существования.

На некоторых ткачей до сих пор жалуются, что они пренебрегают заботой о чистоте: им следует иметь в виду, что ткань, испачканная маслом или основа которой была пропитана каким-либо жирным веществом, как это обычно бывает, не может быть полностью отбелена.

Еще одна жалоба на многих ткачей заключается в том, что они используют пемзу для придания блеска ткани, не замечая, что это значительно повреждает ее.

В Германии не используют пряжу мельничного прядения, там считается, что из нее можно производить только плохую ткань.

Совершенно необходимо усовершенствовать конструкцию ткацких станков; когда ткацкий станок прямой и хорошо установлен, женщина может управлять им так же легко, как и мужчина. На хорошем ткацком станке за день можно выполнить больше работы. Самое важное, на что следует обратить внимание, - это то, что часть, приводящая в движение уточную нить, должна быть всегда горизонтальной. Скоро у каждого районного комитета будет ткацкий станок новой модели, чтобы они могли показать его всем ткачихам. Директор комитета распорядился привезти несколько ткацких станков из Билфилда, в то же время он занимается улучшением ткацкого станка общего назначения, который, по его мнению, неисправен во многих деталях. По этому вопросу Окружному комитету предлагается оказать помощь директору, прислав из своих соответствующих округов опытного механика, который выскажет свое мнение о предлагаемых улучшениях.

Для проклейки основы немцы используют пасту из муки, такую же, как и у нас. Как правило, для простого белья используют *ржаную муку*, но очень тщательно просеянную. Для нарядных или дамасских тканей используют пшеничную муку. Мы можем еще раз отметить, что они уделяют

большое внимание просеиванию, чтобы в пасте не было косточек. Рабочие помещения должны соответствовать качеству выполняемой работы, лучше освещаться и, следовательно, проветриваться. Рабочие могут сделать все возможное, чтобы сохранить драгоценное здоровье своей семьи; здоровый мужчина может выполнять больше работы, чем инвалид. В Германии рабочие помещения легко вмещают четыре ткацких станка и освещаются такими же стеклянными окнами, как и магазины в наших городах. Мы напоминаем всем, что когда рабочее помещение хорошо обустроено и все находится на своих местах, работа выполняется с большим совершенством, большей регулярностью и, наконец, с большей экономией.

ОТБЕЛИВАНИЕ.

Немцы уделяют большое внимание первой стирке белья, при которой они используют рифленый жук, закрепленный таким образом, чтобы тереть ткань, не ударяя по ней и не оставляя на ней слишком грубых царапин. Они избегают любых химических веществ, используют воду из самых чистых источников и постоянно обновляют ее. Проклейка производится с помощью крахмала, произведенного в Кельне. Мы привезли с собой образец, который храним для всеобщего обозрения; считается, что он лучшего качества, чем наш; и я склонен полагать, что именно превосходному крахмалу немецкое постельное белье обязано своим шелковистым блеском. Сушка производится на чердаках, хорошо сконструированных и просторных, где ткань защищена как от солнца, так и от дождя. Для растягивания и переворачивания белья используются ролики, которые облегчают каждое движение. Мы хотим, чтобы наши трибуны подражали немцам в том внимании, с которым они относятся к деталям операций, которые мы только что рассмотрели.

КАЛАНДРИРОВАНИЕ.

Никто не знает, что у нас этот процесс далек от совершенства. Поэтому мы должны привлечь внимание тех, кто занимается этим, к усовершенствованиям, которых требуют их машины. По этому вопросу Директор готов поделиться всеми собранными им идеями. Календарь, которым пользуются немцы, имеет шестьдесят футов в длину, восемь или девять в ширину и пятнадцать в высоту. Ящик, наполненный камнями, поддерживаемый двумя деревянными цилиндрами шести или семи дюймов в диаметре, попеременно передвигают взад и вперед по идеально ровной деревянной доске; полотно сворачивают вокруг деревянных цилиндров и оставляют там на четверть часа. Эта система обеспечивает ровное покрытие, ткань остается сухой и пропускает тепло.

В Билфилде существует еще одна машина, называемая “английская жучковая машина”, с помощью которой получается более круглая отделка, чем с помощью каландра, и которая увеличивает, по крайней мере на мгновение, ширину полотна. При этой операции белье, высушенное и сложенное, кладут на стол из полированного камня и отбивают тяжелыми молотками.

ВНИМАНИЕ УДЕЛЕНО РАСПРОДАЖЕ.

Чтобы облегчить продажу своего постельного белья, немцы считают себя обязанными прибегнуть к соблазнительным изгибам, форме конверта и даже цвету бумаги. Мы можем утверждать, что внимание ко всем этим мелочам дает отличные результаты.

№ III.

ПЕТИЦИЯ БЕЛЬГИЙСКИХ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ ХЛОПКА И СИТЦА В ПАЛАТУ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ.

Декабрь 1839 года.

A MESSIEURS LES MEMBRES DE LA CHAMBRE DES REPRÉSENTANTS.

Le 10 Septembre 1835, la Chambre des Représentants, dont faisait déjà partie la majorité de l'assemblée actuelle, a déclaré que l'Industrie Cotonnière dans sa généralité, n'était pas suffisamment protégée. Cette déclaration a été faite après enquête et discussion. Tout aussitôt le Ministre des finances a promis de présenter un projet de loi qui remplirait le vœu que la législature venait d'émettre; et chacun dès-lors se tint dans l'attente de la mesure promise.

Quatre années sont maintenant écoulées; il n'a plus été question ni du projet du Ministre, ni de la déclaration de la Chambre, de cette déclaration qui pourtant renfermait un projet de haute sollicitude et que l'on ne rappelle ici que comme un témoignage de la prévoyance, qui animait cette assemblée lorsqu'elle fut appelée à se prononcer sur la situation et l'avenir de l'une des branches de travail les plus importantes du pays.

En effet, Messieurs les Représentants, ce qui s'est passé depuis le jour, où a été donné ce témoignage d'intérêt, et la situation présente, tout vient à l'appui du jugement qui a été porté dans votre enceinte. Tout a renforcé l'opinion alors émise. Veuillez en être juges: Au milieu de l'immense élan que la production manufacturière a prise en Belgique, à compter de 1835, l'Industrie Cotonnière s'est consumée en efforts inutiles pour participer à ce mouvement. En 1835, 1836, 1837, et 1838, sa production s'est élevée un peu au-dessus des années 1831, 1832, 1833 et 1834, mais elle n'a pu retrouver l'importance que l'année 1829 et le commencement de 1830 lui avaient donnée. Elle est restée à la seconde époque, surtout quant aux résultats, beaucoup au-dessous de la première. Nous sommes à même d'en fournir la preuve par des documents incontestables.

Et cependant depuis 1835 de nouveaux capitaux ont été versés dans l'Industrie Cotonnière, sans doute parce qu'il semblait à chacun que le gouvernement ne pouvait différer longtemps de se conformer à la politique commerciale que lui avaient tracée les Chambres en plusieurs circonstances, et notamment dans la séance du 10 Septembre. A compter de cette époque, les procédés des filateurs et des imprimeurs furent améliorés, renouvelés en partie; des voyages d'observation entrepris à l'étranger pour mettre le pays quant aux méthodes et aux machines au niveau de ses concurrents. Et remarquez-le bien, Messieurs les Représentants, ces dépenses ont été faites, non dans des espérances de bénéfices, il ne nous a pas été possible d'en faire; mais nous agissions dans un esprit de conservation; c'est pour l'intérêt de notre existence même que nous faisons ces efforts. Et c'est ce qui explique comment le nombre des Power-Looms s'est considérablement accru.

C'est aussi ce qui explique les perfectionnements de détail introduits dans les filatures et dans les fabriques d'impressions. Plus d'une fois, ceux-là même qui obéissant à des préventions inspirées par

des doctrines creuses et subversives de toute prospérité, se sont constitués les adversaires de l'Industrie Cotonnière, l'ont reconnu; seulement ils ont prétendu en tirer argument contre nous. Ils ont dit que toutes ces améliorations étaient un indice de prospérité; qu'elles allaient ouvrir la voie à de nouveaux profits; qu'ainsi le régime douanier auquel est soumise notre branche d'industrie était excellent; qu'il fallait se garder d'y porter atteinte. On n'a malheureusement que trop obéi à ces inspirations!

Les faits, mais des faits irrécusables détruisent de fond en comble ces chimériques assertions.

De 1829 à 1838, l'Industrie Cotonnière a suivi en Angleterre, en France, en Allemagne, aux Etats-Unis, une marche ascensionnelle accablante pour notre pays, lors-qu'on la compare à l'état dans lequel nous sommes restés. L'accroissement roule de 50 à 75 p. c., suivant des calculs officiels que nous publierons plus tard. Et malgré l'influence que l'accroissement de la population a du avoir sur la consommation intérieure, la Belgique est en 1838, au-dessous de la production de 1829; au-dessous non seulement pour les profits, ceci est hors de doute, mais même pour l'importance.

Permettez-nous d'appeler votre attention sur d'autres circonstances de détail, mais qui vont rendre notre démonstration plus frappante.

Il y avait à Bruxelles en 1830, quatre filatures de premier ordre en activité. En 1839, il n'en reste qu'une et celle-là même ne marche pas encore.

De plus, quatre filatures de second ordre ont dans le même temps disparu de cette localité. Parmi les propriétaires de ces établissements, ceux qui ne sont pas tombés en déconfiture, ont profité d'incendies qui sont venus dévorer leurs fabriques, pour se retirer d'une industrie où l'expérience est inutile et où le travail semble à tout jamais condamné à la plus désolante stérilité. Il faut toutefois excepter celle de messieurs Prévinaire et Seny, filatures de 6000 broches, passée à la Hollande, et cela en 1836, à l'époque même où l'on soutient que dans notre pays cette branche d'industrie prospérait. Qui pourrait voir rien de volontaire dans de pareils déplacements, dans de semblables liquidations? Comment affirmer que des faits de cette nature ne cachent rien de désastreux?

A la face du pays et la main sur la conscience, nous déclarons que l'Industrie Cotonnière a constamment languie depuis 1830. Notre intime conviction est qu'elle est atteinte d'un mal organique, sous lequel elle succombe lentement; elle marche à sa ruine; et la cause principale existe dans l'inexécution de la politique commerciale tracée par vous.

Essayera-t-on encore de combattre cette vérité? On n'a déjà entassé que trop de sophismes et de mensonges pour l'obscurcir. L'industrie Cotonnière souffre et dépérit, a-t-on dit, la faute en est aux fabricants qui ne savent pas profiter des avantages que notre position topographique leur offre et qui refusent d'exploiter les débouchés qui leur sont ouverts.—Vous ne le croirez pas, Messieurs les Représentants. Il vous répugnera d'admettre que des fabricants vieillis dans l'étude de leur profession et dans la pratique des affaires commerciales, soient capables de repousser avec une stupide opiniâtreté les occasions de profit qu'ils auraient sous la main et fermeraient l'oreille à des conseils que dicterait la connaissance réelle des marchés lointains. Eh quoi! tandis qu'en Belgique tous les industriels jouissent d'une réputation de vigilance justement acquise, tandis qu'autour de nous tous les peuples rendent justice à l'excellence de notre coup-d'œil, à la supériorité de notre esprit pratique, de notre savoir industriel, ceux-là seulement qui appartiennent à l'Industrie Cotonnière

feraient exception à la règle commune! Seraient-ils donc sortis d'une race autre que celle qui jadis, après avoir approvisionné toutes les contrées de leurs étoffes, surent donner leurs artisans pour maîtres à toutes les nations?

Si donc, Messieurs, l'on vous disait que la détresse de l'Industrie n'est le résultat que de l'ignorance, de l'entêtement ou de l'apathie, de votre propre mouvement vous sauriez en mettre la cause ailleurs. Et en effet, pour apprécier la valeur des hommes qu'on traite avec tant de dédain et si peu de pitié, voici ce qui vous frapperait d'abord:

Depuis 1835, de graves écarts ont été commis en industrie; on a fait plus d'un faux pas. L'industrie Cotonnière s'est abstenue de toute extravagance. Elle ne s'est pas laissée émouvoir; et se tenant soigneusement en dehors de tout calcul d'agiotage, elle est restée attachée aux principes de morale qui seuls fécondent le travail. Elle ne s'est trouvée mêlée à toute cette agitation que pour voir renchérir tous les objets de première nécessité.

Cependant une crise est arrivée. Dans ce moment critique pour le pays, l'Industrie Cotonnière a su encore conserver une assez bonne attitude. Au milieu de nombreuses catastrophes, ceux de ses établissements qui marchaient encore sont restés debout. Les hommes qui se sont conduits ainsi n'étaient assurément pas des industriels incapables.

Mais à la suite de ces circonstances calamiteuses et nonobstant tous les préparatifs qu'en hommes prévoyants ils avaient saisis pour tenir tête à l'orage, ils se sentent aujourd'hui lentement et douloureusement minés par le mal contre lequel, tant de fois déjà depuis 1830, ils ont lutté avec plus de constance que de succès.

Ils se sentent dominés, écrasés par l'industrie étrangère. Le marché intérieur chaque jour leur échappe et chaque jour aussi se resserre devant eux l'espace qui leur restait au dehors pour écouler leurs produits.

Par là se trouve pleinement confirmée la déclaration parlementaire de 1835 que l'Industrie Cotonnière n'est pas suffisamment protégée, que la législation douanière est insuffisante.

Veuillez prendre la peine, Messieurs, de réfléchir sur la situation de l'Industrie Cotonnière et vous reconnaîtrez ce qu'elle a de singulier et à première vue d'inexplicable. Nous sommes tout aussi habiles que nos concurrents de l'étranger; la situation topographique de la Belgique est avantageuse; à certains égards, nous pourrions travailler avec autant ou plus d'économie que beaucoup d'industriels d'autres contrées; et cependant, si l'on ne doit rien changer à l'état de choses actuel, il nous est bien décidément impossible de soutenir la concurrence. La lutte nous deviendra mortelle à la longue.

Et pourrait-il en être autrement? Nous partageons notre marché intérieur avec nos voisins, nous ne pouvons pas aller partager le marché de nos voisins avec eux. Ils viennent chez nous, nous n'allons pas chez eux. Il y a là une cause constante d'inégalité, car nos concurrents commencent par réaliser chez eux des bénéfices qui les mettent à même de vendre à plus bas prix en Belgique. La véritable économie pour un fabricant est de produire le plus qu'il peut dans un temps donné. Pour vendre à bon marché, il faut vendre beaucoup, c'est une vérité démontrée. Or, notre consommation est trop minime, réduite qu'elle est par les introductions étrangères. Pour les impressions, par exemple, les frais de gravure d'un rouleau sont les mêmes en France et en Angleterre qu'en Belgique. Avec le même rouleau un fabricant français fera 500 pièces; un fabricant anglais 5000; un imprimeur belge

n'en fera quelquefois que 50. Il en est des impressions sur étoffes comme des impressions sur papier; le livre qu'on tire à un nombre considérable d'exemplaires, se vend à peu de chose près pour le coût du papier. Les étoffes imprimées qui arrivent de France ou d'Angleterre en Belgique, s'offrent à un prix qui représente la valeur du calicot.

C'est surtout en temps de crise qu'il devient impossible aux fabricants belges de résister à cette concurrence écrasante. Ce qui par dessus tout fait du mal à notre industrie, ce sont les soldes de magasin, que périodiquement nos rivaux de France et d'Angleterre envoient dans notre pays, avec ordre de s'en défaire à tous prix. Tel tissu de coton imprimé qui au printemps aura été vendu par eux à 3 fr. l'aune, fera partie huit à neuf mois plus tard de ces envois de pacotille qu'on sera content de vendre à un 1 fr. 50 et même 1 fr. 25 l'aune. Voilà donc les cotons les plus fins et les plus chers, mis en concurrence directe avec les articles courants du pays. Les fabricants étrangers, avant de commencer une nouvelle campagne avec leurs dessins nouveaux, font maison nette de ce qui leur reste en magasin; et c'est particulièrement la Belgique qu'ils inondent, car ils ne veulent pas gêner les prix sur leur marché principal, qu'ils se réservent à eux seuls. A tout prix ils doivent donc exporter; et par sa situation, la Belgique est à portée de tous.

Plus la mévente est générale chez nos voisins et plus l'inconvénient que nous signalons devient ruineux pour notre pays. Nous souffrons de nos crises, nous souffrons encore plus de celles de l'étranger; car si jusqu'à un certain point, on peut avec de la sagacité voir venir les premières, comment prévoir les secondes? En ce moment ce n'est pas à 1 fr. 50, ni à 1 fr. 25 l'aune que les impressions de Mulhouse sont offertes en Belgique, on les obtient facilement à 1 fr. 10 l'aune de France, faisant l'équivalent de 64 centimes pour l'aune de Brabant; et c'est à ce prix avili que des voyageurs, après les avoir fait entrer moyennant 8½ p. c. de prime de fraude, transport compris,^[17] les colportent dans les villes et dans les plus petits villages de la Belgique. Que sert aux fabricants, contre de pareils débordements d'étoffes, et leur vigilance, et leur rigidité, et leur économie, et leur esprit d'ordre et de calcul. Ils ne peuvent qu'affirmer sans crainte que personne puisse les démentir, que de pareils prix présentent de la perte sur le prix de revient des étoffes qu'ils fabriquent et impriment.

A ceux qui leur reprochent de ne pas s'occuper assez d'exportation, tout ce qui précède peut déjà répondre; mais qui donc pourrait méconnaître que, pour exporter avec fruit, il faut être assuré d'abord d'un certain débit sur le marché intérieur? Le marché intérieur est donc indispensable, et pour les fabricants belges, c'est justement ce qui leur manque.

L'Industrie Cotonnière avait dans les Indes Néerlandaises un débouché que les faveurs spéciales, accordées au pavillon et aux produits des Pays-Bas, devait rendre exclusif à son profit. Tout le trop plein de la fabrication intérieure s'écoulait donc vers ces contrées, dont la consommation s'accroissait de jour en jour. Le marché intérieur venait-il à être surchargé de marchandises, soit par un excès de production, soit par une introduction surabondante de fabricants étrangers, le fabricant cessant de produire pour la consommation indigène, allait écouler à Java ce qu'il avait en magasin, sans être obligé de suspendre ses travaux. Dans le même temps le marché de la Hollande toute entière, où se trouvent 2 millions ½ de consommateurs, lui était ouvert en concurrence avec l'étranger. Quelques préférences lui étaient pourtant accordées. Aujourd'hui le débouché des Indes Orientales est perdu, celui de la Hollande se perd tous les jours, parce que nous y retrouvons comme en Belgique le trop plein, les queues de partie de la France et de l'Angleterre; naguère encore nous avons perdu dans le Limbourg et le Luxembourg 350,000 concitoyens et consommateurs. Voilà les

faits dans toute leur vérité. Comment après cela soutenir encore que la situation actuelle de l'Industrie Cotonnière est tolérable, qu'elle est meilleure qu'en 1830. Encore une fois, MM. les Représentants, votre bon sens, votre patriotisme, se soulèveront contre d'aussi grossières erreurs. Et reportant ensuite votre pensée sur la sévérité de la politique commerciale suivie par des nations voisines, vous vous direz qu'une seule voie de salut reste à notre industrie la possession de notre marché intérieur. Vous nous le donnerez, Messieurs, en retirant aux étrangers la part que la fraude leur a jusqu'à présent laissé prendre, ou vous nous adjoindrez à un plus grand territoire.

Nous vous prions donc de nous assurer, mais de nous assurer par des moyens efficaces, ce qui est notre droit légitime, c'est-à-dire la possession du seul marché qui nous reste, ou d'y suppléer soit par une réunion douanière avec la France, soit par l'accession à la ligue commerciale allemande. C'est notre seul espoir de salut. Nous vous prions encore de vous occuper de cette situation sans retard, nos souffrances sont vives, elles durent depuis long-temps; si contre toute attente l'impossibilité de nous secourir devait être finalement reconnue, comme dernière faveur, nous demanderions qu'on voulût bien nous le dire. Nous en profiterions pour abrégé notre longue agonie, et pour en finir avec les sacrifices, avec ces luttes dans lesquelles nous dissipons à la fois notre temps et nos capitaux. Ainsi, Messieurs, c'est encore un service que vous nous rendrez si par votre intervention nous obtenons que le Gouvernement s'explique.

Mais nous en sommes convaincus nous n'aurons pas fait un appel inutile à vos lumières pas plus qu'à votre patriotisme: vous le savez et jamais votre cœur ne l'oubliera, de l'existence de nos établissements dépendent directement plus de 10,000 familles, plus de 50,000 individus y compris les hommes, les femmes et les enfants; ils appartiennent à toutes les provinces; aux campagnes tout aussi bien qu'aux villes; et vous sentirez que si ce moyen de travail leur était enlevé, il serait absolument impossible de leur en procurer un autre. Vous sentirez donc la nécessité de réunir vos efforts pour conserver à la Belgique une branche d'industrie qu'une volonté ferme sauvera, et qui n'attend qu'une résolution vigoureuse pour grandir, et s'affranchir du tribut qu'elle paie à l'étranger.

Vous jetterez les yeux sur l'importance de cette branche de fabrication, sur la somme de capitaux qu'elle emploie et sur celle qu'elle représente; et vous vous direz que si un jour, par excès d'indifférence, on permettait que des établissements dont en 1835 votre commission centrale a estimé la production annuelle à 45 millions de francs s'écroulassent, les reproches qui viendraient atteindre les auteurs de cette catastrophe ne pourraient jamais être trop sévères. Vous ne voudrez donc pas en gardant le silence, que qui que ce soit puisse jamais essayer de faire peser l'accusation sur vous. Il vous suffira de dire que la déclaration faite par vous en 1835 n'a pas cessé d'exister; vous inviterez le Gouvernement à remplir sans délai les promesses qu'il a faites; et vous pouvez être certains, Messieurs les Représentants, que désormais les vœux que vous exprimerez en notre faveur seront d'autant mieux accueillis, qu'au Ministre qui, en plus d'une circonstance, refusa de nous entendre, a afin succédé le représentant de la ville de Gand, qui en tant d'occasions se constitua le défenseur de nos intérêts. Qu'il exécute comme ministre la politique qu'il a soutenue comme député, et l'Industrie Cotonnière sera sauvée; elle renaîtra bientôt du milieu de ses débris.

Agréez, Messieurs les Représentants, l'expression de notre profond respect.

Les Membres de la Commission Directrice de l'Association en faveur de l'Industrie Cotonnière,

- De Smet-De Naeyere, *Président*.
- P. Rosseel, *Vice-Président*.

- Верхэ-Де Нейер, *Тресорье*.
- Э. Дж. Брекман, Кутбрикс, Ф. Клаас, Э. Коппенс, Де Кок, Париден-Вандерварден, Ван Хаффель, Вортман, *члены*; Бриавуинн, *секретарь*.

COMITÉ DE BRUXELLES.

- Rey, Aîné.
- Сени-Лефранк.
- DePoorter, Aîné.
- Делиманы.
- Хайбург.
- Де Деккер.
- Мэссон Коллард.

COMITÉ DE COURTRAI.

- Van Zantvoorde.
- Catteaux-Gauquié.
- Хельденберг-Куке.
- Август. Хейзентруйт.
- Роммены.
- К. Нейзенс.
- Ф. Россью.
- Г. Марнеф.
- Датис.
- А. Овин.
- Дж. Ламотт.
- Трюффо.
- К. Дюжарден.

COMITÉ DE ST. NICOLAS.

- Delrée et fils.
- Талбум-джоос.
- Ван Ландегем Талбум.
- Ван Немен-Бойе.
- J. Nyssen.
- Ваутерс-Верекен.

COMITÉ DE RENAIX.

- Т. Баскл.
- Богерт-Малингро.

- Виллеке-Карлье.
- Vanden Driessche-Verstraeten.
- Валлемак.
- F. de Keyser.
- Хореман-Камбье.

Certifié les signatures ci-dessus apposées sur les copies du présent mémoire déposées entre nos mains.

Le Président de la Commission-Directrice,
DE SMET-DE NAEYERE.

Le Secrétaire,
Briavionne.

Gand 14, Décembre, 1889.

Nº IV.

EXTRAIT D'UN MÉMOIRE.

ADRESSE LE 3 OCTOBRE 1814, AUX HAUTES PUISSANCES ASSEMBLÉES DANS LE CONGRÈS DE VIENNE,

Par MM. les Vicaires-Généraux de Gand, dans l'absence et suivant l'intention expresse de Monseigneur le Prince de Broglie, évêque de Gand.

“Depuis l'établissement de la religion protestante en divers pays de l'Europe, on ne connaît aucun peuple qui, devant être gouverné par un prince d'une religion différente de la sienne, n'ait pris auparavant toutes les précautions possibles pour mettre l'exercice libre de son culte, tous les droits et privilèges qui y étaient attachés, hors de toute atteinte de la part du souverain.”

A l'appui de cette proposition MM. les vicaires-généraux citent plusieurs exemples choisis dans l'histoire d'Allemagne.

“Les Belges, disent-ils ensuite, sont d'autant plus fondés à solliciter des hautes puissances cet acte de justice, que:

I. La religion luthérienne et la réformée ne sont, à proprement parler, que *tolérées* en Allemagne par les constitutions de l'empire germanique, ainsi que la religion catholique, attendu qu'il répugne au bon sens d'approuver des religions qui se contredisent. Mais dans la Belgique, la religion catholique a été constamment et authentiquement approuvée de tout temps.—Les Belges sont donc à bien plus forte raison fondés à invoquer un droit de garantie formel en faveur d'une religion qui n'a jamais cessé d'être la leur depuis leur conversion au christianisme, et dont l'exercice *exclusif* leur a été constamment assuré par les traités les plus solennels.

II. Tel est d'ailleurs le véritable intérêt de S. A. R. le prince d'Orange; car, on ne peut le dissimuler, une assez longue expérience a prouvé combien les Belges sont attachés à leur religion et en même temps très chatouilleux sur cet article.... Dès le règne de Marie-Thérèse ils eurent à se plaindre plusieurs fois de l'influence de la philosophie moderne sur les mesures de l'administration. On sait que Joseph II, n'ayant plus gardé de mesure, employa vainement des voies d'autorité pour obliger les Belges à adopter ses nouveaux plans *inconciliables avec l'indépendance de la juridiction ecclésiastique, et qu'après une assez longue lutte ils en vinrent enfin jusqu'à secouer ouvertement le joug*. Un prince plus puissant et plus redoutable ne réussit pas mieux à subjuguier leurs esprits. La terreur de son nom et la multitude de ses troupes aguerries maintinrent les Belges dans la dure oppression; mais il ne parvint jamais à leur faire recevoir les institutions impériales, celles de l'université, le catéchisme de l'empire, ni même les quatre articles du clergé de France.... On ne peut nier que S. A. R. le prince d'Orange ne réunisse en sa personne toutes les qualités propres à lui concilier les cœurs de ses nouveaux sujets. Mais les qualités les plus distinguées et les plus aimables d'un souverain ne sauraient être pour le peuple qu'il doit gouverner, une garantie suffisante de la conservation de ses droits en matière de religion. Il n'est pas impossible que ses successeurs ne soient pas aussi favorablement disposés que lui. D'ailleurs les principaux dépositaires de son autorité, ne peuvent-ils pas exercer sur l'esprit du prince une influence très pernicieuse aux vrais intérêts de la religion?... La plupart des hommes d'état n'attachent plus, de nos jours, au maintien de la religion de leur pays la même importance qu'on y attachait autrefois.... Au lieu de se *borner à protéger la religion, à faire exécuter les lois de l'église, à punir les actes extérieurs nuisibles à la société religieuse*, ils s'immiscent témérairement dans les affaires de la religion.

Le véritable intérêt de S. A. R. le prince d'Orange est donc qu'un pacte inaugural assure aux peuples de la Belgique la conservation de leur religion, *dans toute l'étendue de leurs anciens pactes inauguraux*.

III. C'est aussi l'intérêt de l'Europe.... Il importe infiniment au succès du nouveau système politique, que la Belgique soit aussi tranquille, aussi heureuse qu'elle peut l'être, et que par conséquent on ne laisse point germer dans l'esprit des habitants des semences de défiance, de division *et de trouble, dont il serait un jour extrêmement difficile d'arrêter le funeste développement*, si l'on ne pourvoit d'avance à la stabilité inaltérable de l'état de la religion, *tel qu'il existait autrefois*. Pour cet effet, il entrerait dans les plans d'une saine politique *de rétablir dans ces provinces les anciennes constitutions ... nous ne pouvons calculer les résultats d'un autre système*; mais si l'on ne jugeait pas à propos de rendre à la Belgique ses antiques et vénérables institutions, ... nous supplions les hautes puissances assemblées dans le congrès de Vienne, de stipuler dans le traité définitif de cession de ces provinces à S. A. R. le prince d'Orange, les articles suivants de garantie en faveur de notre sainte religion:

1° *Tous les articles des anciens pactes inauguraux, constitutions, chartes, etc. seront maintenus en ce qui concerne, le libre exercice, les droits, privilèges, exemptions, prérogatives, de la religion catholique ..., des évêques, prélats, chapitres, avec cette exception, que le prince souverain et son auguste famille seront libres de professer leur religion et d'en exercer le culte dans leurs palais, châteaux et maisons royales, où les seigneurs de sa cour auront des chapelles et des ministres de leur religion, sans qu'il soit permis d'ériger des temples hors de l'enceinte de ces palais, sous quelque prétexte que ce soit.*

2° Les affaires ecclésiastiques resteront en mains des autorités spirituelles, et ce sera aux autorités ecclésiastiques que l'on devra s'adresser pour tout ce qui tient à la religion, sauf à recourir dans les affaires mixtes au conseil d'état.

3° Le conseil d'état ne sera composé *que de catholiques* et il sera extrêmement important, pour ne pas dire nécessaire, qu'il s'y trouve au moins deux évêques.

4° La nonciature sera rétablie à Bruxelles. Le *conseil d'état traitera seul avec le nonce*, au nom du souverain, des affaires ecclésiastiques dont ce prélat devra connaître, la nomination des évêques, etc.

5° Il y aura un nouveau concordat avec le St. Siège.

6° Il est absolument nécessaire que la dotation du clergé soit irrévocablement fixée, et qu'elle soit indépendante de l'autorité civile. "*Pour cet effet il suffirait de rétablir la dîme.*"—En revanche la contribution foncière pourrait être diminuée d'un cinquième, et la dîme imposée d'un cinquième.

7° L'université de Louvain sera rétablie....

8° L'entier rétablissement de la religion catholique avec tous les droits et prérogatives y attachés, suppose la liberté donnée aux corporations religieuses de se réunir et de vivre suivant leur vocation. Un des plus excellents moyens, et peut-être le seul qui existe aujourd'hui, d'assurer aux jeunes gens une éducation qui réunit tout à la fois l'esprit de la religion et les talents les plus éminents, serait *derétablir les jésuites dans la Belgique.*"

Nº V.

EXTRAIT DU JUGEMENT DOCTRINAL

DES

ÉVÊQUES DU ROYAUME DES PAYS-BAS, SUR LE SERMENT PRESCRIT PAR LA NOUVELLE CONSTITUTION.

"C'est pour remplir un des devoirs les plus essentiels de l'épiscopat, pour nous acquitter envers les peuples sur lesquels le St.-Esprit nous a établis évêques pour gouverner l'Eglise de Dieu (Act. 20, v. 28), de l'obligation qui nous a été strictement imposée par l'Eglise, que nous avons jugé nécessaire de déclarer qu'*aucun de nos diocésains respectifs ne peut, sans trahir les plus chers intérêts de la religion, sans se rendre coupable d'un grand crime, prêter les différents serments prescrits par la constitution.*"

Les signataires du jugement doctrinal indiquent ensuite les principes qui, selon eux, "sont contraires à l'esprit et aux maximes de la religion." Ce sont les art. 190-196, 226, 143, et le 2e article additionnel. Ils observent à légard de ces dispositions:

"(Art. 190 et 191) 1° Jurer de maintenir la liberté des opinions religieuses et la protection égale à tous les cultes, qu'est-ce autre chose que de maintenir, de protéger l'erreur comme la vérité?

(Art. 192) 2° Jurer de maintenir l'observation d'une loi *qui rend tous les sujets du roi, de quelque croyance religieuse qu'ils soient, habiles à posséder toutes les dignités et emplois quelconques, ce serait justifier d'avance et sanctionner les mesures qui pourront être prises pour confier les intérêts de*

notre sainte religion dans ces provinces, si éminemment catholiques, à des fonctionnaires protestants.

(Art. 193) 3° Jurer d'observer et de maintenir une loi *qui met dans les mains du gouvernement le pouvoir de faire cesser l'exercice de la religion catholique, lorsqu'il a été l'occasion d'un trouble, n'est-ce pas faire dépendre à l'avenir, autant qu'il est en soi, l'exercice de notre sainte religion de la volonté de ses ennemis et de la malice des méchants?*

(Art. 196) 4° Jurer d'observer et de maintenir une loi qui *suppose (!) que l'église catholique est soumise aux lois de l'état, c'est manifestement s'exposer à coopérer à l'asservissement de l'église. C'est au fond soumettre, suivant l'expression de notre saint-père le pape, la puissance spirituelle aux caprices de la puissance séculière.* (Bulle du 10 Juin, 1809.)

(Art. 226) 5° Jurer d'observer et de maintenir une loi qui attribue au souverain, *et à un souverain qui ne professe pas notre sainte religion, le droit de régler l'instruction publique, les écoles supérieures, moyennes et inférieures, c'est lui livrer à discrétion l'enseignement public, c'est trahir honteusement les plus chers intérêts de l'église catholique.*

(Art. 143) 6° Jurer d'observer et de maintenir une loi qui autorise les états provinciaux à exécuter les lois relatives à la protection des différents cultes, à leur exercice extérieur, à l'instruction publique, n'est-ce pas confier les plus grands intérêts de la religion à des laïques? *...à dieu ne plaise qu'aucun enfant de l'église concoure par un serment solennel à maintenir un tel ordre de choses!*

(Art. 2 addit.) 7° Jurer de regarder comme obligatoires, jusqu'à ce qu'il y soit autrement pourvu, et de maintenir toutes les lois qui sont maintenant en vigueur, ce serait coopérer évidemment à l'exécution éventuelle de plusieurs lois anti-catholiques et manifestement injustes que renferment les codes civil et penal de l'ancien gouvernement français, et notamment de celles qui permettent le divorce, qui autorisent légalement des unions incestueuses condamnées par l'Eglise, qui décernent contre les ministres de l'Evangile, fidèles à leur devoir, les peines les plus sévères (?) etc. Toutes lois qu'un vrai catholique doit avoir en horreur.

Il est encore d'autres articles qu'un véritable enfant de l'Eglise ne peut s'engager, par serment, à observer et à maintenir...; *tel est en particulier le 227me qui autorise la liberté de la presse.*

Nous avons dû considérer ces articles, en eux-mêmes, et sous le rapport des funestes effets qui *doivent*, tôt ou tard, résulter de leur exécution. Le caractère connu de notre auguste monarque nous donne sans doute un juste motif d'espérer qu'il daignera, par sa royale sollicitude, en préserver autant que possible ses provinces catholiques, qui forment la majeure partie du nouveau royaume; *mais des qu'une loi humaine est intrinséquement mauvaise et opposée à la loi divine et aux lois de l'église, on ne peut, sous aucun prétexte, s'engager d'y obéir.*"

Signé, "LE PRINCE MAURICE DE BROGLIE, évêque de Gand.

CHARLES FRANÇOIS JOSEPH PISANI DE LA GAUDE, évêque de Namur.

FRANÇOIS JOSEPH, évêque de Tournai.

J'adhère au *jugement doctrinal* ci-dessus porté par messeigneurs les évêques du royaume des Pays-Bas:

J. FORGEUR, vicaire-général de l’archevêché de Malines.

J’y adhère également:

Дж.-А. БАППЕТТ, вице-президент, кап. de Liège.”

ЛОНДОН.

НАПЕЧАТАНО ФИРМОЙ SCHULZE & CO., ул. ПОЛЬСКАЯ, 13.

СНОСКИ

[1] Бельгийская революция Уайта, том ii. стр. 10.

[2] Цена их отливок из тяжелого металла составляет пятнадцать франков за тонну; а из более легких - двадцать франков; столярные изделия стоят от двадцати двух до двадцати пяти франков. Все рабочие - бельгийцы и получают в среднем от двух до трех с половиной франков в день. Все используемые инструменты - английские. Их сила является одним из двигателей волки двадцать пять лошадиных сил, потребляя восемь фунтов. угля, с каждой лошадиной силы. Уголь из Шарлеруа стоит двадцать семь франков за тонну за большие куски.

[3] Бриавионн, т. 2, с. 474.

[4] Бельгийская революция Уайта, том i, стр. 94.

[5] L’Industrie en Belgique, v. 2, p. 378.

[6] Копию оригинальной статьи можно найти в приложении к этому изданию.

[7] Хлопок всех других стран не ввозился на Яву и в другие голландские колонии адвалорной пошлиной в размере двадцати пяти процентов.

[8] “Общественные работы в Бельгии”, всеобъемлющий документ, только что опубликованный в Брюсселе М. Нотомб, министром общественных работ, с многочисленными подробностями о железных дорогах. Очень хорошая статья мистера Роусона в "Трудах Лондонского статистического общества" также содержит обширную информацию о них.

[9] М. Бриавионн, т. ii. стр. 445.

[10] Т. 2, с. 262.

[11] Около 53 фунтов. меньше английской тонны.

[12] В меморандуме, переданном мне графом д'Ханом, указана стоимость груза угля для Гентского университета в текущем году (1840) следующим образом:—

	f.	s.
2734 гектолитра галет и мелкого угля	3898	70
Заряды в яме	109	36
Фрахт в Гент	683	50
	4691	56
Сборы в Генте	f.	s.

Городские сборы	131	55		
Рабочие	16	24		
Стоимость разгрузки	368	33		
Суперинтендант	14		529	12
Стоимость 2734 гектолитров в магазине			5220	68

Таким образом, 1000 гентских ливров стоят 10,95 ф. ст.; а поскольку тонна в 1000 кг составляет 2300 ливров, цена по сравнению с М. По заявлению Бриавионна, это будет 25 фунтов 18 центов за тонну. Я, однако, упомянул, что цена значительно упала после паники 1837 и 1838 годов, что объясняет разницу.

[13] У меня есть основания полагать, что эта оценка, данная мне на месте, должна быть неверной, поскольку в 1838 году она оценивалась лишь в половину этой суммы; и даже ее последующее расширение едва ли могло удвоить ее стоимость за столь короткое время.

[14] Том ii., с. 332.

[15] De L'Industrie en Belgique, vol. ii. p. 396.

[16] Павия едва ли менее известна доблестью Карла Великого, чем грациозной галантностью Франциска I.

[17] Le transport entre pour 2½ à 3 p. c. dans ce prix de 8½ moyennant lequel les fraudeurs s'engagent à rendre en dix jours la marchandise de France à Bruxelles.

Исправления

Первая строка указывает на оригинал, вторая - на исправление.

стр. [vi](#)

- Деревня
- Деревня

стр. [xi](#)

- Отель де Вилль
- The Hôtel de ville

стр. [16](#)

- рядом с Шребекскими воротами
- рядом с Шербекскими воротами

стр. [24](#)

- как можно быстрее,
- как можно быстрее,

с. [38](#)

- pour être témoin veredique
- pour être témoin véridique
- столетие спустя
- столетие спустя

с. 45

- Еще одна важнейшая отрасль маратим-трейдинга
- Еще одна важнейшая отрасль морской торговли

с. 51

- Собор в Антверпене
- кафедральный собор Антверпена

с. 54

- Ve Vos,
- de Vos

с. 65

- Конгрегация
- Конгрегация

с. 161

- Намюр и Шлайен.
- Намюр и Шлайен.

с. 179

- хью
- Огромный

с. 239

- Мы останавливались во время нашего визита
- Мы останавливались во время нашего визита

с. 249

- Машина a
- Machine à
- Métier a
- Métier à